

№5
1961

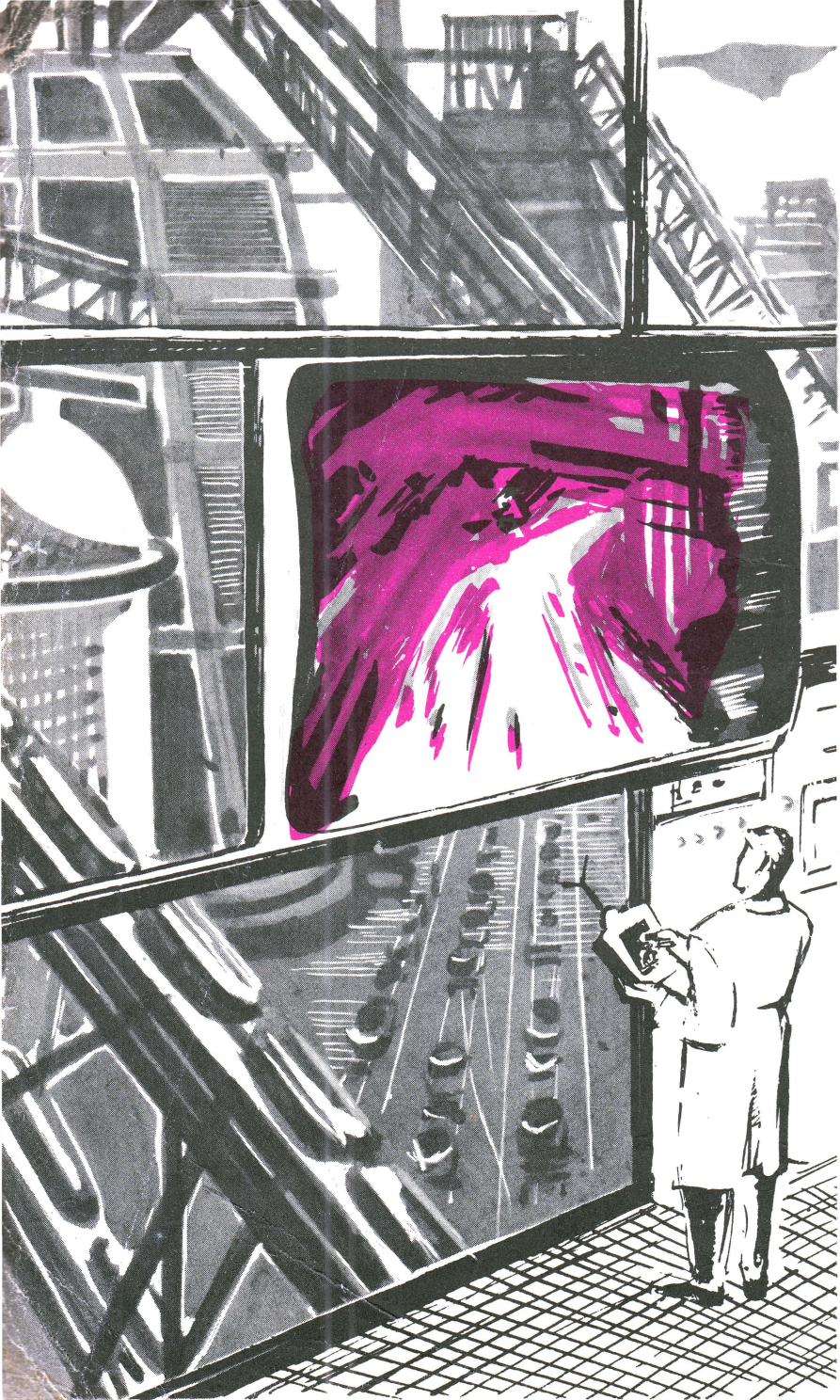
Искатели

**ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ПАРТИЯ ТОРЖЕСТВЕННО ПРОВОЗГЛАШАЕТ: НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ!

Партия будет всемерно содействовать дальнейшему усилению роли науки в строительстве коммунистического общества, поощрению исследований, открывающих новые возможности в развитии производительных сил, широкому и быстрому внедрению в практику новейших научно-технических достижений, решительному подъему экспериментальных работ, в том числе непосредственно на производстве... Наука станет в полной мере непосредственной производительной силой.

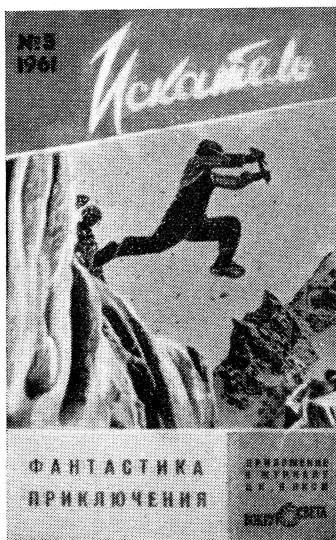
Из проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза

БЕСПРИМЕРНЫЙ ПОЛЕТ ВОКРУГ ЗЕМЛИ

(стр. 12)

Такими представили себе автоматизированные домны будущего художники А. Гусев и В. Немухин.

Трудны и порой опасны тропы отважных искателей. «Прыжок». Фото В. Шустова с выставки «Семилетка в действии».

ВО ВСЕОРУЖИИ НАУКИ

Проект новой Программы Коммунистической партии Советского Союза — выдающийся теоретический и политический документ нашей эпохи. Анализ развития общества, теоретические и практические положения строительства коммунизма разработаны в нем с замечательной научной глубиной. Это единение коммунизма и науки — единение, которое так ярко являет собой проект Программы, закономерно. Ибо коммунизм — и как общественный строй и как учение — основывается на глубокой научной теории, а научное знание по своему призванию служит людям.

Коммунистический образ жизни обеспечивает непрерывный прогресс общества, в изобилии предоставляет каждому человеку те материальные и культурные блага, какие ему необходимы. Наука позволяет добиваться этого с наименьшей затратой труда, средств и времени. Коммунизм поднимает на огромную высоту господство людей над природой, дает возможность все больше управлять ее стихиями. Научная мысль находит необходимые для этого пути и способы. Дела миллионов созидателей нового мира, вооруженных наукой и прокладывающих путь в будущее всему человечеству, приведут к решению самых фундаментальных проблем, стоящих ныне перед населением земли.

В решении главной экономической задачи партии и народа — создать за двадцать лет материально-техническую базу коммунизма — науке отводится роль еще невиданная. «Партия будет всемерно содействовать **усилению роли науки** в строительстве коммунистического общества», — подчеркнуто в проекте Программы. Размах научных исследований в нашей стране и связь их с практической деятельностью должны достигнуть такого уровня, при котором «наука станет в полной мере непосредственной производительной силой».

Темпы коммунистического строительства, как и быстрота научного прогресса, зависят от творческой энергии советского народа. А творчество неотделимо от поиска. И здесь перед ищущим — а им может и должен быть у нас каждый! — открываются необозримые дали.

* * *

Когда Н. И. Лобачевский создал первую неевклидову геометрию, никто не знал, для чего она понадобится. Кому нужна была теория, утверждавшая, что через точку, лежа-

щую вне прямой, можно провести не одну параллельную данной прямой, как учили тысячелетиями, а две? Или что сумма внутренних углов треугольника равна не 180° , а меньшей величине и даже может быть сколь угодно близкой нулю? Новая геометрия представлялась в лучшем случае занятой научной игрушкой или изящным, но бесполезным построением ума. Однако прошло некоторое время, и математики установили ее применимость в ряде областей своей науки. Затем появились другие неевклидовы геометрии. В начале нашего века они послужили одной из основ при создании знаменитой теории относительности. Ну, а без этой теории были бы немыслимы ни ускорители элементарных частиц, ни ядерная энергетика, ни многое другое в нынешней технике и производстве...

В науке ничего не делается просто так, зря. Самые, казалось бы, отвлеченные теоретические работы в конце концов обязательно находят выход в практику. Наука удовлетворяет не только текущие потребности техники, производства и быта. Она готовит еще и задел, действует во имя дня завтрашнего и послезавтрашнего. Поэтому в проекте новой Программы Коммунистической партии подчеркивается и насущная необходимость теснейшего переплетения науки с жизнью и огромная важность теоретических дерзаний. Опыт показывает, что чем смелее научные поиски, тем в конечном итоге богаче их результаты, тем больше они дают для торжества коммунизма.

* * *

Проблема ядерной энергетики — одна из крупнейших в науке XX столетия. Причем и в теоретическом и в практическом отношении. В данном случае мост от теории к практике был найден сравнительно быстро. Уже открытие радиоактив-

---

В НОМЕРЕ:

**НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ —
ВОПРОС О ЛУНОДРОМАХ**

***Что происходит
в недрах звезд?***

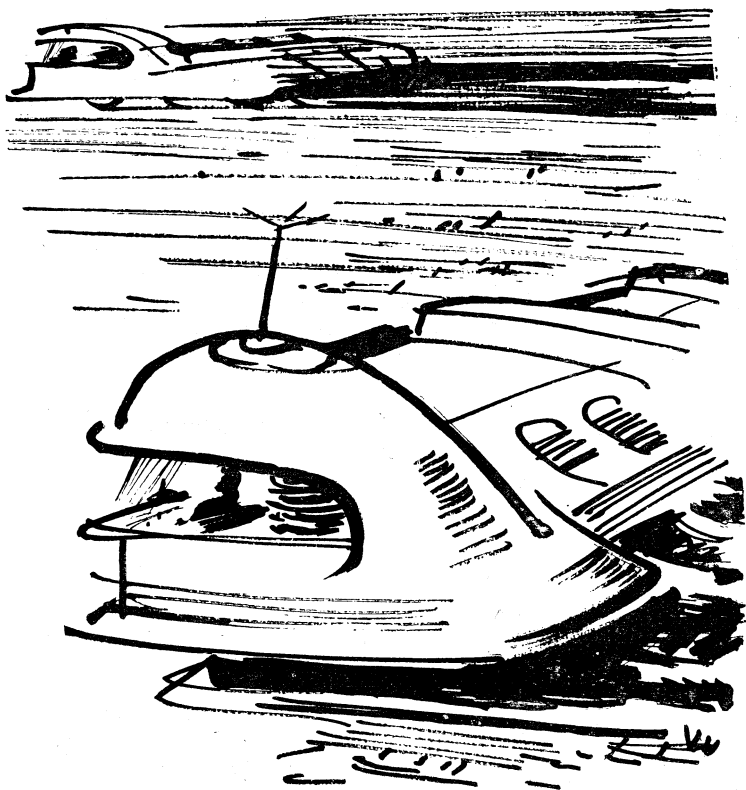
*Рассказывает профессор
Франк-Каменецкий*

САПИЕНС НА ЗЕМЛЕ
Окончание романа
Бориса Худенко

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О БЕЛОРУССКИХ
ПОДПОЛЬЩИКАХ**

**РЕВОЛЮЦИОНЕР
МИХАИЛ ВОЙНИЧ**

ности натолкнуло ряд ученых, в их числе академика В. И. Вернадского и К. Э. Циолковского, на мысль об использовании энергии распадающегося атома. Правда, эта мысль оспаривалась, пожалуй, большинством деятелей науки. Еще в конце 30-х годов даже многие известные физики считали ядерную энергетику чистой утопией. И все же идея грядущего практического использования работ по изучению микромира существовала и крепла. Трудность была в ином. Как реализовать запас внутриатомных кладовых? Где найти ключ от них? Только ответив на эти вопросы, можно

было добиться уже известной, заранее сформулированной практической цели.

И вот в 1939 году было обнаружено самопроизвольное деление некоторых ядер урана. Выяснилось, что деление

С помощью чудесных машин люди будут выращивать невиданные урожаи сельскохозяйственных культур.

это можно вызвать в желаемых масштабах и искусственно, освобождая таким образом ядерную энергию. Всего три года спустя цепная реакция была получена экспериментально. В 1954 году в СССР вступила в строй первая атомная электростанция. А сейчас в проекте новой Программы говорится о развертывании строительства АЭС как важном направлении работ по созданию материально-технической базы коммунизма.

Самые заманчивые перспективы открываются на пути развития термоядерной энергетики. Именно она создаст такое энергетическое изобилие, которое превзойдет даже уровень первого периода коммунизма.

Обычно говорят, что изобилие дешевой ядерной энергии позволит людям регулировать по своему желанию климат на Земле, уничтожить пустыни и вечную мерзлоту, ледовые покровы Арктики и Антарктиды, изменить рельеф планеты и т. д. Все это верно, но далеко не исчерпывает содержания той новой революции в производстве, которая неизбежно произойдет, когда высокоразвитая термоядерная энергетика станет фактом.

Новая, ядерная энергетическая база вызовет переворот во всех основных отраслях коммунистического хозяйства. Сделается возможной добыча природного сырья из многокилометровых земных глубин. Многие виды этого сырья с резко улучшенными показателями будут создаваться в ко-

ре планеты искусственно, путем воспроизведения существующих или организации невиданных еще в природе геологических и геохимических процессов. В преобразовании вещества в нужные человеку материалы примут участие мощные излучения. Новая необычная технология проникнет всюду. Но и это еще не все.

Для того чтобы господствовать над природой, людям нужна сила. При этом она должна быть соизмерима по величине и масштабам действия с теми природными стихиями, которые человек покоряет. Сила термоядерной энергии столь могуча, что в принципе оставляет далеко позади любой естественный процесс в земных условиях: ведь она дает жизнь звездам! Это космическая стихия, и овладение ею позволит людям приступить к переделке природы уже не только на одной планете, но в некоей непрерывно расширяющейся космической сфере, которая когда-то дойдет до границ солнечной системы, а затем и перешагнет эти границы.

В проекте новой Программы поставлена задача — научиться управлять термоядерными реакциями. И в этом — одно из ярчайших проявлений дальновидности партии коммунистов, предвидящей не только ближайшее будущее человечества.

* * *

Органическое соединение умственного и физического труда в производственной деятельности людей, всестороннее гармоничное развитие человека, гигантский взлет производительных сил имеют одним из главнейших своих материальных оснований автоматическую технику. Еще Маркс предвидел, что широкое ее внедрение позволит рабочему стать «рядом с процессом производства, вместо того, чтобы быть его главным агентом», то есть люди освободятся от непосредственного участия в производственных операциях. А по ту сторону производства «начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы». Люди получают самые широкие возможности — и прежде всего достаточное количество времени — для максимального развития всех своих способностей, для творчества.

Совсем недавно, каких-нибудь 10—12 лет назад, человечество не знало таких технических средств, которые могли бы управлять большими участками производства, причем в любой его отрасли. Станки-автоматы, отдельные автома-

тические линии, действовавшие в небольшом числе областей промышленности, автоматические цехи-уникумы, некоторое количество ГЭС-автоматов — таковы были тогда границы применения автоматике.

Возникновение и бурные темпы развития кибернетики сломали эти границы: река автоматизации разлилась в море. В принципе нет такой производственной операции, технологического процесса, предприятия, целой отрасли производства, которую нельзя было бы предоставить полному попечению кибернетических управляющих и иных устройств. Недаром прогрессу и внедрению кибернетики в производство отведено в проекте Программы почетное место. Кибернетические машины начинают управлять домами и локомотивами, заводами и нефтепромыслами. Они всё шире применяются в экономическом планировании и решении сложнейших задач конкретной экономики. Сфера применения кибернетики возросла необычайно. А поиски на этой стезе открывают все новые и новые горизонты.

Самообучающиеся устройства... Они существуют всего лишь несколько лет. В отличие от обычных машин ценность каждого из них возрастает с течением времени. Самообучающийся автомат обогащается опытом работы (скажем, по управлению заводом), становится с годами «умнее». Границы использования таких машин трудно себе представить.

Кибернетические устройства освобождают людей от монотонного, нетворческого и неинтересного труда. Но они же требуют от обслуживающего персонала уйму чисто механической работы. Перевод задания или программы с человеческого на машинный (цифровой или какой-либо другой) язык, расшифровка решений, выданных автоматом, — все это отнюдь не творческие, хотя и очень трудоемкие операции. И вот возникает новая глава кибернетики — теория и проектирование «узнающих» машин. Такому автомату не нужны «переводчики», он должен «понимать» человеческое слово. Трудно представить, как эти поистине дерзновенные поиски скажутся на развитии современной техники и самой кибернетики. Уже сейчас вполне мыслимо создание автоматов-стенографов, которые, «слушая» живую речь, будут сразу же выдавать печатный текст, и автоматов-переводчиков, которые смогут в устной или письменной форме сделать перевод с одного языка на другой. С помощью «узнающих» машин реальным ока-

жется применение автоматов на любых сборочных операциях и т. д.

Еще несколько лет назад было так: чем «умнее» кибернетическая машина, тем она больше, тяжелее и ненадежнее. Полупроводники существенно улучшили положение: габариты и вес устройств значительно уменьшились, а поломки стали реже. Но и это уже не устраивает ученых и инженеров, особенно в связи с освоением космоса: в космической ракете на учете каждый грамм. И снова поиски принципиально новых решений. На горизонте науки возникает идея — использовать в качестве элементов кибернетических машин не электронные лампы и не полупроводники, а отдельные молекулы и даже атомы! Тогда в одном кубическом миллиметре полупроводникового вещества уместится 10 тысяч таких элементов. Машина, которая сейчас занимает огромный зал, станет размерами со спичечную головку! Как этого добиться, никто еще не знает. Но вопрос ставится наукой сегодняшнего дня. И здесь есть над чем подумать, есть что искать...

* * *

В проекте новой Программы со всей серьезностью ставится вопрос о подъеме сельскохозяйственных предприятий до уровня промышленных, о превращении сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. Для этого придется преодолеть немалые трудности, связанные с самой спецификой сельскохозяйственного производства.

На заводе, как правило, движется обрабатываемый предмет, а орудия и другие средства труда стационарны. В земледелии наоборот: перемещается машина, а поле или растения стоят на месте. Это влияет прежде всего на скорость производственных процессов. Да и технологические условия в земледелии гораздо менее стандартны и труднее регулируются, чем в большинстве отраслей промышленности. Одним словом, создать новые, быстро и безупречно работающие машины для сельского хозяйства — очень нелегкая задача. Однако ее надо решать, а значит, опять искать и искать.

Обычно пахота или уборка идет со скоростью пешехода — несколько километров в час. Новаторы повышают эту скорость примерно в полтора раза, соответственно увеличивая производительность труда. А нельзя ли достигнуть еще большей скорости? Ведь это означало бы революцию в механизации земледелия! Ученые начинают искать новые

пути, которые позволили бы создать невиданные еще, сверхбыстроходные земледельческие машины.

Но скорость механических операций в земледелии (как и в животноводстве) — это лишь одна сторона дела. В проекте Программы говорится о большом значении микробиологии для сельского хозяйства. Все большую практическую ценность приобретают исследования роли различных химических элементов в жизни животных и растений. Речь идет о резком ускорении жизненных процессов в растительных и животных организмах.

Этому способствуют такие испытанные способы и средства, как растущее применение разного рода удобрений, развитие ирригации, использование достижений микробиологии для поднятия плодородия почвы, а в животноводстве — улучшение породности скота, увеличение его продуктивности и т. п. Имеющиеся здесь резервы еще далеко не исчерпаны. Но применение физики и химии позволит человеку гораздо более глубоко вмешиваться в физиологию растений и животных.

Уже выращиваются в опыте четырехметровый табак и пятиметровая кукуруза, виноград с ягодами в полтора раза больше обычного, и все это с помощью ничтожных количеств недавно открытых чудесных веществ — гиббереллинов. Применяются стимуляторы роста и многоплодия в животноводстве. Опытники и ученые работают над созданием кустистой пшеницы, когда из одного зерна вырастает не один, а несколько десятков колосьев!

Словом, поиски идут широкие и в самых различных направлениях. Наше сельское хозяйство вступает в великое двадцатилетие подъема и расцвета.

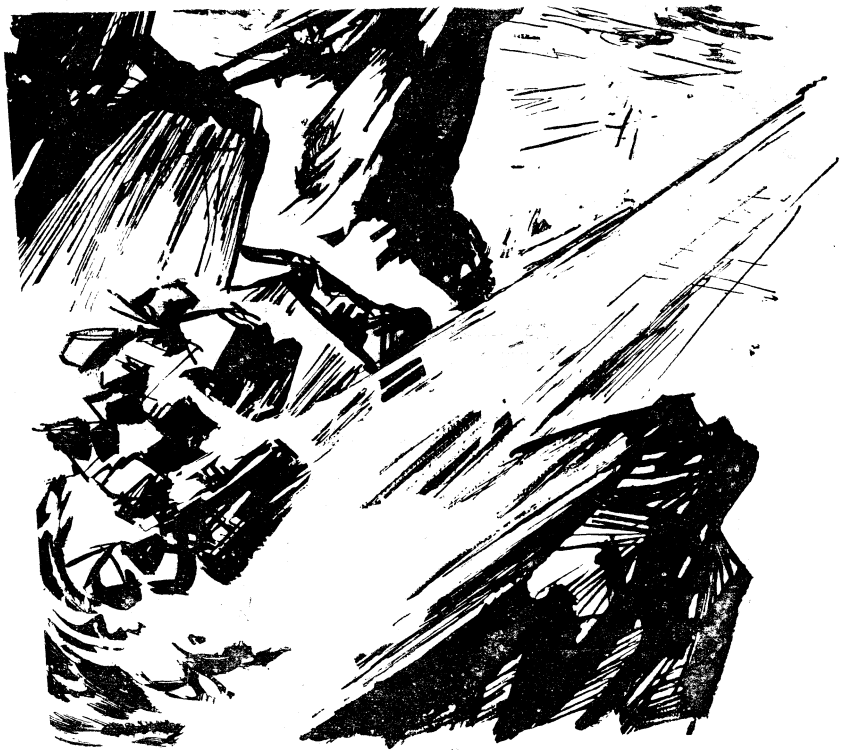
* * *

Запуск в СССР первых искусственных спутников Земли в 1957 году и полеты первых космонавтов в 1961 году открывают новую, космическую эру развития человечества. То, что делает и еще сделает здесь советский народ, поистине грандиозно.

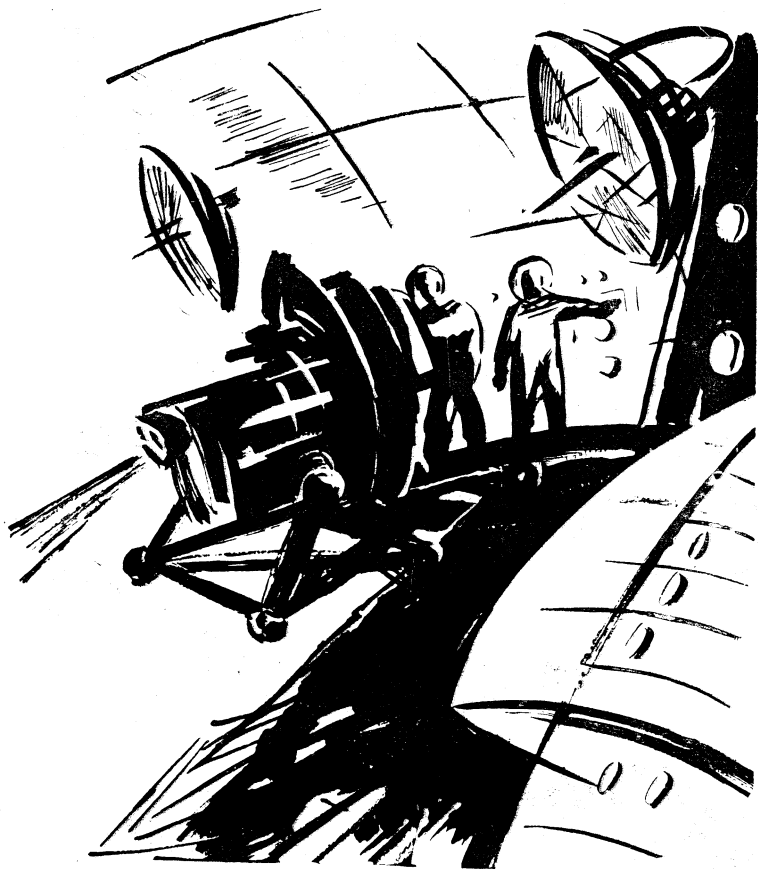
Запуски спутников и космических ракет подготовили непосредственный выход в мировое пространство самого человека. Выдающиеся подвиги Юрия Гагарина и Германа Титова готовят следующие космические полеты на еще большие высоты и еще более длительное время, приближают облеты Луны и планет человеком. Накопленный

опыт позволит приступить к созданию обитаемых спутников Земли различных назначений — метеорологических, геофизических, астрономических и т. д. Уже в ближайшее десятилетие тоннаж космических кораблей возрастет, видимо, в десятки раз. Будут построены космические станции, с которых стартуют на другие небесные тела межпланетные ракеты с отважными экипажами. Начнется освоение планет и всего околосолнечного района, освоение в самом полном значении слова.

Первые космонавты посвятили свои полеты XXII съезду Коммунистической партии. Это глубоко символично. Расцвет наших космических дерзаний — ярчайшее выражение не только технического, но и социального прогресса чело-

вечества. А пути к этому прогрессу, к светлым вершинам будущего указывает партия коммунистов.

Недра Луны, Марса, Венеры станут подвластны человеку.

* * *

Новая Программа партии будет знаменем всенародной борьбы за построение коммунизма, знаменем миллионов советских людей, творящих будущее во всеоружии науки. «...Построение коммунизма — дело рук народа, его энергии, его разума, — говорится в проекте Программы КПСС. — Победа коммунизма зависит от людей, и коммунизм строится для людей. Каждый советский человек своим трудом приближает торжество коммунизма».

ВО ИМЯ МИРА, НАУЧНОГО ПРОГРЕССА

«Свой полет в просторы вселенной посвящаю родной ленинской партии и ее XXII съезду, съезду строителей коммунизма».

Летчик-космонавт СССР Герой
Советского Союза Г. С. Титов

Большие возможности в открытии новых явлений и законов природы, в исследовании планет и Солнца создали искусственные спутники Земли и космические ракеты, позволившие человеку проникнуть в космос.

Из проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза

«Все народы земного шара с огромным воодушевлением и восторгом отметили первый полет советского человека в космическое пространство. Замечательный полет нового советского космонавта показывает, что недалеко то время, когда космические корабли, управляемые человеком, продолжат межпланетные трассы к Луне, Марсу, Венере. Перед человечеством открываются широкие перспективы покорения космического пространства и полетов к планетам Солнечной системы.

...Второй космический полет советского человека вокруг Земли — это новое яркое подтверждение великого могущества народа, построившего социализм. Наши достижения в освоении космоса не являются случайными, они отражают закономерное шествие победоносного коммунизма. Коммунизм неудержимо идет вперед. И нет такой силы в мире, которая могла бы помешать неукротимому движению человечества к своему светлому будущему.

...Все во имя человека! Все для блага человека! — вот наша высшая цель.

Космические полеты советских людей знаменуют собой непреклонную волю, непреклонное желание всего советского народа к прочному миру на всей земле. Наши достижения в исследовании космоса мы ставим на службу миру, научному прогрессу, на благо всех людей нашей планеты».

Из обращения Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза к Коммунистической партии и народам Советского Союза, к народам и правительствам всех стран, ко всему прогрессивному человечеству

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА РАЗУМА

Социализм — это и есть та надежная стартовая площадка, с которой Советский Союз запускает свои космические корабли.

Н. С. Хрущев

Первый советский космонавт Юрий Гагарин открыл дорогу в космос весной — в апреле. Весна вызывает представление о расцвете и всегда полна ожиданием нового. Август — время, когда созревает урожай, когда так ощутимы и радостны плоды человеческого труда. 6 августа 1961 года на советском корабле-спутнике «Восток-2» летчик-космонавт, героический сын Коммунистической партии Герман Степанович Титов совершил 25-часовой полет в космосе, облетев нашу планету более 17 раз.

«Вам, космонавты, как первым разведчикам геологам, которые первыми пробивают тропы, трудно идти, но зато и приятно видеть плоды своего труда, — говорил Н. С. Хрущев на митинге трудящихся Москвы, посвященном встрече героя-космонавта Германа Титова. — Так и народ наш, наша Коммунистическая партия первыми прокладывают путь к коммунизму. На нашем пути встречаются трудности, но мы преодолеваем их и вкушаем плоды своего труда, радуемся успехам в коммунистическом строительстве».

Беспримерные достижения советских космонавтов — это результат титанической работы Великого Сеятеля — Коммунистической партии и вдохновленного ею народа. Недаром блистательное выполнение программы космических полетов каждый советский человек рассматривает как осуществление части великой Программы построения коммунизма, проект которой обсуждает сейчас страна.

* * *

Второй космонавт, Герман Титов, — первый человек, пробывший среди планет и звезд больше суток. Теперь можно сказать, что человек уже жил в космосе. Выполняя программу полета, Титов пилотировал «Восток-2», обедал, ужинал, отдыхал, спал в мчащемся с космической скоростью корабле.

Этот корабль — сгусток замечательных достижений многих и многих отраслей современной советской науки и техники.

Химия нашла для наших ракет-носителей новые виды горючего с огромными запасами энергии. Мощность двигателей космических ракет, работающих на таком горючем, поистине фантастична. Сравните: в поршневых авиационных моторах заключены тысячи лошадиных сил, в современных реактивных двигателях — десятки тысяч, а в двигательную установку, которая вывела на орбиту космический корабль «Восток», была впрессована мощь еще невиданная — 20 миллионов лошадиных сил! Это мощность

И ТРУДА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

величайших электростанций земного шара. Сконцентрировать такую силу в небольшом объеме удалось только советским конструкторам, технологам, химикам и металлургам.

Металлурги обеспечили космический корабль и легкими прочными жароустойчивыми сплавами. 20 миллионов лошадиных сил заключены в оболочку ракеты-носителя. Прочность ее оказывается как раз такой, какая необходима, без всяких излишних запасов, которые привели бы к утяжелению конструкции... Проблема прочности в условиях так называемого аэродинамического нагрева также успешно решена нашими инженерами и учеными.

В корабле-спутнике работает электроника, обеспечивающая астрономические и математические расчеты, передачу на Землю самой разнообразной научной информации. Конструкторы корабля сумели обеспечить высочайшую степень надежности сотен его агрегатов и механизмов.

Легкие, компактные, устойчивые к действию вибрации и перегрузок радиотелеметрические системы корабля «Восток-2» все 25 часов полета действовали безотказно — Земля получила телевизионное изображение космонавта, слышала его дыхание и биение сердца. Двухсторонняя радиосвязь с Германом Титовым поддерживалась все время полета.

Создание такого космического корабля — триумф советской науки и техники. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР от имени нашей славной Коммунистической партии, Советского правительства, всех народов Советского Союза горячо поздравили ученых, конструкторов, техников, рабочих, все коллективы и организации, участвовавшие в создании и подготовке космического корабля-спутника «Восток-2» и успешном осуществлении космического полета, с новой великой победой разума и труда советского человека.

* * *

Программа полета корабля-спутника «Восток-2» была исключительно сложной. Она выполнена блестяще. Это, как свидетельствуют ученые, означает крупный шаг вперед по дороге к путешествию на Луну и ближайшие планеты солнечной системы.

Уже сейчас, рассказывает академик В. Парин, предварительные данные анализа радиотелеметрии физиологических функций и сообщений Германа Титова о его поведении и самочувствии позволяют сделать ценнейшие выводы о сохранении здоровья, ясности ума и работоспособности человека в условиях длительного космического полета. Каждому очевидно, какие огромные перспективы открываются для будущих дерзаний.

* * *

...Земные расстояния мы измеряем километрами, космические — световыми годами. А как измерить путь, пройденный нашим народом в его вдохновенном мощном порыве к светлomu будущему? Только величием дел советского человека!

Рисунки Ю. Молоканова

РАДУШНЫЙ ХОЗЯИН

Африка!

Еще каких-нибудь полчаса полета, и он шел бы по мягкой подмосковной траве, влажной от утренней росы.

— Может, перелетим в другое место? — Виктор обернулся к сапиенсу, оставшемуся в аппарате.

— Зачем.

Виктор не ответил. Продолжать разговор, который они вели несколько часов назад, ему не хотелось. Надоело становиться в тупик перед простыми до наивности вопросами этого неземного мудреца...

Мощный звук, пронзительный, как мальчишеский свист, и оглушающий, как рев водопада, мгновенно разорвал тишину и умчался в сторону серой гряды скал. Виктор успел рассмотреть реактивный истребитель с отброшенными назад, как оперенье стрелы, крыльями. Самолет развернулся над скалами и помчался прямо на катер, почти пикируя, пугая стремительностью и безмолвием полета, а потом снова обрушил на землю рев.

Очевидно, полет катера был прослежен и астрономами и радиолокационными установками с каких-то военных баз. Теперь его разыскивали на Земле.

— Что, это, летает, — спросил Луч Мысли.

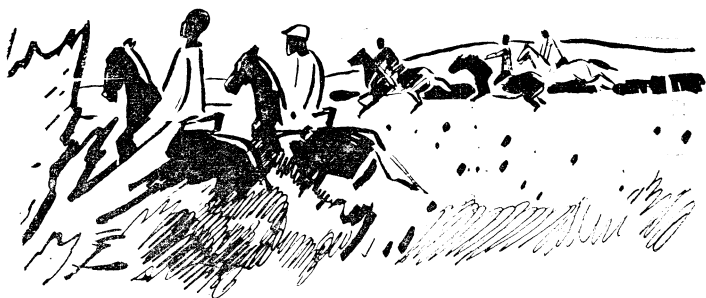
— Наземный летательный аппарат, — нехотя ответил Виктор, не спуская глаз с самолета, который кружил теперь над ними, круто скосив крылья в вираже. — Называется «истребитель».

— Что, он, истребляет.

Виктор стал торопливо объяснять, убеждая сапиенса, что им необходимо улететь. Луч Мысли молчал, доброжелательно осмысливая доводы Виктора.

Окончание. Начало см. в № 4.

Самолет качнул на прощание крыльями, устремился ввысь, быстро превращаясь в летящую точку, сверкнул в лучах солнца и исчез.

Виктора охватила тревога.

Куда они все же угодили? Луч Мысли сказал — в центр материка...

В той стороне, куда умчался истребитель, снова возник звук моторов. Шли транспортные самолеты. Смотреть на них было больно, горячие солнечные лучи слепили глаза. Неожиданно из самолетов посыпались крохотные темные точки, и над каждой забелел купол парашюта.

Луч Мысли пришел в восторг. Такие прыжки существ, не умеющих летать, показались ему непомерной дерзостью. Массовая дерзость! И все это для встречи с ним?

Он наотрез отказался улетать.

Парашютисты опускались за чашу кустарника на краю поля. Оттуда слышались глухие ритмичные удары барабанов или бубнов. Из травы выскочил большой пушистый кролик. Он почти наткнулся на ноги Виктора, испуганно присел на задние лапы, ошалело рассматривая непонятного зверя. Виктор неожиданно для себя свистнул, гикнул, кролик в панике метнулся в сторону и скрылся в траве.

— Что, это, бегаёт, — сейчас же загромыхал Луч Мысли.

— Кролик, — ответил, улыбаясь, Виктор.

— Почему, он, убежал, почему, машина, не перевела, звуки, которые, ты, издавал.

Виктор только пожал плечами. Он сейчас немного сердился на своего космического друга за упрямство.

Со стороны скал послышался конский топот. К ним быстро приближалась группа всадников-негров, одетых в военную форму цвета хаки. За спиной у каждого болталась винтовка. Передний всадник, огромного роста, худой, с су-

ровым сосредоточенным лицом, круто осадил коня и соскочил на землю.

Подойдя к Виктору, африканец несколько секунд пристально рассматривал его. Его спутники тоже беззастенчиво разглядывали Виктора. Очевидно, в своем скафандре он выглядел сейчас очень странно.

Потом высокий неожиданно улыбнулся, протянул руку и сказал:

— Хау ду ю ду, Виктор Кленов!

— Вы знаете мое имя? — удивленно спросил по-английски Виктор, пожимая ему руку.

— Да, — ответил африканец. — У нас в отряде есть рация. В последнее время эфир кричит только о вас. Мое имя О'Мбата. Мы рады видеть вас у себя в Симбаленде.

— Это Симбаленд? — спросил Виктор.

— Да. Там — Симбалендский хребет. — О'Мбата повернулся к далекой гряде гор. — А это — знаменитая Великая Африканская Стена. — Он кивнул на скалы. — Там, внизу, озеро Магода. Вы в самом сердце Африки.

У него был вид радушного хозяина, показывающего дорогому гостю свой дом.

— Что, говорит, мужчина, — загремел вдруг Луч Мысли. — Почему, машина, не, переводит, звуки.

О'Мбата вскинул от неожиданности голову, взгляд его стал напряженным, даже гневным. Лошади всхрапнули, дико заржали, вставая на дыбы. Негры, испуганно оглядываясь на катер, с трудом удерживали поводья. Лица их, до этого блестящие и черные, стали пепельно-серыми.

— Что это? — не спуская глаз с шара, спросил О'Мбата.

— В аппарате со мной прибыл космический гость, — торопливо ответил Виктор, а сапыенсу сказал по-русски: — Мы говорим с ним по-другому. У людей много различных способов говорить.

— Зачем.

Лошади снова заржали и стали рваться.

— Помолчи пока, — сказал Виктор сапыенсу. — Они боятся тебя.

— Почему, они...

— Помолчи, прошу тебя! — с досадой крикнул Виктор.

Луч Мысли послушно замолчал.

Лошади понемногу стали успокаиваться, испуганно косясь на шар и перебирая ногами. В наступившей тишине снова стали слышны тревожные удары бубнов или барабанов.

— Что это за звуки? — спросил Виктор африканца.

— Это тамтамы — наш древний африканский телеграф, — ответил О'Мбата. — Племя батота у озера имеет печальный опыт встречи с парашютистами... И вот сейчас женщины хотели убежать в джунгли. Один из парашютистов опустился среди бегущих и открыл огонь из автомата. Убит ребенок... А вот и они!

Из зарослей кустарника показалась густая цепь людей в пятнистых комбинезонах.

— Зачем же он... стрелял? — растерянно спросил Виктор.

О'Мбата слегка поморщился и ничего не ответил.

Виктору показалось, что не Луч Мысли, а он сам оказался на незнакомой планете и пристает ко всем встречным с вопросами до того наивными, что на них неудобно отвечать.

— А теперь нам придется уйти. Приветствовать вас будут наши опекуны, — усмехнулся О'Мбата. — Симбаленд пока еще протекторат... До свидания! — неожиданно порусски добавил он и пожал Виктору руку.

Его спутники, с опаской поглядывая на цепь парашютистов, тоже по очереди пожалы Виктору руку.

Вскочив на коня, О'Мбата оглянулся, кивнул Виктору и дернул уздечку.

Всадники помчались в степь, к скалам. За ними поднимались, медленно растворяясь в неподвижном воздухе, облачка красноватой пыли.

„МАШИНА НЕ ПЕРЕВОДИТ ЗВУКИ“

Виктор, не отрываясь, смотрел на цепь парашютистов. Он уже различал не только фигуры, по колени скрытые травой, но и лица в шлемах — молодые, загорелые.

Сейчас они мимоходом, по пути сюда, убили ребенка...

Парашютисты с автоматами в руках быстро приближались. Впереди шел коренастый мужчина с обветренным, обожженным солнцем лицом. Он не спускал с Виктора радостного взгляда и почти бежал, высоко поднимая над травой ноги и размахивая руками.

Парашютист подошел вплотную к Виктору, быстро оглядел его, шар, катер и что-то спросил на незнакомом языке. Виктор уловил только свое имя и фамилию.

— Вы русский космонавт Виктор Кленов? — на этот раз вопрос был задан по-английски. — Это ваш аппарат?

— Зачем вы стреляли там... сейчас... в ребенка? — спросил по-английски Виктор.

— Уверяю вас, это просто недоразумение! — горячо воскликнул командир парашютистов. — Знаете, прыжок, благополучное приземление — это очень возбуждает! И вдруг — бегущая толпа, ужас... Это тоже страшно возбуждает! Этаким охотничий азарт! Солдат стрелял просто в воздух. Я видел. Женщина споткнулась, и они сами затоптали ребенка. Это просто несчастный случай!

Виктор закрыл глаза.

Охотничий азарт!

Вот и сам он пол часа назад, когда на него из травы выскочил ошалевший кролик, не удержался, гикнул, свистнул...

Неужели никто никогда не объяснял им, что люди не охотничья дичь!

Гнев захлестнул его, мешая дышать, не оставляя ни возможности, ни желания рассуждать. Он шагнул к ним...

— О! — испуганно воскликнул командир и попятился на стоящих сзади солдат, которые тоже подвинулись назад. И сразу же Виктор отрезвел...

На все это молча смотрел Луч Мысли...

Солнце, совсем не похожее на то, каким оно бывает в Москве или в Сибири, пылающее, обжигающее, злое, висело в помутневшем небе. Как призраки колыхались в горячем воздухе далекие горы Симбалендского хребта. Какая-то муха с противным жужжанием носилась у лица Виктора.

Было нестерпимо жарко, душно, противно.

С лица командира парашютистов исчезли растерянность и испуг, оно стало равнодушным и холодным, только губы обиженно дрожали.

— Генерал-губернатор Симбаленда приказал мне обеспечить вашу безопасность, мистер Кленов, — вежливо и холодно сказал он. — Я и мои солдаты в вашем распоряжении.

Солдаты, очевидно, хуже владели своими чувствами. У одного, молодого, лет двадцати, не больше, от удивления раскрылся рот. Может, именно этот не сдержал свой юный охотничий азарт?!

По полю, подпрыгивая и искусно лавируя между кустами и валунами, медленно приближался ярко-голубой двухместный автомобиль. За рулем сидела девушка в белом с синим воротничком платье. Шляпа с широкими полями почти закрывала ей глаза. Рядом, наклонясь вперед, сидел молодой мужчина в такой же широкополой шляпе. Скрипнули тормоза, хлопнули дверцы. Девушка легко подбежала к Виктору. Мужчина торопливо шел за ней. Она на ходу о чем-то спросила командира парашютистов и, протягивая руку Виктору, сказала:

— Сюзанна Эдвин.

— Это моя сестра, мистер Кленов, — пояснил по-английски мужчина. — Я представитель администрации международного картеля «Вест-Уран» здесь, в Симбаленде. Мое имя Роберт Эдвин.

Они держались и говорили просто, с подкупающим дружелюбием, но без всяких восторгов и любопытства, как будто встретили старого доброго знакомого. В синих глазах девушки мелькали радостные искорки. У Роберта виски были почему-то седые. Симпатичные, дружелюбные, чем-то одинаковые улыбки...

И Роберт и его сестра понравились Виктору.

— Очень рад, — он пожал им руки.

— Вы должны остановиться у нас, — решительно, не допуская и намека на возражение, заявила Сюзанна. — Уверю вас, мистер Кленов, что на десятки километров вокруг вы не найдете лучшего места для отдыха.

— Это ваш аппарат? — спросил Роберт.

— Да, — ответил Виктор и, обращаясь к девушке, добавил: — Мы случайно приземлились здесь, мисс Эдвин, и не собираемся задерживаться. Через несколько минут

аппарат покинет Симбаленд. Я не могу, к сожалению, воспользоваться вашим гостеприимством.

— В аппарате космические гости? — быстро спросил Роберт.

— Один, — устало ответил Виктор. — Сейчас я буду говорить с ним. Не пугайтесь. Это... Это не совсем обычно, но никакой опасности не представляет.

— О! — только и смог вымолвить Роберт. — Это же!.. Это же черт знает как интересно!

Виктор усмехнулся и спросил сапиенса:

— Ты хочешь еще остаться здесь?

— Да.

Ответ громыхнул, как щелканье огромных металлических челюстей над головой. Роберт напряженно вытянулся, всматриваясь в шар. Сюзанна вскрикнула и, вцепившись в брата, закрыла глаза. Некоторые из парашютистов бросились ничком на траву, другие шархнулись в стороны. Их командир стал торопливо креститься.

— Я, ничего, не, понял, — как будто оправдываясь, гремел и скрежетал Луч Мысли. — Машина, не, переводит, звуки.

Виктор почувствовал безмерную усталость.

Луч Мысли что-то еще доказывал ему.

При каждом слове сапиенса, которое обрушивалось на ошеломленных людей и гремело, наполняя гулом поле, ресницы Сюзанны испуганно вздрагивали, а плечи опускались, словно в ожидании удара, но сразу же она вскидывала голову, пытаясь гордо и смело смотреть опасности в лицо, пока следующее слово опять не заставляло ее испуганно съеживаться.

Виктор с досадой взглянул на ее брата. Тот одурело уставился на шар, не замечая состояния сестры.

— Ты, говорил, что, одни, люди, убивают, других, — не унимался Луч Мысли. — Но, эти, люди, не, убивают, тебя.

Убедить его сейчас было бесполезно.

— Хорошо... Мы остаемся... — сказал Виктор. — Только помолчи, пожалуйста.

Он обессиленно прислонился к корпусу катера.

Стало тихо-тихо.

— Это машина-переводчик? — с напряженным любопытством спросил Роберт.

— Да.

— Она реагирует непосредственно на слова?

— Да.

— Что, говорит, мужчина, — сейчас же загремел Луч Мысли.

— Он хочет задать тебе вопросы.

— Я, готов, отвечать.

— Вы можете поговорить с космическим гостем, мистер Эдвин, — предложил Виктор.

— Спросите его, как эта машина отыскивает нужный перевод, — сразу же попросил Роберт. — Неужели она каждый раз сверяет произнесенное вами слово последовательно со всеми словами, которые заложены в ее механи-

ческой памяти? На это должно уйти какое-то время! А она переводит мгновенно... Вы понимаете меня, мистер Кленов? Очевидно, автомат действует на каком-то ином принципе, на принципе живой мысли. Я понятно выражаюсь?

— Вы работаете в области технической кибернетики, мистер Эдвин? — спросил Виктор.

— Да, примерно... Точнее, я занимаюсь вопросами комплексной автоматизации производственных процессов.

— У вас найдется о чем поговорить с космическим гостем, — улыбаясь, сказал Виктор. — Я попытаюсь перевести ему ваш вопрос.

— Я вам буду очень признателен, мистер Кленов.

— Я советую вам немедленно отдохнуть, — неожиданно вступила в разговор Сюзанна. Она уже оправилась от испуга, но была еще бледна. — У вас даже заострилось лицо. Это признак острого, опасного переутомления. Нельзя безнаказанно принуждать себя. Вам надо немедленно отдохнуть!

Виктор вспомнил разговор с сапиенсами о полете на Землю, последний затянувшийся сеанс, которым dokonал его Луч Мысли, мелькание картин на невидимом экране... Теперь это казалось далеким, очень далеким прошлым. С тех пор он еще не спал.

— Я только попытаюсь ответить на вопрос вашего брата, мисс Эдвин, — сказал он. — Это действительно очень интересно. Я ведь кибернетикой не занимался специально, мне даже в голову не пришло, что это так важно: сразу или не сразу переводит машина.

— Можно я обращусь к нему по-русски? — спросила Сюзанна. — Я знаю несколько слов.

Виктору показалось, что она старается помешать брату. И сразу же лихорадочные, торопливые мысли понеслись, закружили, перебивая и мешая друг другу... Представитель администрации... Международный картель «Вест-Уран»...

— Пожалуйста, мисс Эдвин, — сказал он.

Она сделала глубокий вдох, в нерешительности прикусила нижнюю губу, помолчала и, наконец, чуть слышно сказала по-русски:

— Здравствуйте...

— Я, здесь, один, — сейчас же ответил Луч Мысли.

— Машина не в состоянии воспроизвести правила этикета, — улыбаясь, по-русски сказал ей Виктор. — Ей надо говорить «здравствуй», обращаться на «ты».

— Что, такое, этикет.

Сюзанна не слушала Виктора, да, очевидно, и не могла понять такой сложной фразы. Она опять прикусила губу, что-то сосредоточенно вспоминая, потом решительно сказала:

— До свидания! Спасибо!

— Я, еще, не, провел, ни, одной, беседы, — загремел сапиенс. — Я, ничего, не, узнал, о, Земле, почему, вы, уходите.

Роберт стоял уже рядом с Виктором.

— Вы не перевели ему мой вопрос, мистер Кленов? — осторожно спросил он.

— Что, говорит, мужчина, почему, ты, не переводишь, его, слова.

— Космический гость очень устал после перелета, — сказал Виктор, а сапиенсу ответил по-русски: — Мне надо отдохнуть. Мы проведем беседы позже.

— Когда.

— Через несколько часов.

Сейчас надо было отвлечь внимание этих людей и сапиенса, подумать, разобраться...

— Я с удовольствием воспользуюсь вашим приглашением, мисс Эдвин.

— Мы можем поместить пока космический аппарат в ангар нашего аэродрома, — предложил Роберт. — Там гостю будет удобнее отдыхать, да и держать связь с внешним миром легче: на аэродроме прекрасная радиостанция. Охрану аэродрома обеспечат парашютисты. Вас отвезет домой Сюзанна, а я займусь перевозкой аппарата — у нас есть большие автоплатформы.

— Хорошо, мистер Эдвин, я не возражаю.

— Не беспокойтесь, мистер Кленов. Мы всё сделаем!

— Закрывайся, — сказал Виктор сапиенсу. — Тебя перевозит в другое место. Не разговаривай без меня ни с кем.

Крылья катера плавно приподнялись и захлопнулись, корпус снова стал глухим, без щелей.

РАДИ ЧЕГО?..

За стеной кустарника начинался крутой склон, покрытый выгоревшей травой. Внизу был виден яркий тропический лес с раскидистыми кронами деревьев. Слева расстилалась зеленая бамбуковая роща, похожая сверху на поле, засеянное рожью. За лесом открывалась сверкающая даль большого озера, уходящего к горизонту. На берегу Виктор заметил круглые, как шатры, хижины небольшого поселка. Очевидно, того самого...

Сюзанна напряженно смотрела вперед. Брови у нее были нахмурены. Она вела машину без дороги, осторожно пробираясь по склону. Машину качало и подбрасывало.

— Вам много пришлось пережить там... наверху? — негромко спросила она.

— Да, немало... — неопределенно ответил Виктор.

— Ну, а скажите по совести, мистер Кленов, — с жаром воскликнула Сюзанна, — стоят ли люди того, чтобы из-за них?.. Ну, вот так, как вы... Вы ведь в конце концов не мифический Иисус Христос? Или вы верите, что в жизни существуют добро, благодарность людей, справедливость? Почему вы не отвечаете?

— Так много вопросов, мисс Эдвин!

— Извините, — немного смутившись, сказала она. — Но на один вопрос я очень прошу вас ответить.

— Пожалуйста.

— Неужели и эти космические гости такие же варвары, как люди?

— Среди людей очень много хороших, мисс Эдвин.

Она недоверчиво взглянула на него.

— Вы так думаете?

— Я знаю, мисс Эдвин.

Он хотел еще что-то объяснить ей, но нестерпимо хотелось спать. Глаза закрылись и открывать их было лень. Хотелось, чтобы Сюзанна ехала медленнее, чтобы его не так трясло.

— Что же вы знаете? — снова спросила она.

Она продолжала прежний разговор, а Виктор уже забыл, о чем они говорили. Да, он ей сказал, что люди бывают хорошие... Хорошие! Да, их большинство хороших! А девушка не поверила ему...

Ладно, он ей расскажет, что знает и думает о людях... Только потом...

— Так... Знаю... — в полусне ответил он и, с трудом приоткрыв глаза, увидел, что Сюзанна смотрит на него и улыбается тепло и немного смущенно.

Машина поехала медленнее. Совсем потихоньку...

Виктору стало спокойно и хорошо. Он подумал, что она очень странная... Спрашивает о других, а сама хорошая... Заботливая...

* * *

Сюзанна не терпела ни сентиментальности, ни романтического благодушия. Она всегда считала, что холодный скепсис, даже цинизм, — самое подходящее отношение к этому дрянному миру, в котором все ложно, жестоко, эгоистично. Всякие романтические ахи о чем-то возвышенном и прекрасном она связывала либо с недостатком ума, либо с ханжеством тех, кто уверял ее в своих благородных порывах. Даже любовь, эта красивейшая из человеческих выдумок, — тоже ложь. Никакой любви не было и нет! В юности бывает немного страсти, дурманящей голову, в старости — привычка и боязнь перемен. Вот и все!

Она хотела так думать, всегда старалась заставить себя быть равнодушной, расчетливой, холодной и... никогда не была такой...

И с этим русским получилось то же самое.

Еще когда газеты писали, что Виктор Кленов готовится в полет, она все думала: ради чего он понесется туда, может быть, к своей смерти? Она старалась убедить себя: тщеславие, деньги в конце концов просто глупость. И чувствовала, что все это не то...

Нет, он не укладывался в рамки ее философии. Это сердило ее и вместе с тем радовало, как будто она только и ждала, чтобы ее переубедили.

Когда же газеты сообщили, что Неизвестность поглотила русского космонавта, ее охватило отчаяние. Она без конца рассматривала фотографии этого человека, который

был с точки зрения ее холодных рассуждений просто странным чудачком и вместе с тем так волновал ее, так жестоко спорил с ней.

Его смерть казалась ей непростительной, нелепой... Она не верила. Это было бы слишком жестоко! Пусть в мире мало справедливости, но хоть капля есть? Хотя бы для этого Дон Кихота, который, наверное, верил во что-то светлое, когда летел туда...

И погиб...

Она ждала опровержений, ждала упрямо, удивляясь себе, не слушая никого, и когда радио, захлебываясь, объявило, что сама Неизвестность промигала на землю русский текст, она заплакала от счастья и торжества.

Он победил!

...Сюзанна вышла на веранду, с которой было видно озеро, опустилась в кресло и стала смотреть вдаль.

В противоположной стороне дома послышались шаги Роберта. Хлопнула дверь. Роберт заглянул на веранду и обрадованно воскликнул:

— Вот ты где спряталась!

Он подошел к плетеному креслу, опустился в него и спросил:

— Ну, как ты устроила нашего гостя?

Лицо у него было возбужденное, веселое.

— Я поместила его в угловой комнате, он уснул в машине... Он просил послать телеграмму его жене в Москву... А еще я вызвала с рудника портного. Не может же русский ходить все время в своей зеленой шкуре и космических сапогах!

— Ты просто гений, Сью! И вообще все так хорошо, так удачно! Это все не снится мне, Сью?

Сюзанна покачала головой.

— Нет, Роб. Ты думаешь, это поможет тебе?

— Ну, конечно же, девочка! Судя по всему, космические гости питают самые добрые намерения к Земле и далеко обогнали нас в технике. Они, очевидно, давно уже решили то, что предстоит решить мне.

Он поднялся с кресла, несколько раз прошелся по веранде и остановился у стеклянной стены, мечтательно всматриваясь в далекие горы за озером.

Сюзанна без улыбки, внимательно следила за ним.

Неужели он так никогда и не поймет, как это опасно и не нужно — мечтать? Неужели его ничему не научили события в Касилье?

Роберт был для нее матерью, отцом, семьей. Мать их задушила раковая опухоль вскоре после рождения Сюзанны. Отец стал много пить, и пьяного его убило на работе током. Шестнадцатилетний Роберт взял заботы о сестре на себя. Он вырастил и воспитал ее, учился сам, настаивая, чтобы училась и она. Он один, совсем один сражался против жестокого врага, который называется «жизнь».

В Касилье, где Роберт нашел, наконец, работу инженера, им казалось, что жизнь сменила гнев на милость. Сюзанна окончила школу и готовилась в университет. У них даже были небольшие сбережения.

Все было хорошо, пока однажды Роберт не пришел вечером расстроенный и растерянный. На заводе, где он работал, готовилось сокращение. Профсоюз санкционировал увольнение Роберта и еще нескольких десятков новичков.

Снова жизнь оскалила свою злобную пасть...

Несколько месяцев они могли продержаться на пособие по безработице. Роберт сидел над своими схемами и расчетами дни и ночи. Он работал как одержимый, набрасываясь то на одну, то на другую книгу. Чувствовалось, что человек схватился с жизнью насмерть: либо победит ее раз и навсегда, либо надорвется и упадет, обессиленный, среди разбросанных по всей комнате бумаг. Тратить сбережения он позволял только на книги — деньги нужны были Сюзанне для поступления в университет. Работать ей он тоже не разрешил, а попросил в свободное время изучать рецепты приготовления различных блюд.

Это было мучительно. Они жили впроголодь. Часто Сюзанна, знакомясь с переводами французских, русских, английских, китайских или японских кулинарных книг, представляла себе вкусные, с возбуждающим запахом блюда и судорожно глотала голодную слюну. Но это нужно было Роберту.

Он мечтал о создании комплексов автоматов, которые совершенно заменили бы ручной человеческий труд. Мэр города предложил ему разработать проект автоматического ресторана. Касилья, приморский старинный город, привлекал много туристов. Такой ресторан, единственный в мире ресторан-автомат, ресторан-робот, послужил бы хорошей рекламой городу.

Им очень помог в эти дни старый повар француз Ремаэ. Он приносил не еду, нет, — господь свидетель! — он просто раскрывал им секреты приготовления пищи и заставлял пробовать образцы.

Срок пособия по безработице еще не истек, когда муниципалитет Касильи одобрил принципиальные схемы ресторана-робота. На его сооружение город отпустил большие средства. Роберту было поручено руководить строительством ресторана.

Сюзанна уехала в столицу, в университет. Они с Робертом неожиданно разбогатели.

Через год, когда она приехала на каникулы в Касилью, ресторан Роберта был уже открыт. Тогда же она впервые заметила, что у брата совсем седые виски, хотя ему не было и тридцати.

Но ресторан оказался чудом! Это была широкая, со вкусом оформленная площадка в прибрежных скалах. Здесь не было ни официантов, ни администраторов. Надо было только выбрать в специальном красочном проспекте из сотен разнообразных блюд те, которые требовал сегодня твой каприз, и набрать на диске, похожем на телефонный, порядковый номер блюда. Через несколько минут в причудливой вазе в центре стола появлялись свежеприготовленные по-королевски роскошные яства.

Кухня была скрыта под полом, в глубоком котловане, выбитом в скале. Там работали только автоматы. Каждый из посетителей считал своим долгом заглянуть на кухню и познакомиться со сложным комплексом разнообразнейших автоматических устройств, объединенных волей Роберта в один целенаправленный механизм.

Роберт мчался на крыльях удачи! Он стал кумиром и гордостью деловых кругов города. Новый ресторан действительно получил широкую известность и в стране и за границей. От посетителей не было отбоя. Говорили о создании второго, еще более усовершенствованного ресторана-робота.

В один из вечеров Сюзанна зашла к Ремаэ.

Старый повар был без работы. Роскошный приморский ресторан закрыли, потому что у города был теперь ресторан-робот. А роботу не нужны повара...

После этого вечера у Сюзанны был, пожалуй, самый затяжной приступ острой болезненной ненависти к жизни, в которой нельзя быть счастливым, не раздавив насмерть хотя бы старика Ремаэ...

А Роберт раздавил тогда, кажется, многих... Машину, в которой он ездил, безработные забросали камнями... На дверях их квартиры ночью кто-то повесил табличку с надписью: «Роберт, вспомни — ты сам был безработным!» В скалах, на виду у посетителей ресторана появился огромный транспарант: «Автоматизация в условиях капитализма — это безработица и нищета масс!»

Роберт был ошеломлен. Он стал угрюмым и злым. Отказаться от дел он не мог. Тогда они остались бы без средств. К тому же он был полон планов и надежд, мечтал о коренном решении проблемы комплексной автоматизации любых производственных процессов.

В это время их посетил один из крупнейших акционеров международного картеля «Вест-Уран» Аб Баркет, совершавший путешествие по Европе. В беседе он как будто между прочим предложил Роберту автоматизировать добычу и обогащение урановой руды на предприятиях кар-

теля в Симбаленде. Условия работы там требовали срочно решить эту проблему. Среди рабочих рудников не прекращались волнения.

Роберт с радостью принял предложение.

Вскоре Сюзанна снова уехала в университет, а Роберт — на рудники картеля.

Теперь, через год, Сюзанна нашла Роберта в Симбаленде почти заместителем бога на земле. Власти протектората не вмешивались в дела картеля. У Роберта были довольно многочисленные энергичные и распорядительные помощники, полицейские, даже вооруженные силы под видом охраны рудников. Но какая-то новая задача, новый нерешенный вопрос не давали ему покоя. Очевидно, это было что-то совсем необычное, если он хотел прибегнуть к помощи космических гостей.

Роберт все еще смотрел на озеро, слегка улыбаясь.

— Ты можешь мне толком объяснить, чего ты доби-
ваешься? — спросила Сюзанна.

Роберт оглянулся и засмеялся.

— Это не для ума хорошенького и совсем еще юного
филолога, Сью...

— Роб!

— Ну, хорошо, хорошо...

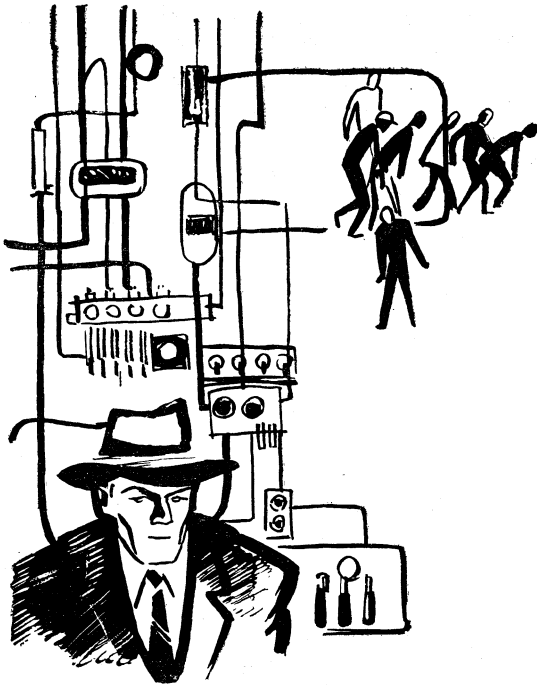
Он уселся на стол, болтая ногами. Эту дурную привычку Роберт перенял, очевидно, у американцев, которые работали вместе с ним.

— Ты знаешь, что машины играют в шахматы? — спросил он. — Это, конечно, не совсем то, что нужно для управления производством, но похоже. Такой машине надо проанализировать все положения фигур за несколько ходов вперед и выбрать самый выгодный. Самый выгодный в конкретной обстановке, в той, которая сложилась на доске! Для этого ей надо оценить миллионы возможностей. Миллионы, Сью! Все без исключения! И все они, кроме одного, наимыгоднейшего, оказываются ненужными, на них можно было бы не тратить время...

Сюзанна внимательно слушала. Лицо его, сосредоточенное, вдохновенное, было сейчас очень красивым.

— Живой шахматист не будет анализировать миллионы вариантов, — продолжал Роберт. — Он не может, да ему и не нужно это делать. Он интуитивно, без рассуждений отбросит все миллионы вариантов и проанализирует лишь три-четыре, ну в крайнем случае — десяток из них. Ты понимаешь меня? Я хочу, чтобы наши решающие машины тоже научились не искать там, где им не найти ничего хорошего. Я хочу снабдить их этим поразительным свойством человеческого мозга — интуицией! Это весь жизненный опыт, собранный мгновенно, как в фокусе, в нужной области мозга. Так должны работать и наши управляющие машины! Для этого — увы! — надо пересмотреть самые принципы счетно-решающих машин.

Он замолчал, удрученный какими-то мыслями, потом, точно подбадривая себя, закончил:

— Но это обязательно нужно сделать! Тогда, только тогда станет возможным автоматическое управление сложнейшими производственными процессами. Будут созданы автоматические шахты...

— А люди? — резко спросила Сюзанна.

— Что люди? — не понял он.

— Куда денутся люди, которые сейчас работают на этих шахтах, рудниках и так далее? Роб, милый, вспомни Регамэ! Вспомни Касилью! Разве это не жизненный опыт? Это ведь уже было с тобой?

Роберт помрачнел, потом слез со стола, подошел к ней и ласково взъерошил ей волосы.

— Это не наше дело, девочка, — мягко сказал он. — Мы с тобой маленькие простые люди, которым очень хочется счастья прежде всего...

— Ты хочешь сказать — себе?

— Верно, девочка, себе... И не хмурься! Чувствуется, что в университете ты нахваталась идей... А жить — это жить! Это занятие, вообще говоря, безыдейное, некрасивое... Не мы с тобой придумали жизнь такой нелепой и неласковой... Почему же стыдиться должны именно мы?

Мой жизненный опыт включает и те дни, когда мы жили на пособие... Ну, не хмурься же! Это совсем не идет тебе! Мы должны сегодня понравиться нашему гостю. На свое обаяние я не очень надеюсь, а ты вполне можешь подружиться с ним. Ну, будь же умницей, Сью!

Его ласковый голос, покровительственный тон успокоили, убедили ее. Конечно же, она опять поддалась романтическим бредням! Роберт прав — романтикой не проживешь! Жизнь — драка... Драка за право жить...

И уже, собственно, по инерции, из упрямства, она недовольно сказала:

— Ты стал совсем деловым человеком. Хочешь использовать меня как приманку?

— Сью! — укоризненно и удивленно воскликнул Роберт.

Она испугалась, что огорчила его, и смущенно улыбнулась.

— Извини, Роб... Я как-то взвинчена сегодня. Наверное, еще не привыкла быть на этом бешеном солнце.

На веранду вошла молоденькая негритянка Нтомби, которую Роберт нанял для услуг Сюзанне.

— Белый гость проснулся, пунзи Роберт, — сказала она.

На языке батота «пунзи» означало что-то похожее на «повелитель» или «господин». Так они обращались только к вождю племени, к главному колдуну и ко всем белым. Сюзанна не любила это неприятно режущее слух слово.

„СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!“

За обедом Виктор поймал себя на том, что ест, торопливо глотая куски. Как у Архипа Степановича, когда готовился в полет... И вот все кончилось благополучно и с такими захватывающими результатами, о которых он не смел и мечтать. Можно было бы, кажется, теперь и отдохнуть.

А он снова поспешно глотал обед, явно огорчая хозяев... Ему обязательно нужно было быстрее увидеть катер с сапиенсом...

Роберт за обедом рассказывал, как перевозили космический аппарат в ангар. Виктор вспомнил склон, по которому они с Сюзанной спустились к озеру, и понял, что Роберт справился с нелегкой задачей.

— Вам придется извиниться за нас перед космическим гостем, — огорченно сказал Роберт. — Уже в конце спуска мы так трянули аппарат, что я испугался за пассажира. Они не обидчивы?

— Ну, если бы кому-нибудь удалось всерьез рассердить нашего гостя, то я не позавидовал бы провинившемуся, — пошутил Виктор. — Уже через несколько минут и вы и ваши машины очутились бы в Атлантическом или Индийском океане. А может быть, на одном из полюсов Земли... В зависимости от того, кто с какой стороны стоял бы.

— О! — удивленно и, как показалось Виктору, обрадованно воскликнул Роберт. — У них такая хорошая техника?

— Да, неплохая. Эти корабли, во всяком случае, отбрасывают встречные метеоры. Вообще их наука и техника опередили многие наши достижения.

— Например? — с любопытством спросил Роберт.

— Ну, хотя бы в медицине.. Они, мистер Эдвин, не только излечивают, но и предупреждают все заболевания, в том числе раковые..

— Космические гости внешне похожи на людей? — спросил Роберт. — У них та же анатомия и физиология?

— О нет! — улыбнулся Виктор. — Много отличий! Строение клеток и даже белок сходны с нашими, но они выносят большую наружную температуру.

— Кстати!.. — перебил его Роберт. — Я не заметил на шаре отверстий. Каким же образом космический гость видел нас?

— Они воспринимают довольно жесткое рентгеновское излучение и способны излучать сами, — охотно объяснил Виктор. — Материал шара пронцаем для этого вида лучей и непрозрачен для обычного света, который воспринимает наш глаз.

— Какая своеобразная форма чувств! Простите, мистер Кленов, а автоматика, кибернетика у них получили тоже большее развитие?

— Большее, чем мы можем себе представить, мистер Эдвин.

— Мне хотелось бы выпить бокал вина, — неожиданно сказала Сюзанна. — За ваше возвращение, мистер Кленов.. Или космонавтам нельзя пить?

— Ну, за возвращение можно.

— За ваше счастливое возвращение, — подняла Сюзанна бокал, глядя на Виктора задумчиво и немного грустно.

Виктора удивил, даже несколько встревожил этот взгляд.

— Очевидно, вы прежде всего хотели бы поговорить с вашим послом? — спросил Роберт.

— В Симбаленде есть советский посол? — удивился Виктор.

— Нет, конечно, мистер Кленов. Но ваш посол в Блэк-Оданде просил соединить его с вами, как только вы отдохнете. Вы можете поговорить с ним по нашему домашнему телефону через радиостанцию на аэродроме. Я распорядился подготовить все необходимое. Надо только пройти в мой кабинет, — добавил он, поднимаясь со стула.

— Я пойду с вами! — поспешно воскликнула Сюзанна и тоже встала.

— Мы скоро вернемся, Сью, — сухо сказал Роберт.

— Я боюсь, что вы забудете обо мне... А мне так хочется поехать с вами на аэродром!

В кабинете Роберт подошел к телефону, заказал разговор. Виктор, ожидая, сел в большое мягкое кресло.

— Так вы говорите, мистер Кленов, что автоматизация у космических гостей получила большое развитие? — повторил Роберт, взглянув на Виктора.

— Да, очень...

— Скажите, пожалуйста, — перебила его Сюзанна. — а у них тоже есть вино, и цветы, и...

Виктору снова показалось, что она хочет помешать их беседе, но сейчас ему было очень хорошо и очень не хотелось думать о неприятном.

— И еще... Вы не можете называть меня просто Сюзанной? Мне было бы приятно...

— Пожалуйста, Сюзанна! Только о вине и цветах я не могу ничего сказать. Просто не поинтересовался. А вы не знаете, кто такой О'Мбата?

— Вы слышали о нем? — воскликнула Сюзанна, явно обрадованная переменной темы. — О, это почти мифическая личность! Он родился в Симбаленде, но юность провел во Французском Камеруне. Когда Камерун был еще французским... Потом он воевал в Тунисе, в Италии, получил офицерское звание, а после войны работал в Марселе журналистом. Говорят, проявил незаурядный талант, бывал в Китае, в Америке, у вас в России, даже издал книгу стихов.

— Стихов? — удивленно переспросил Виктор.

— Да! И представьте — очень неплохих. Мне, правда, не нравится неустойчивый ритм его стихов, но они очень искренни. Кстати, его поразила в России, где-то на юге Сибири, картина наступления тракторов на пустынную землю...

— На целинную... — поправил ее Виктор.

— Да, на целинную. Он мечтал, как на саванны Симбаленда двинутся десятки, сотни тракторов...

— И он вернулся в Симбаленд?

— Да. Вначале издавал здесь газету. Его арестовывали несколько раз. Теперь он предводитель местных террористов. Раньше они действовали легально, у них была даже какая-то партия, но потом повели себя очень дерзко, и правительство пошло на репрессии. Говорят, в скалах у них несколько крупных отрядов под общим командованием О'Мбата.

— Внимание! — сказал Роберт. — Нас соединяют с Блэк-Оданом.

Виктор подошел к телефону. Протягивая Виктору трубку, Роберт торопливым шепотом сказал:

— Ваш посол!

Виктор, волнуясь, приложил трубку к уху.

— Товарищ Кленов? — радостным басом загудела трубка. — Виктор Петрович?

— Да, товарищ посол.

— Зовите меня просто Александр Семенович. Мы ведь с вами земляки. В буквальном смысле земляки. Я, как и вы, ростовчанин. Поздравляю вас от души с благополучным приземлением. Мы все гордимся вами. У посольства собирается огромная толпа горожан. Сейчас пойду к ним. Сотрудники посольства не шутя опасаются, как бы нас

всех не растащили по частям на сувениры в честь вашего возвращения. Знаете, арабы — народ горячий, искренний... — потом добавил с теплотой: — Из Москвы вам просили передать поздравления.

— Спасибо. Или мне теперь полагается отвечать: служу Советскому Союзу?

— Ну, что ж, в вашем положении, пожалуй, можно и так.

Виктор насторожился.

— Впрочем, вы теперь боец бывалый, службу знаете, — весело продолжал посол. — Желаю дальнейших успехов! Ваш космический товарищ не собирается посетить Советский Союз?

— Обязательно, Александр Семенович! Мы здесь долго не задержимся.

— Но я все же прилечу к вам! Боюсь, не раньше чем завтра. Сейчас бы уже был с вами, да Симбаленд не принимает... Так что до утра служите в единственном числе. Дайте, пожалуйста, трубку мистеру Эдвину. Хочу поблагодарить его за оказанное вам гостеприимство.

— До свидания, Александр Семенович. Жду вас завтра.

— До свидания, Виктор Петрович.

Пока Роберт соревновался с послом в любезностях, Виктор напряженно думал о разговоре. «Желаю дальнейших успехов...» Значит, посол считает, что впереди у него серьезные трудности... «В вашем положении, пожалуй, можно... Впереди — борьба...»

Как только Роберт положил трубку, Виктор спросил:

— Теперь мы можем ехать на аэродром?

— О да, конечно! Подожди нас на веранде, Сью! Мы только докурим сигары.

Сюзанна встревоженно взглянула через плечо на Виктора.

Дверь закрылась.

— Я предпочитаю немедленно ехать на аэродром, мистер Эдвин, — недовольно сказал Виктор, вставая.

Роберт несколько секунд стоял к нему спиной, держась за ручку двери, и оттого, что он, кажется, не решался обернуться, Виктору стало душно. Он понял. Перед ним стоял враг. Враг его, сапиенса, людей. «До утра служите в единственном числе», — вспомнилось ему.

Роберт медленно прошел по большому темному ковру, жестом предложил Виктору снова сесть в кресло. Виктор отрицательно покачал головой. Роберт усмехнулся и неторопливо сел.

— У меня создалось впечатление, мистер Кленов, что вы не собираетесь делиться с нами научными достижениями космических гостей, — глухо сказал он. — Я не хочу вам угрожать, но...

— Наш гость проведет очень подробные беседы на самые различные темы, — перебил его Виктор.

— Когда? Где?

— Я не предполагал советоваться с вами об этом, мистер Эдвин.

Виктор ничего не боялся сейчас. Корпус катера останется закрытым, пока он сам не скажет сапиенсу, что людям, подошедшим к аппарату, можно верить. Было просто неприятно и досадно...

НТОМБИ СОВСЕМ ЧЕРНАЯ

Сюзанна, не отрываясь, смотрела сквозь стекла веранды на озеро. Половину неба закрыла туча, и от этого вода стала черной. По озеру беспрерывно бежали мелкие с разорванными гребнями волны. Такие же волны, только крупнее, шире, колыхали заросли тростника, и он шумел однообразно, уныло. Но еще неприятнее шумела от ветра бамбуковая роща. Она трещала и тарыхтала тонкими мертвыми стволами, как будто кто-то торопливо тряс в мешке высохшие кости.

Роберт все не приходил...

Сюзанна понимала, что за дверью кабинета идет тот разговор, которому она безуспешно пыталась помешать.

Брата теперь не остановить... Как норовистый конь, закусив удила, он понесется в пропасть, увлекая за собой и ее. Если русский доверит ему секреты космических гостей... В Касилье люди забросали Роберта камнями. Что они сделают с ним теперь? Убьют? Растерзают?

А если русский не согласится? Роберт не успокоится, пока не вырвет у него решения своей задачи... А хозяйева картеля? Они-то ни за что не выпустят добычу из рук!.. Что же делать?

День кончался. Роберта все не было...

Наконец она услышала его шаги и быстро повернулась к двери.

Лицо Роберта горело, взгляд был тяжелым и неподвижным, лоб пересекала глубокая морщина... Он подошел к стеклянной стене и стал, как перед этим она, смотреть на озеро, сердито постукивая пальцами по раме.

— Мы не поедем на аэродром? — осторожно спросила Сюзанна.

Он отрицательно покачал головой.

Сюзанна все поняла. Роберт пытался силой вырвать у русского то, что ему было нужно.

— Уедем отсюда, Роб, — попросила она. — Уедем! Ты где-нибудь найдешь место инженера. Тебя теперь везде с удовольствием примут на работу. Уедем, Роб. Мне страшно... Я боюсь за тебя.

Роберт отошел от стены, сел в плетеное кресло.

— Иди ко мне, девочка... — позвал он.

Сюзанна взобралась к нему на колени и прижалась к груди. Он мягко и ласково обнял ее за плечи.

Так он делал давно-давно, когда она была совсем еще маленькой. Он ей рассказывал тогда сказки.

— Рассказать тебе сказку? — предложил он.

Это шутливое предложение сразу вернуло ее к действительности.

— Нет, Роб. Скажи лучше, почему ты не поехал на аэродром? — попросила она.

— О, да ты теперь совсем большая, — грустно сказал Роберт, и ей показалось, что руки его на ее плечах стали тяжелыми и неподвижными, как деревянные. — Раньше ты не требовала у меня отчета.

Она уже поняла, что все потеряно, и ей сразу стало неудобно и неуютно на коленях у брата. Но она все еще надеялась, теперь уже испуганно и отчаянно.

— Скажи, — потребовала она.

Роберт, кажется, сделал движение, пытаясь освободиться или, может быть, просто сесть удобнее, но она отчаянно вцепилась в него.

— У борьбы свои законы, Сью, — глухо сказал Роберт. — Это страшные законы. Чтобы быть хорошим, как добрые герои сказок, надо быть или сказочно сильным, или отказываться от борьбы...

— Но почему же, Роб? — Она встала и подошла к окну.

— Потому, что чем меньше мы думаем о средствах, тем больше у нас шансов победить.

— Да, конечно, — подумав, тихо сказала она. — Так, конечно, проще победить. Но... Но я не понимаю тебя. Зачем это тебе? Сегодня, сейчас! Он появился так неожиданно... Случайно. Его могло и не быть! Разве ты не можешь не бороться? Просто помогать ему.

— Уж не влюбилась ли ты в нашего гостя? — спросил Роберт.

Сюзанна почувствовала по его голосу, что он улыбается, но хорошо, без намешки.

— Нет, Роб. Впрочем... Не знаю! Но сейчас не в этом дело. Это гораздо серьезнее. Я чувствую, вижу, что он... он неуязвим! А ты... ты погибнешь, Роб.

— Ну, меня не так просто победить, Сью. Ты могла убедиться в этом хотя бы в Касилье.

— А если я тебя попрошу? — спросила она. — Очень попрошу?

— Я не смогу исполнить твою просьбу, — вздохнув, сказал он. — Извини, мне надо идти.

Сюзанна не оглянулась, когда он встал. Шаги его стали удаляться. Уже в дверях он остановился:

— Сью!

— Да, — не оборачиваясь, сказала она.

— Из дома сегодня выходить нельзя.

Сюзанна сказала только:

— Хорошо, Роб.

— И ночью — тоже!

Она молча кивнула.

Роберт ушел.

Сюзанна долго стояла у стеклянной стены, наблюдая, как в черных красках тучи, нависшей над озером, играли багровые лучи заходящего солнца. Кажется, мыслей у нее не было совсем. Только потом она поняла, что думала все это время не о брате, а о Викторе... О старике французе Ремаэ... Об отце и маме, которых она не помнила... Как

это будет хорошо, если люди совсем перестанут умирать от рака! И хорошо, если людям вообще не нужно будет отравлять свою юность борьбой за право жить... Думала об озлобленных, несчастных безработных у биржи труда в Касилье, бросавших в Роберта камни. О том, что Виктору, когда он вернется к себе, люди будут бросать цветы. Горы цветов... Русские, говорят, любят дарить цветы. А это очень красиво — идти по дороге, усыпанной цветами! Как в сказке, где добрые всегда побеждают злых...

Это были не мысли, а обрывки воспоминаний или мелькающие видения, пока одна мысль, пугающая, страшная, но неизбежная, не овладела ею. Она вспомнила о людях, укрывшихся в скалах, об их предводителе О'Мбата и о том, что Нтомби, ее служанка, когда они остаются вдвоем, называет ее иногда не этим неприятным словом «пунзи», а ласковым «номи» — «подружка». Нтомби совсем черная. Если она укутается во что-нибудь темное, ей будет легко ночью незамеченной добраться до поселка у озера...

ПРАЗДНИК АБА БЕРКЕТА

Роберт решительно подошел к столу и снял трубку телефона.

Надо было действовать. Рубикон перейден!

И бросил трубку на рычаг.

Еще есть возможность не начинать борьбу. Можно объясниться с русским, извиниться, сказать, что не подумал, ошибся... Будет стыдно, но он, Роберт, по совести говоря, заслужил это.

А что будет потом?

О том, что автоматизировать все производственные процессы симбалендских урановых рудников не удастся, знал пока он один. Он не видел возможности сделать это! Управление получалось слишком сложным, несовершенным и медлительным. Оно не успевало приспосабливаться и к быстро меняющимся производственным процессам.

Нужен был иной принцип работы управляющих машин, очевидно, тот, на котором работала машина-переводчик космического гостя. Если он не справится, Беркет поручит автоматизировать рудники другому. А Роберт Эдвин окажется за бортом жизни и будет глядеть, как процветает Аб Беркет.

Может быть, бороться? С Беркетом и со всем этим волчьим миром? Что его ждет тогда?

Борьба, аресты, тюрьмы! Нет, это не для него!

И ведь сейчас, в эту минуту, Кленов только в его руках. Что русскому стоит попросить космического гостя ответить на его вопрос?

Но Виктор Кленов не хотел...

Незачем было обещать миллионы, угрожать. Все это не для таких, как Кленов. С ним надо действовать тоньше и решительнее. Например... Например, приставить пистолет

к виску кого-то другого... Не самого Кленова, нет! Кого-то, кто дорог ему. И предупредить: «Считаю до трех...»

Этого Кленов не выдержит! Нет, не выдержит!

Роберт поднялся, прошелся по кабинету, разминаясь, чувствуя, как воля и энергия возвращаются к нему, радуясь, что сомнений больше нет.

Будет грандиозный мировой скандал... Завтра же во всем мире может подняться такой крик, что ни одно правительство не рискнет связать себя с этими событиями открыто. Но сегодняшние звонки Беркета и генерал-губернатора? Что это, как не прозрачный намек, если не прямое поручение? Если завтра он, Роберт Эдвин, преподнесет им — и властям и шефу — покорного и послушного Виктора Кленова, перед ним откроется гладкая дорога.

Роберт вздрогнул. Домечтался! Он, Роберт Эдвин, талантливый инженер, который когда-то мечтал об умных, ловких, красивых машинах, наделенных его волей, его знаниями, его трудом, стал в мыслях гангстером, преступником, авантюристом.

Роберт почувствовал, что никогда, ни за что ему не сделать того, что задумал.

И это неожиданно родило новую, удивительно простую и ясную мысль.

Ну, конечно же! Конечно, он не решится спустить курок! Но тогда можно с чистой совестью приставить пистолет к чужому виску и просчитать: «Раз, два, три...» Просто попробовать? Не каждый выдержит такое! Если не получится... Ну что ж! По крайней мере будешь знать, что сделал все возможное. А вдруг получится?! Гамма-лучи...

Роберт прекрасно знал, что это значит.

Интенсивное гамма-излучение в толще урановых руд опасно даже для машин. Если долго облучать металл, он меняет свои свойства, приобретает, как правило, необыкновенную твердость, но становится и более хрупким. Это приходилось учитывать при конструировании автоматов. А люди... Недавно в его лаборатории неожиданно отказала система предупредительной сигнализации. Сменный инженер и молоденькая лаборантка, не зная, что генератор включен, случайно оказались в зоне облучения. Более часа они провели там, ничего, совершенно ничего не чувствуя. Спасти их не удалось. Космический гость тоже не чувствует, что его убивают.

Сейчас в ангаре сооружают амфитеатр для завтрашних гостей, устанавливается радиоаппаратура. В этой суете генератор не вызовет подозрений. А потом сказать Кленову: или принципы управляющих машин, или...

Что останется ему делать?

Только согласиться...

Охрану аэродрома пока обеспечат парашютисты. К дому можно вызывать вооруженную охрану рудника.

Все складывалось слишком удачно, чтобы этим можно было пренебречь! Так в жизни дважды не повторяется!

Он протянул руку к телефону и только теперь заметил,

что в комнате совсем темно. Черного телефона даже не было видно на столе. На ощупь он нашел трубку и сдернул ее с рычага...

В ДЖУНГЛЯХ

Из кабинета Роберта Виктор прошел в комнату, в которой до этого отдыхал, сел в кресло и постарался спокойно обдумать положение. Но спокойно сидеть было просто невозможно. Он встал и принялся ходить из угла в угол.

Как наивно он рассуждал там, в корабле, когда решился послать сигнал!.. Просто людям! Всяким... Всем...

Джунгли!.. Остатки джунглей!

Здесь надо быть сильным и хладнокровным... Иначе — смерти! Иначе Луч Мысли окажется у них в зубах!

И Роберт ведь еще не из крупных. Он додумался предлагать миллионы. Откуда у Роберта миллионы? Кто стоит за ним?

Виктору вдруг показалось, что воротник сжал горло.

Много раз в детстве он рисовал в своем воображении волнующие картины. Вот он партизан, и фашисты ведут его на расстрел. Он поет «Интернационал», громко кричит собравшимся на площади людям. Что сейчас крикнешь? Кому? И кроме того... Да, кроме того, просто не верилось, что все это серьезно... Убить, умертвить его? Тайком, исподтишка?.. И зачем?! Ведь это же люди, не волки... Он долго и упорно трудился... Там, наверху, он, задыхаясь, не включил тумблер, потому что думал о них, о людях... Он принес им новые знания. И вот...

...Ему стали приходиться поздравительные телеграммы. Их приносила та молоденькая негритянка, которая прислуживала за обедом. Она носила их десятками, толстыми пачками и, счастливо улыбаясь, пятилась к двери, чтобы потом юркнуть в нее. Телеграммы завалили стол. Их присылали организации, митинги, отдельные люди. Виктор смотрел на гору бланков, и его все больше охватывал ужас. Он представил себе, что Луч Мысли окажется во власти милитаристов... Какой катастрофой обернется все это для людей!

Пришла еще телеграмма. В ней было лишь четыре слова: «Люблю, поздравляю, жду. Лена».

Лицо покрылось липким потом. Он вытер платком лоб, щеки и снова принялся торопливо ходить по комнате... К камину... К окну... К камину... К окну... Потом отдернул портьеру и взглянул на озеро, покрытое мелкими торопливыми волнами, на огромную черную тучу, всю в багровых отблесках солнца, подумал, что ночью, возможно, ему удалось бы бежать, скрыться в скалах, потом — добраться до Блэк-Одана, Каира, Европы, поднять дипломатический скандал.

Нет, нельзя!

Ведь они могут обмануть не по-земному бесхитростного мудреца, могут убить...

А он поручился сапиенсам за людей...

Солнце, очевидно, село, и краски за окном быстро, на глазах, темнели, наливаясь синевой.

Виктор еще долго стоял у окна, думая уже о другом...

Он вспомнил о телеграмме, выхватил ее из кармана, прочел несколько раз...

Внезапно им овладела ярость, желание бить, кричать, крушить, топтать...

Потом это прошло.

Виктор сидел в кресле и думал.

Безусловно, все, что затеял Роберт Эдвин, — неумная авантюра. Надо только держаться, не дать себя запугать. Завтра прилетит посол. Предположим, им не дадут встретиться. Сразу же Александр Семенович забьет тревогу. И Роберту — конец... Море возмущения затопит и Роберта и всех, кто посмеет объединиться с ним. Людям надо только узнать! Сколько ему шлют телеграмм! Эти поздравления разве пустяк? Будет гнев! Гнев, сметающий все на пути!..

Он только теперь заметил, что сидит в темноте, и подумал, что юная негритянка давно не приносила ему телеграмм. Может быть, Роберт запретил их принимать?

Что он надумает еще?

Что они сделают с сапиенсом до утра?

ПУЛЬСАЦИЯ ЖИЗНИ

В дверь кто-то тихонько постучал или поскреб. Виктор быстро включил свет и сказал:

— Да, войдите.

В комнату вошла Сюзанна, прижимая обеими руками к груди ворох телеграмм. Виктор заметил, что она очень бледна.

— Два почтальона на мотоциклах непрерывно снуют между рудником и нашим домом, — сказала она веселым голосом, а глаза смотрели тревожно и умоляюще. — Я тоже решила включиться в транспортировку этих бумаг. Не возражаете, мистер Кленов?

— С этим неплохо справлялась ваша служанка, мисс Эдвин, — сухо ответил Виктор.

Сюзанна низко наклонилась над столом, высыпая телеграммы. Когда девушка подняла голову, Виктор заметил, что глаза ее быстро наполняются слезами.

— Я послала Нтомби в поселок, — тихо, почти шепотом сказала она, не глядя на него. — Она должна предупредить тех, в скалах, о том, что здесь происходит.

Ему показалось, что-то теплое, хорошее, близкое коснулось его, и от этого стало страшно говорить...

— Я знал... Я был уверен, что вы... — вымолвил, наконец, Виктор.

— А Роб? — тихо спросила она. — Я не хочу, чтобы ему было плохо.

— Боюсь, что люди не простят ему этого, — неохотно сказал Виктор.

— Чего?

— Честные не простят подлости, подлецы — неудачи...

Где-то вдалеке, чуть слышные, возникли ритмичные глухие звуки. Виктор догадался: гремели тамтамы — древний телеграф африканцев.

— Нтомби... — испуганно прошептала Сюзанна, — Нтомби уже добежала... Погасите свет! — неожиданно приказала она.

Распахнув окно, она несколько секунд напряженно прислушивалась, потом резко обернулась, схватила обеими руками полотнище портьеры и прижала к лицу.

— Я очень благодарен вам за все... — волнуясь, сказал Виктор. — За все, Сюзанна!

— Отряды О'Мбата займут, очевидно, ангар и наш дом, — снова заговорила она. — Парашютистов слишком мало, чтобы они могли оказать серьезное сопротивление. Вам, пожалуй, лучше покинуть Симбаленд. Если хотите, я сама отвезу вас на аэродром.

— Да, конечно.

— У меня к вам есть одна просьба. Обещайте, что исполните ее.

— Обещаю, Сюзанна.

— Когда вам будет очень, очень хорошо, — негромко сказала она, — когда все это останется в прошлом — вспомните обо мне... Вообще думайте обо мне иногда.

— Сюзанна!.. — укоризненно воскликнул Виктор.

— Ну, вот и хорошо! Я теперь покину вас. Спокойной ночи. Вернее — удачной ночи!

— Когда к дому подойдут люди О'Мбата, вам лучше быть в этой комнате, со мной, — предложил он.

— Нет, мне лучше побыть одной, — нехотя ответила Сюзанна. — Говорят, во время таких переходов негры передвигаются бегом. Десятки километров и все бегом. Бегут целыми отрядами, с оружием и боеприпасами. А от скал до нашего дома не так уж далеко. Значит, мы скоро увидимся.

Она пошла к двери, потом в нерешительности остановилась, медленно повернулась и еще раз посмотрела на него.

Виктор только теперь понял, что это все значило для нее. Спасая его, она теряла Роберта! Теряла брата, теряла все, всех... Сама отнимала у себя все и отдавала кому-то, кого не знала и не понимала до сих пор...

Виктор хотел подойти к ней, хотя слов у него не было, и что делать, он не знал, но Сюзанна уже выскользнула в дверь.

Виктор подошел к окну.

Барабанов больше не было слышно.

Где-то там, в этой непроглядной тьме, уже спешили, бежали, лавируя между валунами и кустами, черные страшные люди в военной форме, с оружием. Может быть, они уже спускались по склону, окружали дом...

Генеральный Закон Разума, Закон Всеобщего Содружества вступал в свои права и здесь.

Так он стоял долго, очень долго, может быть, час, может быть, больше и ждал. Он не волновался, не сомневался, просто ждал.

Где-то очень далеко, но отчетливо, как будто старательно выговаривая звуки, простучала пулеметная очередь. За ней, едва слышная, донеслась далекая перестрелка. Что-то тихоно охнуло вдали, еще раз, еще... Очевидно, рвались гранаты. И сразу же десятки гремящих выстрелов полоснули тишину вокруг дома. Раздались громкие гортанные голоса, крики, отрывистые команды.

Виктор отскочил от окна, бросился к двери, пробежал одну комнату, другую...

Роберт стоял у стола с телефонной трубкой в руке, гневно и растерянно разглядывая Сюзанну. Она вжалась в уголок большого кресла и что-то торопливо и умоляюще говорила ему.

Роберт увидел Виктора.

Секунду или две они молчали.

Автоматные очереди и крики раздавались уже у самого дома, у окна.

— В ангаре под вашим аппаратом установлен мощный генератор гамма-излучения, — быстро сказал Роберт, прикрыв ладонью микрофон трубки. — Если террористы сейчас же не уйдут... Если мы не договоримся с вами, мистер Кленов... не договоримся обо всем... и о том, что я говорил днем, генератор будет немедленно включен! Считаю до трех!

— Вы не делаете этого... — шепотом сказал Виктор.

— Сделаю! — гневно крикнул Роберт. — На другом конце провода — начальник лаборатории... Он держит руку на рубильнике. Ну?! — Роберт приложил трубку к уху, все еще прикрывая ладонью микрофон, и с угрозой произнес: — Раз!..

— Роб! — в ужасе закричала Сюзанна.

Все это показалось Виктору удивительно знакомым... Ну, конечно же! Ведь это в его детских мечтах о разведке, о подвигах фашист при допросе, так же расставив ноги, с угрозой смотрел на него.

— Два!.. — сказал Роберт.

Громыхнуло окно. Рама, осколки стекла влетели в комнату, в черном провале окна мелькнул деревянный приклад винтовки и снова исчез в темноте. Роберт вздрогнул, на секунду его внимание отвлеклось. Виктор резко шагнул к нему... Роберт взглянул на него и испуганно крикнул в трубку:

— Включай!..

Уже не в силах удержаться, не думая ни о чем, Виктор с поворота, хуком, ударил кулаком в перекошенное испугом и злобой лицо... Острой болью резануло суставы пальцев... Роберт, задрвав подбородок, перекатился через угол стола, все еще не выпуская из руки трубку, упал

навзничь, глухо ударился затылком о пол. Шнур потянул телефонный аппарат и сдернул его со стола.

Виктор подбежал к Роберту, постоял над ним, не понимая, что делать дальше, оглянулся. С подоконника в кабинет спрыгнул африканец с винтовкой в руке. За ним чернело лицо другого. Оба смотрели на Виктора.

Коренастый африканец, небольшого роста, почти квадратный, подбежал к Виктору и спросил, не слишком уверенно выговаривая звуки:

— Руски? Викто Кленаф?

— Да, — ответил Виктор.

— О'Мбата. Аэродром. Быстро. Там, — сказал по-английски африканец.

Только тогда Виктор вспомнил, что Роберт в последний момент успел отдать приказ.

ГЕНЕРАТОР ВКЛЮЧЕН!..

Телефонный аппарат валялся на ковре возле стола. Рядом с ним лежала трубка. Виктор присел на корточки, поднял ее левой рукой, крикнул: «Хелло!» Трубка молчала. Виктор потрогал шнур, дунул в микрофон, снова приложил трубку к уху и еще раз крикнул: «Хелло!» Трубка молчала так безнадежно, как будто все это время была лишь мертвым затейливым куском пластмассы, от которого смешно ожидать живых звуков.

Сюзанна, спрятав в коленях лицо, беззвучно рыдала.

Виктор подошел к ней, взял за руку:

— Сюзанна!

Она сжалась еще сильнее.

— Он жив. Это нокаут. Это пройдет... Скоро очнется. Вы обещали отвезти меня на аэродром, — напомнил он. — Сюзанна! Вы ведь слышали... Генератор включен!

Виктор опустился на колено, приподнял ее за плечи. Она безвольно уткнулась лицом ему в грудь, продолжая всхлипывать.

— Боже мой! Какой вы зверь! Какой страшный зверь! — простонала она. — Если бы вы видели свое лицо, свои глаза! И каким стал Роб! Как он мог?.. Как он мог это сделать!

— Нам надо ехать, Сью, — настойчиво сказал Виктор.

— Да, да, — прошептала она. — Я сейчас... сейчас...

Виктор оглянулся и крикнул через плечо коренастому африканцу, который внимательно смотрел на них:

— Аэродром! Быстро! Я и девушка — на машине!

Тот радостно рванулся с места, на ходу бросив какую-то команду своим спутникам.

...Автомобиль, шурша шинами по гравию, осторожно выкатился из дверей гаража. Справа метрах в пятидесяти шла редкая перестрелка. Очевидно, охране дома удалось организовать сопротивление, а бойцы О'Мбата, заняв дом, прикрывали теперь отъезд Виктора.

Автомобиль проехал метров десять и остановился.

— Я ничего не вижу, — равнодушно сказала Сюзанна.
— Включите фары, — посоветовал Виктор.
— Это опасно. По машине начнут стрелять. А без света я не могу. Я вообще сейчас ничего не могу...

Виктор приподнялся на сиденье, хрипло сказал:

— Включайте фары, Сью! И — вперед!..

Сюзанна щелкнула тумблером, два горизонтальных столба света мгновенно выхватили из темноты желтую полосу гравия, какое-то немыслимое переплетение ветвей, листьев и колючек по сторонам, фигуры всадников. Виктору показалось, что машина присела на задние колеса и прыгнула вперед. Его вдавило в сиденье. Дорога уже стремительно неслась под колеса машины. Их подбросило на ухабе, Сюзанна вцепилась в белое колючко руля... Громко, торопливо застучали автоматные очереди. Что-то дублетом щелкнуло по кузову и сразу же толкнуло спинку сиденья. Очевидно, пули застряли в мягкой набивке сиденья. Потом еще раз щелкнуло, в смотровом стекле появилась небольшая круглая дырочка, от которой во все стороны разбежались тонкие трещинки.

Лучи фар осветили крутой поворот налево. Это было спасение... Не сбавляя скорости, Сюзанна перехватила руки на руле, дорога бешено крутнулась перед глазами, сзади опять дублетом щелкнуло по кузову, и тяжелая железная палка резко хлестнула Виктора по плечу...

За поворотом Сюзанна немного сбавила скорость.

Тупая боль в плече жгла Виктора.

Машину сильно тряхнуло, и Виктор от резкой боли испуганно схватил ртом воздух, сжал зубы...

Сюзанна затормозила...

— Не надо... Не надо... — торопливо сказал Виктор — Это в руку... Я потерплю.

Машина остановилась.

Сюзанна включила свет внутри и повернулась к нему.

— Покажите! — потребовала она. — Наклонитесь вперед!

Виктор послушно подался к смотровому стеклу. Свет фар на дороге померк, перед глазами замелькали темные густые пятна.

— Боже мой! — в ужасе воскликнула Сюзанна. — Что же вы молчите? Столько крови!.. Вы — варвар! Сумасшедший! — Голос ее сорвался. — О, как я ненавижу вас всех! — в отчаянии прошептала она и сразу же, жалуюсь ему или еще кому-то, спросила: — Ну, что же это такое?! Дайте же я попробую перевязать!

Она перевязывала его и, глотая слезы, шептала:

— Сейчас... Еще немного... Потерпите... Сейчас...

Ее шепот доносился издали, глухо, незнакомо... Потом она стала произносить лишь одно какое-то слово, но сознание Виктора уже не ловило его, хотя то, что говорила Сюзанна, казалось важным. Он напрягся, вслушался.

— Звери!.. Звери!.. Звери!.. — шептала Сюзанна, на верное уже не слыша себя.

— На аэродром... — попросил Виктор. — Быстрее! Быстрее!

— Я поеду медленно, — упрямо заявила Сюзанна. — Дорога отвратительная. Вас растрясет...

— Я умоляю вас, Сью! — испуганно воскликнул он. — Как можно быстрее!

— О боже! Вы хоть секунду можете подумать о себе?

— Потом, Сью, потом...

Она ожесточенно нажала стартер.

...Машина беспрепятственно проскочила открытые ворота аэродрома.

Невдалеке возвышался темный ангар. К нему вела широкая бетонная дорожка. Площадка перед ангаром была освещена. Поле аэродрома, и освещенная площадка, и бетонная дорожка — все было пустынно.

Вдруг лучи фар выхватили из темноты высокую фигуру африканца. Виктор даже вздрогнул, настолько неожиданно она появилась. Сразу же рядом с ней оказались еще две фигуры в военных костюмах. В высоком Виктору узнал О'Мбата.

Машина взвизгнула тормозами и остановилась.

О'Мбата заглянул в автомобиль. Лицо его стало озабоченным. Он торопливо открыл дверцу.

— Вы ранены, мистер Кленов? — спросил он. — Как же это...

— Ничего... Ваши бойцы сделали все, что могли, — перебил его Виктор и сразу же спросил: — Генератор под аппаратом не отключен?

— Не знаю, — растерянно ответил О'Мбата. — Мы заняли аэродром. Весь персонал и парашютисты, все, кто остался в живых, сейчас находятся под охраной в караульном помещении. Приборы мы не трогали и в ангар не входили, ждали вас... Если это нужно, мы можем уехать...

— В ангар! — сказал Виктор Сюзанне. — Быстрее!

Что-либо узнавать сейчас, выяснять, отключать было уже не нужно. Теперь проще всего было взлететь и вернуться на корабль сапиенсов, потому что оказать помощь Лучу Мысли на Земле никто не мог. А потом, если все обойдется благополучно, можно будет еще раз спуститься на Землю.

Но, конечно, не сюда...

— Вас сопровождать в ангар? — спросил О'Мбата.

— Нет, мы сами теперь... Передайте, пожалуйста, мою благодарность вашим бойцам. Спасибо за все, — Виктор крепко пожал африканцу руку.

Потом он вспомнил разговор с Сюзанной в кабинете у Роберта и добавил:

— Желаю вам, камрад О'Мбата, увидеть десятки, сотни, тысячи тракторов в саваннах Симбаленда!

— О! Спасибо! — растерянно, немного даже смущенно воскликнул О'Мбата.

Катер стоял на асфальтовом полу, ярко освещенный лучами прожекторов.

Виктор взглянул на часы. С тех пор как он вбежал в кабинет Роберта, прошло более часа. Более часа невидимый генератор облучал сапиенса!

Сейчас же с легким треском нос катера раскололся, обшивка тяжелыми крыльями повисла по сторонам. Большой черный шар, казалось, опирался на лучи прожекторов.

— Почему, вы, такие, необыкновенные, — загремел голос.

Теперь он не испугал Сюзанну. Она, кажется, даже облегченно вздохнула.

— Нас обманули, — решительно сказал Виктор, чувствуя, что с этой болью в плече невозможно стоять на ногах. — Нам необходимо улетать...

— Что, такое, обманули.

— Они говорили не то, что думали...

— Это, невозможно.

— Люди умеют так делать. Нам необходимо улетать!

— Ты, полетишь, со, мной.

— Да.

— Ты, хотел, вернуться, к, людям.

— Мне опасно оставаться здесь.

— Я, ничего, не, узнал о Земле.

— Нам нужно улетать! — в отчаянии закричал Виктор. — Люди сейчас убивают тебя и меня! Под полом они включили генератор смертоносных излучений...

— Зачем, — загремело опять.

— Я все объясню тебе там... на корабле! Нам надо спешить! Генератор включен!

Несколько секунд ангар стоял погруженный в томительную тишину. Наконец Луч Мысли сказал:

— Я, готов.

Виктор взглянул на Сюзанну. Она тревожно вслушивалась в раскаты непонятных ей русских слов.

— Мы улетаем сейчас, — сказал Виктор.

— Да... — чуть слышно сказала она, опустив голову.

Он взял ее руку в свою.

— Вам надо уйти, Сью, — напомнил он.

— Хорошо...

— За это нельзя, конечно, благодарить, — горюясь, сказал он, подумав на миг и о том, что сейчас она уйдет, что ее больше не будет. — Все равно спасибо! Уже за то, что вы встретились мне...

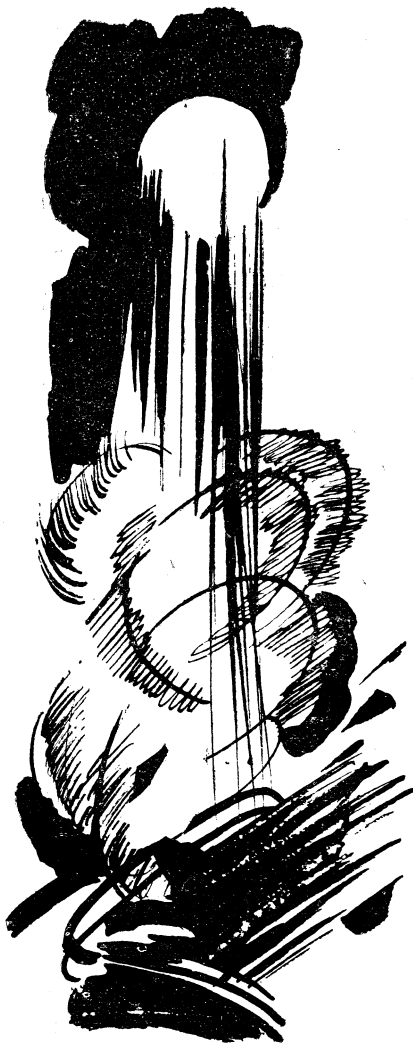
Сюзанна осторожно отняла руку, повернулась и пошла, приложив к щекам ладони.

Она вышла из света прожекторов, и тяжелый мрак ангара схватил ее фигурку.

— Сью! — еще раз окликнул Виктор.

— Да?..

— Скажите всем на аэродроме, чтобы быстрее уходили. Постарайтесь отъехать подальше! Мы будем ждать две-три минуты! Не больше!

— Улетайте немедленно! — крикнула она, и голос ее сорвался. — Нельзя же так! Нельзя! Без конца убивать себя — это тоже преступление!

— Уходите, Сюю... — попросил он.

Последнее, что он хотел тогда — чтобы ей всегда, всю жизнь было хорошо...

Сюзанна вышла из ангара, увидела свою машину, рядом с ней О'Мбата и еще несколько человек. За ними, полукольцом окружая площадку перед ангаром, виднелась редкая цепь неподвижных фигур с винтовками.

О'Мбата подошел к ней.

— Уходите... — тихо сказала Сюзанна. — Они сейчас взлетят...

Африканец растерянно взглянул на нее.

— Уходите! — отчаянно закричала Сюзанна. — Уходите все! Они взлетают! Бегите!.. Быстрей!..

Она побежала вперед от ангара, услышала громкие выкрики команд, увидела, как дрогнула цепь людей, как темные фигуры стали рассыпаться по полю... И вдруг, оступившись в темноте, Сюзанна упала. Она попыталась идти, но не могла и опустилась на землю. Кто-то подбежал к ней. Сюзанна увидела, что это О'Мбата. Он схватил ее на руки, поднял и понес, не переставая что-то сердито говорить.

Из темноты выбежал Роберт. Его безумные невидящие глаза были устремлены на ангар, лицо застыло в мучительной гримасе, на щече темнела широкая полоса застывшей крови. Сюзанна в ужасе закричала.

Роберт увидел ее.

— Останови их! — услышала Сюзанна его звенящий от напряжения голос. — Ты можешь это сделать! Останови!

Он подбежал совсем близко, и Сюзанна, все еще не веря, что это Роберт, испуганно прижалась к африканцу.

— Я только хотел испугать его, Сью! Через минуту я приказал бы выключить генератор.

— Оттолкните его... — жалобно попросила Сюзанна. — Я не могу...

— А-а-а! — дико закричал Роберт и побежал к ангару. Он подбежал к воротам, секунду помедлил, и сразу же стены ангара отпрыгнули друг от друга, рассыпаясь на куски. Шатер крыши, взвизгнув осколками разбитых стекол, стремительно взлетел вверх высоко-высоко. Удар горячего воздуха сшиб африканца с ног, но Сюзанна лишь на секунду закрыла глаза. Рубиновым мертвым сиянием осветило землю, и бетонную дорожку, и летящие во мрак глыбы. Сюзанна увидела тяжелый аппарат, который сначала неторопливо, потом все ускоряя полет, скрывался в небе.

Там, где стоял ангар, пылал огромный костер, высоко и весело выбрасывая в темноту мягкие языки пламени.

„КЛЕНОВ“... „КЛЕНОВ“... „КЛЕНОВ“

Лена зябко поежилась и привычным движением поправила на плечах мамину мягкую шаль. Лето было в разгаре, дни стояли жаркие, но ей все равно было холодно.

Когда ей вчера принесли телеграмму от Виктора, она немного, конечно, поплакала, но, к ее удивлению, тревога в ней не утихала, наоборот, становилась все сильнее, хотя это казалось уже невозможным. Всю ночь она просидела у приемника, держа настройку только на западных станциях. Предчувствия не обманули ее. Сообщения к утру становились все туманнее, все сдержаннее.

Под утро ей позвонил Дорошенко и разрешил не выходить на работу. Она обрадовалась и просидела у приемника весь день в этой старушечьей позе, согнувшись и

устроив ноги на маленькой скамеечке, с книгой на коленях, в которой за все это время ей не удалось понять ни строчки.

Наконец музыка сменилась короткой паузой. И Лена услышала уже знакомый голос.

— Внимание! Передаем сообщение об исчезновении русского космонавта и космического гостя из Симбаленда.

Лена не поняла, испугалась она или обрадовалась. Ей только стало совсем холодно, она плотнее натянула шаль и прибавила громкость.

Равнодушный, хорошо поставленный голос долго говорил о мерах, которые были приняты властями Симбаленда для безопасности русского космонавта, поскольку космический аппарат приземлился в районе озера Магода, где сконцентрированы основные силы повстанцев.

Лена слушала, боясь проронить хотя бы один звук, — что скажет голос о Викторе? Но он говорил о красоте, обаянии и привлекательности юной Сюзанны Эдвин.

«Что это? — с тоской спросила себя Лена. — Зачем они это говорят?»

— Повстанцы попытались проникнуть в дом Роберта Эдвина. Во время перестрелки космический аппарат взлетел, разрушив ангар, к этому времени уже оборудованный администрацией картеля «Вест-Уран» для открытых бесед космического гостя с людьми. Под пепелищем разрушенного и сожженного ангара обнаружено тело Роберта Эдвина. Выяснить судьбу Сюзанны пока не удалось. Официальные лица отказываются комментировать события. Советский посол, прибывший сегодня из Блэк-Одана в Симбаленд для встречи с Виктором Кленовым, получил разрешение генерал-губернатора посетить район озера Магода и встретиться с командованием повстанцев.

Лена побежала к телефону. Отец, как всегда, был недостижим, и сейчас говорить с ней не мог. Лена нашла другую станцию и замерла:

— Слушайте сообщение нашего специального корреспондента в Симбаленде, только что полученное редакцией.

Советский посол в Блэк-Одана, посетив сегодня днем штаб повстанцев в районе озера Магода, сообщил генерал-губернатору Симбаленда, что мисс Эдвин находится в расположении войск повстанцев. Посол доставил генерал-губернатору письмо Сюзанны Эдвин с объяснением событий, которые произошли в доме мистера Эдвина. Генерал-губернатор отказался опубликовать содержание письма. Кленов вместе с гостем из космоса находился на борту катера, когда тот покинул Землю.

Лена решительно сбросила шаль и выбежала из квартиры. На лестничной площадке немного постояла. Куда она бежит?.. К кому?.. Ни к кому! Просто на улицу!

Привычная Петровка ошеломила ее. Люди здесь всегда спешили, разбегаясь по тротуарам, как муравьи в жаркий полдень, по дороге, мягко шурша, проносились легковые машины, ярко раскрашенные грузовики с хлебом, колбасами, мороженым. Сейчас улица была до неузнаваемости

неподвижна. Только витрины магазинов привычно сверкали. Посреди улицы, уткнувшись друг в друга, стояли машины. Пешеходов на тротуарах не было. Они большими группами толпились у легковых автомашин. Лена подошла к одной из групп.

— Что случилось? — шепотом спросила Лена вихрастого юношу.

— Сейчас будут передавать сообщение ТАСС о Кленове, — тоже шепотом, не оборачиваясь, ответил тот.

Лена все поняла. Петровка, столица, страна, весь мир, все люди сейчас остановились, чтобы услышать правду о Викторе... Она уткнулась лицом в плечо этого юноши и, обняв его за плечи, прижалась к его спине щекой.

— Что с вами, девушка? — испуганно обернулся паренек.

В этот момент звучный баритон из машины сказал:

— Передаем сообщение Телеграфного Агентства Советского Союза.

Юноша вытянул загорелую шею вперед, только взял ее руки в свои и молча пожал. Она не отняла рук.

— Как уже сообщалось в газетах, — говорил баритон, — Герой Советского Союза товарищ Кленов, возвращаясь с представителем космического корабля на Землю, вчера совершил посадку в Африке на территории протектората Симбаленд. Авантюристами из международного картеля «Вест-Уран» в связи с этим событием была организована крупная провокация, преследующая далеко идущие цели. В первый же день пребывания в Симбаленде товарищ Кленов оказался фактически под арестом в доме представителя администрации картеля «Вест-Уран». Сопротивляясь насилию, товарищ Кленов и космический гость вынуждены были покинуть территорию Симбаленда. По наблюдениям астрономов, аппарат, на котором Виктор Кленов и космический гость опустились на Землю, возвратился на корабль. Таким образом, затея авантюристов из картеля «Вест-Уран» постыдно провалилась. Правительство Советского Союза обратилось ко всем странам мира с предложением договориться о приеме на Земле космических гостей.

Юноша снова обернулся к Лене и восхищенно сказал: — Ну и дела! А Кленов-то, Кленов!.. Силен!

МЫ, ХОТИМ, ПОМОЧЬ, ЛЮДЯМ

Возвращение на корабль показалось Виктору пыткой. Лихорадочный озноб внезапно, без перехода, сменялся изматывающим жаром. Жгучая боль в плече становилась нестерпимой. Непреодолимая вялость мешала двигаться. Тех десяти минут, которые он тогда провел в ангаре, в зоне облучения, оказалось достаточно, чтобы вызвать лучевую болезнь.

Сапиенсы заботливо ухаживали за ним, но лечили осторожно: человеческий организм они знали еще очень мало.

Они потребовали, чтобы Виктор описал им картину ухода за больным на Земле. Через некоторое время рядом с постаментом, на котором неподвижно стоял космолет, появилась кровать, покрытая одеялом, с простынями и подушками, тумбочка, даже графин с водой и стакан. У тумбочки открывались дверцы на петельках, а из графина лилась вода.

Все было очень похоже, и все же не то...

Вода в графине была сначала безвкусной, химически чистой, потом — горькой, как в лимане, и всегда — противно теплой.

Во сне его мучили кошмары, Лена сосредоточенно старалась поставить у рентгеновского аппарата бесчувственного Роберта, он все падал, а Сюзанна, не обращая на них внимания, гневно выговаривала: «Звери! Звери! Звери! Звери! Звери!»

А когда он просыпался, перед глазами маячили в бирюзовой мгле тени сапиенсов. Они все допытывались: что же происходит на Земле?

Навещал Виктора и Луч Мысли. Сапиенсы, как и рассчитывал Виктор, сумели оказать ему немедленную и действительную помощь. Да и разрушительная работа гамма-лучей встречала в клетках живой ткани жителя далекой планеты какое-то неведомое сопротивление и шла в десятки раз медленнее, чем в теле человека. Защитный отражатель тоже значительно снизил действие облучения. И все-таки полученная им доза была очень велика.

Движения его стали вялыми, изображения, которые он пробовал передавать Виктору, — тусклыми, прерывистыми. Потом он совсем перестал передавать, только неподвижно висел у пола аквариума, выставив безжизненные белые рожки. Спасти его от этого медленного умирания могло только возвращение на их планету. Там найдут единственно верный курс лечения. Сапиенсы были совершенно уверены в этом. Во время обратного пути Луч Мысли будет в состоянии анабиоза. Но что будет с ним, Виктором? Мысли путались, едва он задумывался об этом.

Много раз Виктор пытался объяснить сапиенсам, что же произошло с ними на Земле, в центре большого материка, населенного людьми. Пришлось рассказать очень,

очень многое. И когда они стали понимать его, машина-переводчик потребовала:

— Покажи, где, все, еще, властвуют, люди, хищники, противники, Необходимости.

В углу зала возник медленно вращающийся шар с контурами земных континентов.

Виктор нехотя надел тубетейку и подумал об одной из этих стран... И сейчас же темная, почти черная краска залила кусок материка. Шар плавно поворачивался, открывая причудливо изрезанные берега, темные пятна залили изломы суши, узкой струйкой краска полилась дальше и замерла...

Пятна и полосы на поверхности Земли казались отсюда крохотными, почти незаметными на светлом фоне континентов.

— Где, еще, — спросила машина.

— Все, — ответил Виктор.

— Это, очень, мало.

— С нас хватает... — буркнул он.

— Мы, хотим, помочь, людям.

— Я слушаю вас, — сказал Виктор.

— Наш, корабль, много, раз, облетит, Землю. Над, странами, которые, ты, нам, показал, будет, подана, энергия, оттапливания.

Он удивился: зачем это?

— Электромагнитное, поле, нагреет, поверхность, до, тысячи, градусов. Землю, охватит, пожар.

Виктор приподнялся, впился глазами в аквариум.

Что это? Что они надумали?!

— Разумные, люди, начнут, новую, разумную, историю.

Их было много, расплывчатых, неясных, неподвижных. Весь аквариум был полон ими. Никогда раньше их не появлялось столько одновременно.

— Нам, необходимо, твое, утверждение.

— Нет! — испуганно закричал Виктор и шепотом повторил: — Нет!..

Это галлюцинация?.. Все еще кошмары?.. Он с надеждой ждал, что сейчас все это исчезнет, кончится.

Но перед глазами стоял только бирюзовый тусклый свет да цветастые тени.

— Объясни, почему, нет.

Виктор почти не сомневался уже, что это очередной кошмар, но на всякий случай сказал:

— Там ведь люди! Они сгорят...

— Ты, говорил, что, они, могут, уничтожить, много, других, разумных.

— Нельзя! Нельзя сжигать людей! — крикнул он.

Сапиенсы молчали.

Виктора начала бить нервная дрожь. Неужели это не сон? Ему мучительно захотелось проснуться. Пусть даже здесь, на корабле, пусть все будет так, только бы не было этих слов!..

— В, тебе, говорят, чувства, не, разум, — сказала машина.

И Виктор иступленно закричал:

— Нельзя!.. Поймите это! Нельзя сжигать живых!

Долго, очень долго тишина стояла, как мучительное испытание.

— Тебе, объяснит, Луч, Мысли, — сказала, наконец, машина.

Виктор теперь только заметил его. Луч Мысли неподвижно висел у самой перегородки, внизу. Сапиенсы надели на него продолговатый прибор с проводами. Машина снова заговорила. Слова она произносила четко, но с большими паузами. Лучу Мысли было плохо. Виктор едва понимал его, но кое-что схватил лихорадочно возбужденным умом.

Луч Мысли сказал, что предложенное решение было выводом логики. Его сообщила логическая машина корабля. Сапиенсы, как всегда, назначали для контроля Совет Оппонентов. Одним из них был Луч Мысли. Вторым был тоже один из мудрейших сапиенсов. Третьим оппонентом назначен человек с Земли. Возражение даже одного из Оппонентов лишало решение логической машины действия. Теперь все зависело от того, что скажет человек с Земли. Через два часа он должен решить окончательно. Корабль пока начнет приближаться к Земле...

— Думай, — сказала машина и умолкла.

Тени начали редеть, растворяясь в зеленовато-голубом мраке.

— Вы меня не поняли! — крикнул им вслед Виктор.

Аквариум опустел.

Два часа!

Сапиенсы велели ему думать два часа...

О чем?..

Виктор снова прилег. Больно заняло плечо.

Все, что говорил ему Луч Мысли, он прекрасно понимал. Да и кто же из людей этого не знал? Разве не бросил им еще десятки лет назад потрясенный Александр Блок: «В последний раз опомнись, старый мир!»?

Его охватил дурманящий жар. Сапиенсы не знают всего, что знают люди. Он должен доказать им, должен...

Но как?

Они предлагали стереть темные пятна, которые остались еще на Земле. Но там ведь не пятна, там люди! Сотни миллионов людей!

И тут же на секунду мелькнула мысль.

«А Роберт и его хозяева?!»

Такие могут вовсе обезуметь! «Включай!»... Разве же плохо обезопасить раз и навсегда человечество от них?

Но там ведь еще и Сюзанна! «Думайте обо мне иногда», — сказала она ему. Там миллионы людей — из числа тех, что присылали ему телеграммы... Там народ, главный обитатель этих территорий... И не такими способами разрешают коммунисты классовые конфликты!

Он провел рукой по лбу...

— Два, часа, прошло, — отчетливо сказала машина.

Виктор приподнялся, сел на кровати, посмотрел на прозрачную перегородку, поискал глазами за ней, в глубине...

— Где Луч Мысли? — спросил он.

Ему вдруг показалось, что Луч Мысли за эти два часа мог умереть. Шершавый комок стал в горле.

— Лучу, Мысли, плохо, — пришел запоздалый ответ.

— Почему, у, тебя, из, глаз, течет, вода. Почему, машина, не, переводит, звуки.

Он вздохнул, усмехнулся. Неожиданно к нему пришло решение.

Он расскажет им историю людей. Историю людей, а не убийц.

Он торопливо надел на голову приемник аппарата.

Мысли были сейчас ясными, как никогда. Он увидел картины, такие же яркие, рельефные, как и те, что когда-то передавал ему Луч Мысли.

Из обрывков воспоминаний, из старых картин и книг, дополненных воображением и мечтой, как живой, встал перед ним Спартак. Обливаясь кровью, он упал на одно колено, ужасный и прекрасный в своем человеческом гневе и любви ко всему человеческому...

В огромном зловещем костре на Кампо де Фьоре — площади Цветов — горел Джордано Бруно, окруженный черными монахами, его взгляд был устремлен вверх, к голубому небу, тайны которого он открывал людям...

...Виктор говорил быстро, громко, опасаясь, что не успеет, что сапиенсы не поймут его. Завтра же они могут улететь, и разумные существа во вселенной долго еще будут считать, что Землю населяют полудикие непонятные создания, так называемые люди...

Это и есть история людей — нескончаемое движение вперед. И это все лучшее, самое светлое, непреодолимое пробило, наконец, себе широкую дорогу в октябрьском Петрограде, в гигантском многолетнем сражении с фашизмом... И теперь оно уверенно господствует на Земле, определяя будущее людей уже сейчас. Уже сейчас — сегодня, завтра и всегда!

Разумные должны это понять!

История людей — не только история дикости. Это история движения от дикости к разуму...

Люди нашли уже красоту и разум везде, нашли их и в отношениях между людьми.

Разум на Земле скоро, совсем уже скоро победит во всем!

Виктор остановился, передохнул, хотел что-то говорить еще и почувствовал, что больше не может. Сапиенсы внимательно слушали. Собрав последние силы, он все же сказал, раздельно произнося слова, невольно подражая интонации машины:

— Поэтому, я, не могу, утвердить, решение, вашей, машины. Это, было, бы, дикостью, недостойной, людей...

ЗАКОН ЛЮДЕЙ

Сапиенсы больше не могли оставаться. Корабль улетал. А Виктор не мог возвратиться на Землю. Он просто не вынес бы этого полета. Слабый огонек жизни, который сапиенсы с трудом зажгли в нем, надо было беречь.

Виктор улетал с сапиенсами. Теперь Виктор все дни торопливо писал. Он писал в том же бортовом журнале, в котором и раньше вел записи своих бесед с сапиенсами. Журнал они положат в космолет, наглухо закроют люк... Сапиенсы сбросят космолет так, чтобы он упал в море, и просигналят об этом людям. Журнал вернется на Землю... Что ему сделается? Он все выдержит, он не живой...

Виктор рассказал уже все, что случилось с ним там, в центре большого материка, в человеческих джунглях. Теперь оставалось написать о том, что будет...

Он полетит в другой мир, к далекому солнцу, встретит незнакомую жизнь. Сапиенсы обещали ему, что, доставив на свою планету Луча Мысли, они возобновят космическую экспедицию и по пути вернут его на Землю. Полет в оба конца продлится десять лет.

Но это для них, в корабле...

Когда-то студентом Виктор увлекался теорией относительности. Еще бы! Она доказывала, что время, неумолимое и непокорное время, тоже относительно и изменчиво. Время замедляет свой ход, когда тело движется с огромной скоростью, близкой к скорости света.

Он удивился тогда... И только... Если бы он знал, как это страшно!

Корабль будет мчаться, догоняя свет, настигая свое изображение. Он будет нырять в полях тяготения огромных звезд. Для них, в корабле, время отсчитает всего десять лет. Для людей на Земле — около ста...

Он никогда, никогда больше не увидит тех, кого покинул недавно!

Виктор отчаянно не хотел сейчас в будущее. Он любил сегодняшние подмосковные чистые березовые рощи и угрюмую сибирскую тайгу, сегодняшних людей, их думы, надежды, дела и борьбу... Он любил Лену...

Виктор приподнялся и стал быстро писать. Перед последней фразой он помедлил, потом решительно написал: «Ждите нас! Мы прилетим еще! И через сто лет, все равно — до свидания, все!»

Он захлопнул тетрадь и долго лежал, не двигаясь, закрыв глаза. Теперь надо было сказать сапиенсам, что все

готово, что космолет можно сбросить на Землю. После этого корабль улетит. Как трудно произнести эти несколько слов!

Но сапиенсам надо торопиться.

— Я кончил писать, — негромко сказал Виктор.

Он так и не открыл глаза, когда его камера наполнилась осторожным жужжанием, скрежетом, дуновениями теплого ветерка. Сапиенсы упаковывали его тетрадь и уводили космолет. Наконец все смолкло. Виктор взглянул туда, где над полом возвышался круглый постамент. Он был пуст.

Прошло еще полчаса, и машина сказала:

— Твой, аппарат, сброшен, на, Землю.

Виктор не шевельнулся, глядя в ровный серый потолок над собой и не видя ничего. Прежняя жизнь кончилась. Безжалостно начиналось что-то новое, нечеловеческое.

— С, Земли, стартовали, две, ракеты.

Виктор не сразу понял, что произошло. С Земли стартовали ракеты! Они мчались, конечно, сюда, к кораблю! Он увидит людей, услышит их голоса!.. Он увидит людей!!!

— Где ракеты? — задыхаясь, спросил он.

И еще десять, двадцать, сто раз он спрашивал об этом. Время исчезло. Было только движение ракет, о котором ему докладывали сапиенсы.

Ракеты вынесли в космос два аппарата, такие же, как и тот, который только что был сброшен. Аппараты шли по орбите вокруг Земли на одной высоте с кораблем, быстро сближаясь с ним.

— Откройте им диафрагму! — крикнул Виктор. — Они летят сюда...

Воздуха не хватало. В висках стучали тяжелые молотки.

Чья-то фигура, освещенная сзади, прильнула к иллюминатору, но лучи света падали на стены, и человек не видел Виктора.

Космолет проплыл к постаменту, дрогнул и замер. Человек отпрянул от иллюминатора, снова приблизился к нему, но не видел, все еще не видел Виктора.

Наконец пилот исчез, и Виктор услышал легкий скрежет отвинчиваемой резьбы. Крышка люка откинулась. Осторожно высунулась голова пилота...

Виктор узнал его. Это был капитан Никитин. Все тот же Никитин — самый опасный конкурент, самый придиричивый тренер и заботливый опекун.

Никитин все еще не видел Виктора. Он смотрел прямо перед собой на бирюзовую стенку аквариума, полного сапиенсами. Лицо его выражало сейчас крайнюю степень озадаченности. Виктор хотел окликнуть его, но из горла вырвался только тихий стон. Никитин обернулся на звук и, наконец, увидел.

— Кленов? — крикнул он, очевидно не узнавая его.

Виктор молча кивнул, уже ничего не видя сквозь туман слез.

— Ну, здорово, герой, — тихо сказал Никитин, усаживаясь на кровать.

— Здорово, капитан, — чуть слышно ответил Виктор.

Никитин сграбастал Виктора сильными руками и прижал к груди.

— Ну, будет, будет! — срывающимся голосом сказал он. — Посылают на такое дело всяких гражданских, а они хлюпают потом...

— А сам чего хлюпаешь? — счастливо улыбаясь, спросил его Виктор.

— Кто? Я? — возмущенно воскликнул Никитин, часто моргая мокрыми глазами. Он пристально взгляделся в лицо Виктора и тихо сказал: — Да, здорово тебя, брат... искорежило... Кто это тебя так? Там, в Симбаленде?

— Там, — кивнул Виктор.

Никитин нахмурился.

— Майора Мамедова еще не забыл? — быстро спросил он через минуту.

Виктор снова кивнул.

— Вокруг нас сейчас кружит, — шепнул Никитин, искоса взглянув на аквариум. — Страхует.

Никитин опять глянул на лицо Виктора и решительно потребовал:

— Ну, хватит с тебя, герой! В госпиталь тебе пора отправляться.

Виктор отрицательно покачал головой, чувствуя, как тоска с новой силой сдавила грудь. Вот и все... Поговорил с человеком, повеяло земным духом, и хватит...

— Ты что это? — удивленно спросил Никитин. — У нас приказ.

— Тебе, нельзя, лететь, сейчас, — громко отчеканил механический голос.

Капитан при первых же звуках резко выпрямился.

— Не бойся! — улынулся Виктор и добавил: — Посылают на такое дело всяких необстрелянных вояк.

Никитин еще раз оторопело взглянул на аквариум, потом на Виктора и радостно закричал:

— Ах ты, чертяка! Всему обучил своих лунатиков! Даже по-русски болтают!

— Что, такое, чертяка, — спросила машина.

— Это самая вежливая форма обращения к человеку на Земле. — весело сказал Виктор, стараясь не замечать замешательства капитана.

Никитин показал ему кулак, довольно улынулся и настойчиво предложил:

— Слушай, Кленов, точно говорю — домой тебе пора... А то жена уже заждалась.

— Не могу я, капитан, лететь, — слабым голосом сказал Виктор. — Не выдержу...

— Выдержишь! — спокойно и убежденно сказал Никитин. — Ты посмотри на космолет. Не узнаешь? Новая марка — экстра-класс. Опущу тебя так, что даже не почувствуешь, когда сядем.

Виктор видел... Стопка калек на подоконнике его кабинета. Березовая аллея... Лена.

— Сейчас, капитан, сейчас, — сказал он и сел на постели.

— Ну, вот и все! — облегченно воскликнул Никитин.

— Сейчас, сейчас... — еще раз прошептал Виктор, опуская ноги на пол.

Он быстро встал, в глазах потемнело, капитан подхватил его и укоризненно сказал:

— Держись-ка за меня... Держись, тебе говорят!

Он положил руку Виктора себе на плечи и, обняв в поясе, осторожно повел к космолету. Виктор медленно шел по теплому серому полу своей камеры, смущенно улыбаясь, еще не веря своему счастью...

— Ты, улетаешь, чертяка, — спросила машина.

Никитин снова вздрогнул от этого голоса и втянул голову в плечи.

— Экие горластые попались на наши головы, — недовольно проворчал он. — Поболтать бы с ними, да ты больно уж плох. Ты их в гости скорей зови. Ждут ведь там!

Виктор остановился и медленно повернулся к прозрачной стене, за которой висели цветные неподвижные тени.

— Не беспокойтесь обо мне! — громко сказал он. — Лечите Луча Мысли. Я возвращаюсь на Землю. Я расскажу о вас людям. Мы будем ждать вас. Скоро на Земле все будет иначе... Прилетайте еще! Прилетайте обязательно!

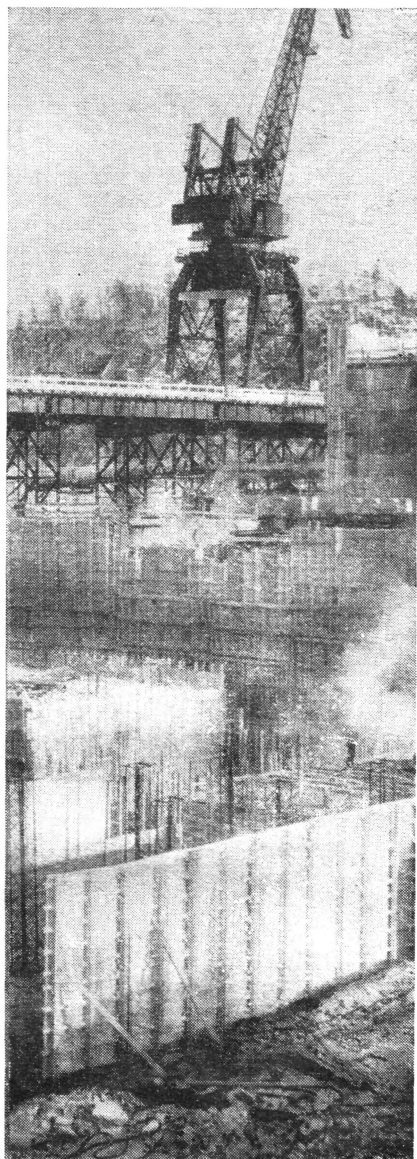

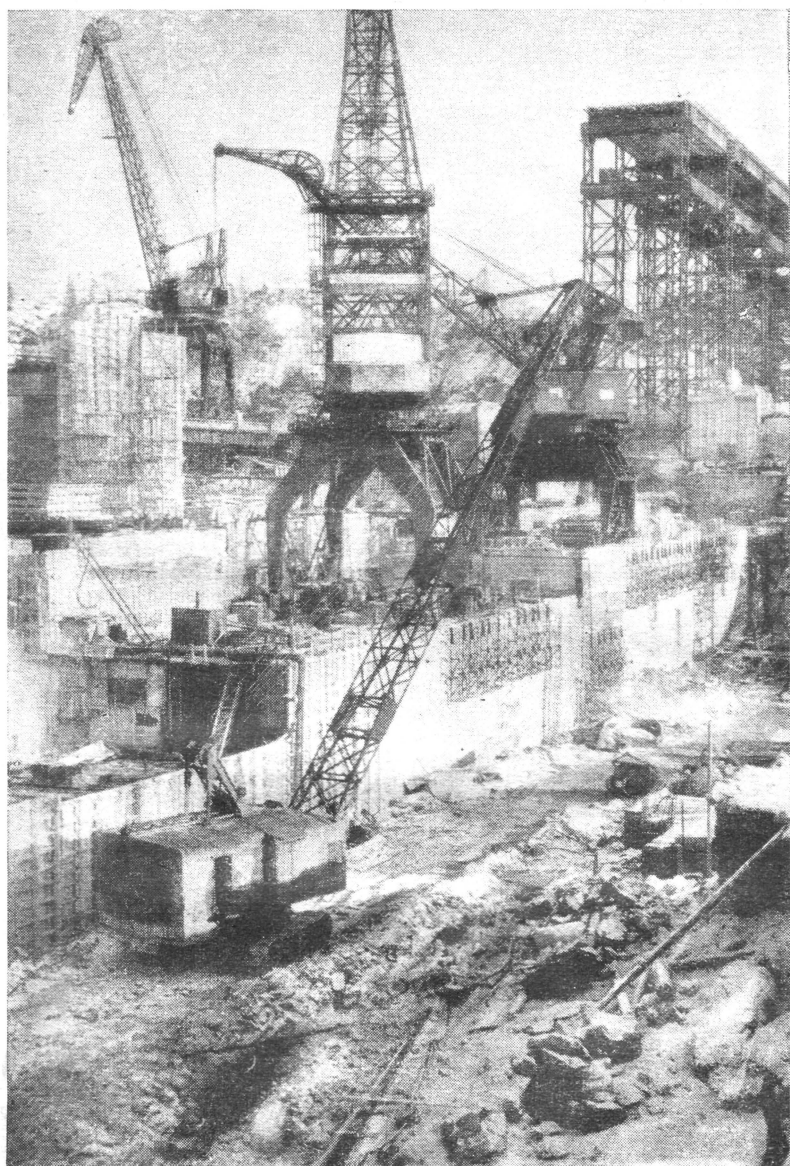

В сего три года назад здесь, на дне огромного котлована, работали бурильщики. Они прощупывали каждую пядь скальных пород, цементировали глубинные трещины, готовя основанье будущей плотины. А сейчас...

От берега до берега суровую Ангару перехватила железобетонная плотина. Падунское сужение перечеркнуто эстакадой, на которой раскинули свои руки мощные краны. В сооружение гидроузла уложено уже более 2 миллионов кубометров бетона. Но для того чтобы поднять воду до пускового горизонта, надо уложить еще сотни тысяч кубометров.

В дни работы XXII съезда КПСС первая гидротурбина ГЭС вступит в строй. Братская ГЭС будет поистине одним из чудес XX века.

ЦВЕТНАЯ МУЗЫКА

Можно ли увидеть музыку? На протяжении веков и деятели искусств, и философы, и естествоиспытатели пытались получить цветную музыку. Но все это не было даже попыткой научно преобразовать звук в цвет. Впервые такой эксперимент произведен молодым инженером-электроником Константином Леонтьевым, большим любителем музыки.

Посетители советской промышленной выставки в Лондоне не только услышали, но и увидели музыку. Сложные электронные машины, «слушая» игру скрипачей и пианистов, подбирали к каждому созвучию богатые оттенки цветов и показали их на экране. Этот электронный преобразователь звука в цвет выполнен лабораторией общих проблем кибернетики профессора А. Я. Лернера в Институте автоматизации и телемеханики.

Цветная музыка даст человеку много в эстетическом отношении. Найдет

она применение и для решения ряда технических задач, особенно там, где нужен обмен информацией между машиной и человеком.

СТАНОК... ЧИТАЕТ

Автоматический фрезерный станок. Этим, конечно, никого не удивишь — ведь сегодня уже созданы и успешно работают целые заводы-автоматы!

Верно, работают. Но как? Да как положено автоматам — по заданной программе. Это значит, для существующих подобных станков человек должен «переложить» чертежи на язык счетно-решающей машины — запрограммировать его. А станок, который создали ученые Центрального научно-исследовательского института комплексной автоматизации, читает чертежи сам.

У него есть «глаз» — фотоэлемент. Пристально «вглядываясь» в линии чертежа, он передает то, что видит, в счетно-решающее устройство. Оттуда усиленные импульсы тока через систему управления подают команду электродвигателю. Станок начинает работать. Система управления регулирует скорость и точность обработки. Специальные захваты автоматически освобождают деталь и передвигают ее по конвейеру.

В этом году начался серийный выпуск таких станков, изготовляющих детали по чертежам.

ИСКУССТВЕННОЕ КРОВООБРАЩЕНИЕ

Искусственное сердце, искусственное легкое — о них давно мечтали хирурги разных стран. В первую очередь эти аппараты необходимы при операциях на сердце.

В Советском Союзе была создана модель «сердце—легкое», позволявшая производить операции на так называемом сухом сердце, не останавливая кровообращения. И все-таки смерть подстерегала больного во время операции, если при работе этого аппарата в кровь попадали пузырьки воздуха.

Новый аппарат искусственного кровообращения создан сотрудниками ленинградской клиники Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. Он позволяет воспроизводить все физиологические и биохимические функции сердца и легких при операциях на сухом сердце. Этот аппарат безукоризненно очищает кровь от нерастворенного в ней воздуха.

Ленинградский завод «Красногвардеец» наладил серийный выпуск аппаратов искусственного кровообращения.

БЕЗ ПЛАВКИ

На Кировградском медеплавильном комбинате (Урал) успешно действует установка, принцип работы которой как будто даже опровергает само название завода: это извлечение цветных металлов из руд без процесса плавки.

Принципиально новый химический способ получения цветных металлов разработан в Институте общей и неорганической химии имени Н. С. Курнакова. Особенность новой технологии, для которой требуется электроэнергия и раствор поваренной соли, заключается в том, что все содержащиеся в руде цветные металлы, сера и редкие элементы (германий, селен, теллур, индий и другие) извлекаются раздельно, но в од-

ном непрерывном процессе. Медь, свинец, цинк, никель выделяются в виде окиси, сера — в чистом виде, редкие элементы — в виде богатых концентратов.

Всякие потери металлов и редких элементов в шлаках, пыли и газах исключены.

Коренным образом улучшаются условия труда металлургов. Особенно перспективна полностью автоматизированная установка, уже созданная институтом. На ней будут перерабатываться редкоземельные и трудноразделяемые металлы: лантан, церий, ниобий и другие.

Так химия вмешивается в металлургию, меняя ее лицо.

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПОЛИГЛОТ

«Полиглот» в переводе с греческого — многоязыкий. Так обычно говорят о людях, владеющих несколькими языками. С полным правом так можно назвать и машину, выпущенную Ленинградским заводом полиграфических машин. С ее помощью можно набирать текст книг и журналов на языках хинди, бенгальском, марахти, урду, уйгурском, персидском, афганском, арабском и других.

До сих пор книги на этих языках в основном набирались вручную. Новые наборные машины позволяют механизировать эту трудоемкую и сложную работу. Действуют они так. Сначала на программирующих аппаратах получают перфорированную ленту, где в виде отверстий «записано» задание — текст. А потом на буквоотливном автомате по этой программе изготавливаются строки и гранки.

МАШИНА-ФАБРИКА

Миллион овец нужно содержать в течение года, чтобы получить столько шерсти, сколько может дать за это же время только одна «фабрика» капрона — так назвали свою новую машину труженики Ленинградского завода имени Карла Маркса.

На новом агрегате, предназначенном для производства

капроновой нити, в сутки вырабатывается столько волокна, сколько дает целый завод, — 15 тонн. Впервые в советской практике синтетическое волокно, лучший заменитель шерсти и шелка, изготовляется непрерывным методом на поточной линии. До сих пор это осуществлялось на нескольких машинах.

„Волшебная“ люстра

Из игольчатых отверстий этой необычной люстры капля за каплей стекают электрические заряды, насыщая воздух отрицательно заряженными ионами кислорода.

Результаты облучения горняков карагандинских шахт этими витаминами воздуха превзошли все ожидания. Резко сократились случаи простуды и заболевания гриппом. У рабочих резко увеличилось количество гемоглобина в крови.

Горняки окрестили люстру карагандинского профессора А. Л. Чижевского «волшебной».

Теперь воздух горняцкой рядной по своим целебным свойствам нисколько не уступает воздуху высокогорных и приморских санаториев.

«Волшебные» люстры находят все более широкое распространение.

Рисунки Р. Вольского

РЕВОЛЮЦИОНЕР МИХАИЛ ВОЙНИЧ

Огромной любовью советской молодежи пользуется роман английской писательницы Э. Войнич «Овод».

Внимательный читатель не мог не заметить, что образ Овода во многом напоминает русских революционеров-народовольцев. Долгое время было непонятно, чем это объясняется. Ведь английская писательница создавала роман по материалам итальянского революционного движения. Теперь благодаря исследованиям Е. А. Таратута стало известно о личном участии Этель Войнич в русском революционном движении, о дружбе ее с С. М. Степняком-Кравчинским, писателем-народником, знакомстве со многими видными русскими эмигрантами. Среди них писательница встретила и своего будущего мужа — Михаила Леонардовича Войнича. Он сыграл немаловажную роль в ее жизни. Однако до сих пор о самом Михаиле Леонардовиче известно очень немного. И вот в Государственном архиве Иркутской области в фондах канцелярии генерал-губернатора удалось обнаружить «Дело Михаила Войнича».

Появилась возможность восстановить многие факты и события из жизни этого интересного человека.

Каменную громаду десятого павильона со всех сторон опоясали крепостные стены Варшавской цитадели.

Днем и ночью по крепостной стене ходят часовые. У каждого небольшой участок, который можно пройти за две-три минуты. Неспроста в цитадели введены эти особые строгости. Охрана испугана. Недавно готовился побег Станислава Куницкого — одного из вождей партии «Пролетариат»¹. Правда, побег не удался: выдал предателя.

Станислава Куницкого казнили, а почти все, кто хотел его спасти, сами сидят в этом замке. Среди них и Михаил Войнич. Его арестовали, когда ему еще не было и двадцати лет.

Он вспоминает лисью морду следователя. На одном из допросов, стараясь приятно улыбаться, тот как бы между прочим заметил:

— Жаль мне вас, молодой человек. Организм у вас еще не окрепший. К нашим каменным мешкам не приспособленный. Так что, если почувствуете себя плохо, учтите: в вашей власти изменить свой режим...

Следователю очень уж хотелось добиться от него показаний. Жандармы догадывались, что не случайно в течение четырех лет Михаил Войнич переезжал с места на место, работал в Ковно, Минске, Вильно, Варшаве. Они догадывались, что Войнич был связан с местными организациями партии, и поэтому чаще других вызывали его по ночам на допросы. Но Михаил молчал. Молчал и тогда, когда тяжело заболел: он стал кашлять кровью.

Жандармам явно не хватало улик. Первый судебный процесс над «пролетариатцами», проведенный в конце 1885 года с грубейшими нарушениями правовых норм, вызвал возмущение прогрессивной общественности Польши и России. Теперь царские сатрапы боялись, что новый процесс может вызвать нежелательный резонанс в странах Европы. Поэтому суд над Михаилом Войничем и его товарищами так и не состоялся.

Весной 1887 года в камеру к Михаилу Войничу вошел надзиратель с солдатами.

— Собирайся!

На мгновение холодок пробежал по спине Михаила. Куда? Зачем? Но он быстро взял себя в руки, не торопясь собрал пожитки, вышел в коридор. Солдаты повели его в канцелярию тюрьмы. Здесь он встретился с другими товарищами. Всего их оказалось сорок семь. Под усиленным конвоем их вывезли из цитадели, погрузили в тюремные вагоны...

Только в Москве стало известно: все они «по высочайшему повелению» ссылаются на разные сроки в далекую Сибирь. Полгода продолжался тяжелый путь.

Наконец в первых числах нового, 1888 года Михаил Войнич был доставлен в село Тунка Иркутского округа Восточно-Сибирского генерал-губернаторства.

С первых же дней пребывания в этом «забытом богом и людьми» прибайкальском селе Войничу удалось установить связь со многими политическими ссыльными. Втайне они начали совместно готовить издание «Журнала политической ссылки».

---

¹ «Пролетариат» — первая политическая партия польского пролетариата.

Журнал должен был, по мысли авторов, объединить силы ссыльных, наметить пути работы среди местного населения. Удалось выпустить первый номер. На гектографе его отпечатали в городе Туринске Тобольской губернии. Но когда несколько экземпляров пересылали Михаилу Войничу, произошло непредвиденное. От небрежного обращения почтовых работников посылка развалилась. «Крамольный» груз попал в лапы жандармов. На все вопросы жандармского офицера Михаил Войнич отвечал односложно:

— Не знаю.

Начальник губернского жандармского управления полковник фон Лотт приказал учредить за Войничем строгий полицейский надзор. После этого происшествия трудно было думать об активной деятельности. Молодой, по природе своей очень энергичный, Войнич тяжело переживал это вынужденное безделье. Должно быть, тогда и появилась мысль о побеге.

Со всех сторон село обступала дремучая, непроходимая тайга, высокие отроги Хамар-Дабана. Слово сама природа взялась надежно сторожить ссыльных революционеров. Вот если бы, например, оказаться в Иркутске, тогда другое дело. Там можно было бы достать документы, деньги...

Но как попасть в Иркутск? От других ссыльных Михаил уже знал, что всякие прошения об изменении места ссылки, как правило, «остаются без последствий».

Однажды он разговорился на эту тему с местным заседателем (административное лицо, осуществлявшее, в частности, наблюдение за ссыльными).

— Вот если бы медведь подрал, — говорил тот, — так тогда, пожалуй, разрешили бы отвезти вас в Иркутск, в больницу. «Если бы медведь подрал... А что, если?..»

Родился смелый план. 24 января 1889 года Михаил Войнич выстрелом из револьвера прострелил себе грудь. Медик, он хорошо знал анатомию. Рана была легкая, неопасная, но она давала ему право требовать отправки в иркутскую больницу.

Разрешение было получено. 30 марта генерал-губернатору доносили, что Войнич «отправлен в Кузнецкую гражданскую больницу на излечение, но там принят не был, так как старший врач Асташевский отзывался, что Войнич одержим бронхитом и повышенной возбудимостью нервной системы, от какового состояния он может быть лечим как приходящий больной, что же касается раны, нанесенной им себе из револьвера, то она зажила, и лечение уже не требуется. Вследствие этого Войнич временно помещен на квартире в гостинице Деко, и за ним учрежден строгий полицейский надзор».

В Иркутске Войнич устанавливает связь с колонией политических ссыльных. Там существовала подпольная организация, помогавшая устраивать побег. Она взялась и за подготовку побега Михаила. Но, чтобы этот побег удался, Войничу нужно было во что бы то ни стало на несколько месяцев задержаться в Иркутске и усыпить бдительность жандармов.

В конце концов и то и другое удалось.

Михаил Войнич получил разрешение на работу в одной из аптек города. Проезжавший в это время через Иркутск

И. И. Попов в своей книге «Минувшее и пережитое» вспоминал: «...я познакомился с провизором Войничем, служившим в аптеке. Он спал и видел, как бы бежать из ссылки в Англию...»

Войнич разыгрывает из себя человека, страшно обеспокоенного состоянием своего здоровья. Он засыпает губернатора всевозможными заявлениями и прошениями. Правда, все они остаются «без последствий», но, как видно, губернатору изрядно надоел беспокойный ссылный. И когда тот представил свидетельство доктора медицины Жаботинского о необходимости его, Михаила Войнича, пребывания в течение летних месяцев вне города для излечения от болезни, то это ходатайство было удовлетворено. 22 июня 1890 года Михаил Войнич выбыл из Иркутска якобы в Балаганск. На самом деле он уже мчался в это время на лошадях в другую сторону.

Побег был обнаружен не сразу. Хотя Войнич официально выехал из Иркутска 22 июня, но балаганскому исправнику послали сообщение об этом только 4 июля. Через 9 дней последний донес, что Войнич на место еще не прибыл. Лишь 20 июля губернатор приказал исправнику проверить, и только 27-го, то есть более чем через месяц, генерал-губернатору донесли, что «политический ссылный Михаил Войнич бежал».

Немедленно были объявлены розыски. Жандармы размножили фотографию, во все концы разослали депеши с приметами Войнича. Вот портрет Войнича в описании жандармов: «лета —

25, росту — 2 ар. 6/8 вер.; волосы на голове, бровях, усах и бороде темные, глаза серые; нос обыкновенный, лицо продолговатое, лоб высокий, носит очки. Особых примет нет».

Но Михаил Войнич был уже далеко...

В беседе с Е. А. Таратута Этель Лириан Войнич вспоминала: «Бежав из Сибири в 1890 году, он, наконец, достиг Гамбурга, не имея никаких средств. В это время между Германией и царским правительством был договор о выдаче преступников. Поэтому Войнич скрывался в доках, прячась в штабелях досок. Питался он лишь скудными крохами, которые ему удавалось достать, ожидая, пока одно небольшое судно, груженное фруктами, будет готово отплыть в Лондон. Продав все, что у него еще оставалось, включая жилет и очки, он едва набрал денег, чтобы оплатить билет третьего класса, купить селедку и немного хлеба.

После долгого и бурного плавания, во время которого судно было отнесено к скандинавскому берегу и потеряло свой груз, он, наконец, прибыл в лондонские доки без копейки денег, кишасший паразитами, полуодетый, голодный.

Это было вечером 5 октября 1890 года.

Не зная английского языка, он шел по Торговой улице, протягивая прохожим клочок бумаги с единственным лондонским адресом, который у него был, — адресом Степняка. Наконец к нему подошел студент-еврей, который подрабатывал на табачной фабрике в трущобе, где ютились иностранцы, неподалеку от доков, и спросил по-русски: «Вы имеете вид политического. Вы из Сибири?»

Этот студент и проводил его к дому Степняка.

Как раз в этот вечер Степняк ожидал другого эмигранта, и его жена, сестра жены, я и, кажется, Феликс Волховский — все были там, когда прибыл незнакомец из доков.

— Вот еще один! — сказал Степняк, объясняя нам, что это не тот эмигрант, которого мы ждали.

Позднее, вечером, когда Войнич помылся и переоделся в чистое чужое и нескладно сидевшее на нем платье, он обернулся ко мне и спросил по-русски:

— Не мог ли я видеть вас раньше? Вы не были в Варшаве на пасху в 1887 году?

— Да, — ответила я. — Я направлялась в Петербург.

— Вы стояли в сквере и глядели на цитадель?

Когда я снова ответила «да», он сказал мне, что был узником этой самой цитадели и в тот день он оттуда видел меня...»

Такова трудная, но интересная судьба революционера Михаила Войнича, человека, которого полюбила и с кем связала свою жизнь девушка Лили Буль, в будущем писательница Этель Лириан Войнич.

**А. МЕЩЕРСКИЙ, начальник
Государственного архива
Иркутской области;**

Л. БОГДАНОВ, журналист

Светлой памяти мужа и друга
Василия Васильевича Полетаева.

Т. ТИХОВА

Рисунки П. Павлинова

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Наконец-то потомственный старатель Нефедов — и деды его и прадеды «баловались» золотишком на Удалом да на Казовских приисках в Забайкалье — добрался до подходящего, «хального» золота. Несмотря на годы, он чувствовал в себе молодые силы и «щучий жор» фартового старателя.

Настроение Ивана Ивановича невольно передалось геологам,

...Четыре месяца участники Тутуканской геологической экспедиции находились в глухой эвенкийской тайге. Неудачи находили их. Сперва крушение плота. Потом болезнь Наташи. Время вышло, и их уже искали.

Пока что они решили выбираться своими силами, но... сердце не камень. То неслышанно богатые руды, а теперь золотоносная россыпь. Может быть, лучше сделать остановку? Ведь для самолета, если их найдут, расстояние в несколько пеших переходов роли не играет.

Но как добраться до золота, скрытого под тихой речкой Безымянной? Решили применить единственно доступный им, но опасный способ разведки: проходку ледяных труб-шурфов.

Только еще начинала сбрасывать покрывало предрассветной синевы тайга, как все трое приходили на реку. Мужчины рубили сухостой, девушка разжигала костер. Поверх дров она клала валуны, потом сушняк. Когда камни раскалялись, Прилежаев, начальник экспедиции, с Нефедовым уносили их на смазанных глиной носилках. Они раскладывали горячие валуны правильным прямоугольником там, где намечалась проходка ледяной трубы-шурфа. Потом снова бежали к кострам, рубили сушняк, помогали Наташе укладывать тяжелые валуны в огонь и, непременно нагрузив носилки каленым булыжником, тащили их к следующему шурфу.

Едва от прикрытых хвоей валунов переставал подниматься белесый парок, они складывали мокрые камни на носилки, вычерпывали воду, а груз относили снова к кострам. Когда сквозь лед на дне ямы можно было разглядеть воду реки, шурф-трубу бросали для проморозки: ночами холода стояли лютые.

— А не проще было бы, — спросила как-то закопченная Наташа, — вырубать лед?..

— Что ты, октись, доченька! — испугался Иван Иванович. — Разве можно? Трещинка с волосок, а вмиг шурф затопит...

По всей реке геологи разбили пятнадцать шурфов: по три в каждой из пяти поперечных линий. От очередной порции каленых валунов яма во льду углублялась всего на десять-пятнадцать сантиметров.

Времени не хватало. Обуянные азартом, золотоискатели стали и утром и вечером работать по несколько часов в темноте. Через пять дней почти все ледяные трубы дошли до дна реки. Теперь надо было добраться до подошвы подводной россыпи, ее плотика, где скапливаются самые тяжелые минералы, в том числе и золото.

Самодельный ворот с натужным, старческим кряхтением выдал на-гора остывшие камни и оттаявшие пески.

Наташе прибавилось работы: наладив костры, она отвозила домой санки с пробами донных песков и промывала их... Хотя еще нигде не добрались до плотика, но и сверху содержание золота было высоким: пять-семь граммов на тонну.

Через два дня случилось знаменательное событие: шурф номер шесть дошел до плотика — ребристых полуразрушенных сланцев. Пока Нефедов вытаскивал наверх ведро с породой, Прилежаев присел на дно. Только сейчас он понял всю странность окружающей обстановки. Далеко вверху на ясном небе,

казавшемся из ледяной ямы глубоким и матовым, слабо проступали бледные дневные звезды. Сквозь сине-зеленую толщу льда смутно мелькали какие-то тени: проплывали рыбы. Зазубрины стен отблескивали изумрудом и переливчатым опалом.

«Пошуровать, что ли, на счастье?» — подумал геолог, пробега пальцами по забытым песками ребрам сланцев. Вдруг его заглубившие пальцы нащупали что-то очень холодное и как будто маслянистое.

«Металл!» Очищая плоский, вроде крупного боба, льдистый комочек от влажной глины, Андрей Николаевич поднес его близко к глазам — на дне шурфа было темновато, — это оказался самородок, первый золотой самородок в его жизни! На округленных углах сквозь бурую рубашку окислов золото светилось тем мягким блеском, какого не знает ни один другой металл или минерал. Тяжело и глухо стукнуло сердце, даже голова слегка закружилась...

Вечером промыли всю породу с плотика. Кроме первого самородка — он весил пятнадцать с половиной граммов, — на дне лотка оказалось еще два, маленьких, и изрядная щепотка золотого песка.

— Под-хо-дять! — удовлетворенно протянул Иван Иванович, принимаясь с особым азартом крошить мороженую медвежатину.

Наташа, просушив драгоценный металл на горячей плите, взвесила его и взялась за подсчеты.

— Сколько? Чего долго копаешься? Скоро ли? — то и дело, изнывая от нетерпения, допытывался Нефедов.

Хотя начальник прятал добродушную усмешку в дремучей каштановой бороде, но и в его глазах светилось горячее любопытство.

— Сорок три грамма золота на тонну! — наконец задорно выкрикнула девушка.

Нефедов даже присвистнул.

— Да правда ли, доченька? Такого и на Незаметном не бывало. Не обсчиталась ли? — в голосе Ивана Ивановича слышались и радость и сомнение.

— Что вы, дядя Ваня! — уверенно прозвучал ответ. — Среднее по четырем пробам. Пять раз проверила! А самородки я выбросила из подсчета!

— Пошто? — крикнул Нефедов, раздражаясь.

— Правильно сделала, — вмешался Прилежаев решительно. — А если они случайные? Тогда как?

— А ежели повсюду? — подступил Иван Иванович к геологам, словно говоря: «Как же вы, ученые, а такого пустяка не понимаете?»

— Подумаешь, забота! — схватил Андрей Николаевич отбивавшегося Нефедова в охапку. — Приплюсуем граммы за счет самородков, и все! — Он закружил старика по зимовью, напевая густым басом:

Приплюсуем, вот и все,
Будет целых пятьдесят!

— Ура! Пировать! — крикнула Наташа восторженно. — Сего-

дня ужин варим с солью! С солью, с солью! С солью, с солью! — подхватила она ритм вальса.

Лоб Ивана Ивановича был еще стяннут глубокими складками, но усы дрогнули: вот-вот поползут кверху...

В этот вечер геологи совсем забыли о беспощадных стихиях, которые могли шутя стереть их с лица земли. Даже постоянная настроженность Нефедова — он всегда чувствовал ответственность за благополучие своих «ребят-несмышленишей» — и та испарилась.

— Уже теперь мы можем утверждать, — уверенно говорил Андрей Николаевич за ужином, — что Безымянный — богатейшая россыпь!

— По одному-то шурфу? — усмехнувшись, вскинул колючие глаза Иван Иванович. — Неужто не слыхивал про золотые струи?

— Ниткой она, что ли, потянется? — буркнул Прилежаев.

— Не ниткой, а косицей! Я так понимаю, — строго взглянул он на Андрея Николаевича, — хоть десятком шурфов на плотик шесть надо. Тогда видно будет, что к чему. Да и морозы спадают маленько — легче идти будет! — не совсем уверенно добавил старик. Было видно, что у него другое на уме.

— И сейчас ясно, что россыпь богатая, — вмешалась Наташа, — знаете, какой теперь нижний предел для драги?

— Меньше грамма на тонну, какие-то доли, — отозвался Андрей Николаевич, — а у нас и поверху больше пяти.

— Нет, вы представляете себе, — сверкнула глазами Наташа, — если наша россыпь такая богатая, каким же должно быть коренное месторождение? Вы посмотрите, — Наташа рисовала пальцем на столе план, — вот речка Безымянная (это название укрепились за притоком с золотоносной россыпью). — Золота по ней только в верховьях нет. Значит, — она задорно взглянула на дядю Ваню, — коренные жилы где-то на северном склоне гольца залегают!

— Или были? — скептически вставил Иван Иванович. — Может, золото целиком в россыпь ушло?

Прилежаев насупил брови: эта неприятная мысль не пришла ему в голову.

— А я думаю, что есть! — забарабанив кулачками по столу, уверенно крикнула Наташа. — Северный склон затаежен, там очень глубокие наносы...

— Раньше россыпь надо разведать! — с тихим упорством настаивал Иван Иванович. — На все сто процентов!

— Доразведем или нет: это теперь в руках, то бишь в лапах, Кривого, — и он кивнул в угол на больного пса. — Шутка ли? Ведь рысь едва не от морды до хвоста его распорол! Сам, бывало, нас подкармливал, а теперь нахлебником стал. — За улыбой начальника угадывалась трезога.

— Есть еще порох в пороховницах: полмедведя и два волка! — не вполне уверенно успокаивал Иван Иванович. — Бывало, мы на Лене и Олексе старались. Почитай, что одной жареной водичей кормились, и то не бросали!

— Никуда россыпь не сбежит! — возразил Андрей Николаевич строго. — Пройдем десять шурфов, и хватит для предварительной оценки! Иначе мы рискуем упустить время, а это смерти подобно.

Но всегда благоразумный Нефедов на этот раз словно с цепи сорвался.

— А честь-то какая! — сверкнули из-под нависших бровей колючие зрачки. — Спросят ведь: «А что вы там столько времени делали?» Если закончим шурфовку, не придется нам глазами моргать. Ответим по-хорошему: «Так, мол, и так: не только мышьяковые жилы да протчее, а россыпь золотую развели — получайте!»

Наташу захватил азарт Нефедова; душа вздыбилась от нетерпеливого волнения...

— Верно! Правильно! — подскочив, она схватила промывальный лоток. — На золотом блюде! — протянула театральным жестом грубую деревянную посудину.

Хмуро улыбнувшись, Андрей Николаевич только головой покачал. Затем подошел к оконцу. Заслонив с боков глаза согнутыми ладонями, он долго вглядывался в смоляную темень. Усмехаясь, Иван Иванович следил за начальником. Вот по щеке пари Андрея пробежала легкая судорога...

«Сдался!» — подмигнул Нефедов в сторону Наташи.

Мысль о большой первооткрывательской премии меньше всего волновала таежников. Ими владело волнение, в котором неразрывно слились любознательность рудознатцев-исследователей, горячая забота о Родине и самозабвенный спортивный азарт.

* * *

Все, решительно все помогало охваченным золотой лихорадкой людям в выполнении их рискованного плана.

Погода установилась великолепная. Сильные ночные морозы сохраняли ледяные шурфы крепкими, словно литое стекло. Дни стояли холодные, но яркие, солнечные, безветренные. Хотя до весны было далеко, богатство нежнейших оттенков в тайге и теплой, с прозеленью синевы в небе предвещало ее приближение. Молодые березы казались окутанными розоватым туманом, а хвоя блестела густо-оливковыми, торжественными тонами. Тени стали совсем васильковыми, а на снег было больно смотреть. Чтобы защитить глаза, Нефедов смастерил большие козырьки из бересты. По краю он пришил завесы из остатков своего кумачового пояса. Но Андрей Николаевич отказался носить козырек.

До того как Иван Иванович убил медведя, Прилежаева непрерывно терзал голод. Порою ему казалось, что он съел бы вместе с рогами и копытами самого черта. Теперь есть хотелось меньше, зато стали мучить рези в животе: и на нем казалось солевое голодание. Наташа и Нефедов тоже жаловались на боли. Вскоре в аптечке не осталось желудочных лекарств. Но они не обращали внимания на свои болезни. «Скорее, скорее, скорее!» — не щадя себя, работали они на реке с утра до поздней ночи.

Уже девятью шурфами достигли разведчики плотика — все пробы оказались богатыми, — когда Иван Иванович заметил, что у пари Андрея порозовели белки.

— Побереги глаза-то!

— А что им делается? — с неизменной самонадеянностью

«безнадежно» здорового человека ответил Прилежаев. — Я и на горах снеговых очков не нашивал!

Зная упрямство начальника, Нефедов не настаивал. Кстати, и погода изменилась. Влажный ветер пригнал тяжелые тучи с сизыми донцами. Перестало показываться солнце. День за днем спадали крепкие морозы.

— До ростепели еще далече! — с тревогой говорил Иван Иванович. — А все же поторапливаться надобно!

Ледяные трубы оставшихся шурфов обрастали новыми слоями льда так медленно, что на реке зачастую нечего было делать. Нефедова это огорчало, но в какой-то степени и радовало: перед зимовьем скопились желтовато-бурыми рядами непромытые пробы. Чуть не круглые сутки пылал теперь костер: грелась вода для промывки. Подсчеты содержания золота делали прямо на снегу.

Первый пыл золотой лихорадки с Ивана Ивановича соскочил: он стал опять думать о житейских делах, соображать, как и что.

Кривой, понятно, подвел. Прошло уже больше месяца после того, как ему зашили живот, а пес все еще полеживал на подстилке из хвои.

Проверив остатки продовольствия, Нефедов решил, что они могут еще с неделю проработать на россыпи — волчатина выручит! На дорогу у него припрятана в уголке лабаза еда получше...

Одно крепко тревожило старика — состояние Прилежаева. Если прежде, только открыв глаза, он совал босые ноги в заплатанные меховые сапоги — торбаса и, голый до пояса, выскакивал для зарядки на мороз, то последние дни Ивану Ивановичу приходилось будить его по несколько раз. И зарядку стал пропус-

кать: тогда он — и на шурфовке и дома на промывке проб — ежился от холода, а движения его делались совсем расслабленными. Даже взгляд Андрея Николаевича потускнел. Все свободное время он молча лежал на нарах, подложив сцепленные пальцы рук под голову.

Скажет ему Нефедов: «Пойдем на реку!» или «Айда пробы мыть!» — откроет он глаза, с трудом скинет исхудавшие ноги с нар и покорно поплетется за дядей Ваней. Теперь он не говорил больше: «Как хорошо, что наши желудки перезаривают камни и ржавые гвозди».

Иван Иванович безуспешно ломал голову, стараясь понять, что такое приключилось с парей Андреем? Нефедов знал все каверзы таежной зимы. Скоро придется ей, трусливо поджав хвост, убежать от весны на далекий север. Она мстит, приберегая напоследок свои самые злые и неожиданные пакости. Конечно, и он сам и Наташа очень исхудали, ослабли от непосильной работы и животами маются, а все же не то! Уж не цинга ли? Он стал еще внимательнее приглядываться к Андрею Николаевичу, но никаких признаков страшной болезни не заметил: и зубы не шатаются и синеватых точек на теле незаметно. Теперь дядя Ваня заставлял всех раз по шесть в день пить «лимпопо». Так прозвали геологи довольно гнусное пойло: смесь противоцинготного настоя из хвойных игл с водой из минерализованного источника «чудо-ключ».

Несколько глотков напитка подбадривали измученных людей, но действие его на Андрея Николаевича оказывалось кратковременным.

...За десять дней хмурой погоды удалось довести до плотика еще три шурфа. Зато все пробы — и старые и новые — были промыты. Геологи высчитали по ним среднее содержание золота. Полученные данные они тщательно записали на бересте.

— Все в «ажуре», как в хорошей бухгалтерии! Скоро можно будет запасы подсчитывать, — от улыбки высохшие, потрескавшиеся губы Наташи плотно облепили десны. Иван Ивановича больно кольнуло в сердце.

«Ничего! Деньков через пять в путь-дорогу тронемся! Харча хватит», — успокаивал он себя.

* * *

В этот яркий морозный день все трое работали «на рысях». Через день-два они отправятся вверх по реке...

Только Андрей Николаевич — сегодня и он не чувствовал привычной усталости — частенько потирал покрасневшие глаза. «От дыма щиплет», — думал он.

— К ночи надобно все прикончить, — бросил на ходу Иван Иванович, — буран поднимается! Вишь, над гольцом курится.

Он тащил вместе с парей Андреем санки с каленым камнем к последнему шурфу.

Наташа колдовала у костра: подбрасывала сушняк, подправляла валуны. Взглянув на реку, она заметила, что шурфовщики исцезли в двух смежных трубах. Чтобы ускорить исследование месторождения, они работали сегодня порознь, привязавшись сыромятными ремнями к вплавленным в лед ломам.

Вдруг девушка услышала на реке скрежещущий треск.

«Подземный толчок», — догадалась она и бросилась к шурфам, разбрызгивая ногами воду, хлынувшую по трещинам на лед.

На бегу заглянула в ближайшую ледяную яму: она быстро затоплялась. В это время из соседнего шурфа выбрался весь мокрый Иван Иванович и, не замечая Наташи, бросился к ледяной трубе, где работал Прилежаев. Упершись ногами в лом, он изо всех сил тянул за ремень. Но он не подался даже тогда, когда за него ухватилась и Наташа.

— Зацепился! — крикнул Неведов страшным голосом. Он наклонился над быстро наполнявшимся шурфом: пари Андрея не было видно, одна шапка всплыла.

Мгновенно скинув дошку, девушка нырнула вниз головой в ледяную воду, скользая пальцами по мокрому ремню. Под руку Наташи попался крюк — только этим утром Андрей Николаевич вморозил его в стену, — за него и зацепился ремень.

Нырнув еще глубже, она нащупала длинные волосы.

Через минуту все трое уже обсыхали у костра...

* * *

После ледяного купанья никто даже не простудился: жарко натопленное зимовье, горячая лежанка и лекарства сделали свое дело.

Но зато приключилась другая беда: Андрей Николаевич неожиданно почувствовал острое жжение в глазах.

«Неужели конъюнктивит? — ужаснулся он. — Если не лечить — слепота!»

В аптечке Наташа ничего подходящего не нашла. Одно спасение — сидеть в темноте! Медвежьим пологом сгородили угол Андрея Николаевича. Но и это не помогло: боль не торопясь вонзала зубы в воспалившиеся глаза, а рези в животе усилились: подчас он еле удерживал стоны.

Чем меньше оставалось у Прилежаева надежды на спасение, тем чаще и настойчивее думал он о жене.

На рабфаке он избегал девушек: не мог, да и не пытался найти с ними общий язык. И вот он увидел Валю Тагилову — высокую, со светлыми волосами, на редкость молчаливую и сдержанную. Но Андрею запомнились только глаза: большие, серые и очень строгие... Ему показалось, словно его толкнули в грудь. Совсем новое чувство! Ни восторг, ни печаль, а нечто особенное, непостижимое — миг избрания. Но сказать о своем чувстве он не мог... Видеть Валю хотя бы издали стало для него большим счастьем; Андрей был полон смиренной благодарности человека, который истинно любит...

Они окончили рабфак, перешли в институт. Он все больше привязывался к Валюше, ясно понимая, что она та единственная, без которой немыслима жизнь...

Они поженились, и вот уже скоро семнадцать лет, как они вместе и в радости и в горе.

Неужели они никогда больше не увидятся?

Еще труднее становилось Прилежаеву от черных дум, которые неотступно, словно гнус таежный, преследовали его и днем и ночью. Разве ему, слепому, добраться теперь до Байкита? А ослабевшим дяде Ване и Наташе не под силу его тащить. Подчас он скрипел зубами: все их труды и муки пропадут даром. И Валюша останется вдовой, одна!..

Чтобы поддержать Прилежаева, Иван Иванович и Наташа стали подкармливать больного: подавали двойную порцию в его темный угол. А чтобы он не догадался, сами ели медленно и долго постукивали ложками по опустевшим чашкам.

Иван Иванович помрачнел и крепко задумался. Ко времени затопления шурфов подводная россыпь оказалась почти разведенной. Богатое золото по всей речке, до самого рогатого кэдра тянется. Хоть завтра привози и собирай драгу. Все бы хорошо, но самое главное — время, время они упустили!

— Оплошал старый леший, дьявол чугунный! Изредка и думать не грех! — ругал он себя. — Давно надо было ноги уносить. Правду говорил паря Андрей, что куда россыпь не девается. Дотянули с «хальным»-то золотом до того, что из харча одна вонючая волчатина осталась, да и той кот наплакал!

Промучившись ночь без сна, Иван Иванович решил попытаться уговорить Наташу на трудное путешествие по реке до фактории.

Они втаскивали на сани последние пробы по крутой Северной пади. Особенно яркий после бурана солнечный свет сыпался сквозь темную хвою. Казалось, что на синем снегу лежат сверкающие осколки желтовато-зеленого берилла...

— Умаялся, — признался, усаживаясь на пень, Нефедов. — Слыхала ты про геолога Юхтанова? — повернул он прокуренные усы к Наташе.

Она стала припоминать:

— Смутно... Какая-то тяжелая история... На Колыме, кажется?

— На Имтандже в Якутии то было, — показал Нефедов большим пальцем куда-то на северо-восток. — Работы зимой мало случилось. Народ, понятно, кто во что горазд: на охоту ходили, карты чертили, а кто, носами в книжину уткнувшись, посиживал да полеживал...

«Книги! Увижу ли их когда-нибудь?» — ужаснулась Наташа.

— А Юхтанов, — продолжал между тем Иван Иванович, — во-

все делом попустился. Чтобы о зиме и помину не было, избу изнутри всю ситцами обил — по зеленому полю цветы, да все разные — и заперся. Когда через неделю дверь его взломали, он уже не в себе был. От мыслей все... С тех пор и в уме повредился. Как бы с парей Андреем чего не попритчилось, — глухой голос упал до шепота. — У него теперь душа сильнее глаз болит...

Старик замолчал.

— Знаешь что, доченька, — Иван Иванович испытующе заглянул в исхудавшее лицо, — двинем-ка мы теперь же до жилухи! Девушка испуганно отшатнулась.

— Не дойдем!

Старик прочитал растерянность в карих, с золотыми искорками глазах.

— Доберемся!

В голосе дяди Вани была такая уверенность, что Наташа сдалась.

Снова впрягшись в санки, они принялись обсуждать предстоящие сборы. Говорили короткими, отрывистыми фразами: дыхание перехватывало от тяжелого груза.

— Мне еще... два дня... надо, — с хрипом выдохнув, Наташа набрала полную грудь морозного воздуха.

Поднатужившись, они вытянули сани на бугор.

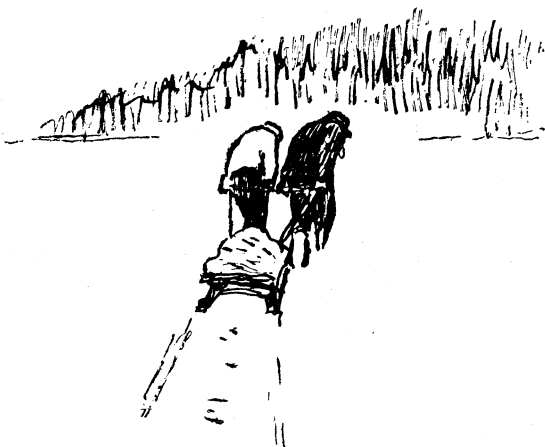
— Пошто?

— Копии снять... на чердак запрятать. Мало ли что может случиться? — объяснила она серьезно.

— Дельно! — одобрил, отирая лоб, Иван Иванович.

Погрозив затем сжатым кулаком в пространство, он добавил решительно:

— Врешь, беззубая, подавишься! Выдюжим!

Рисунки Н. Гришина

VI. СИЛА ПРОТИВ НАСИЛИЯ

Двенадцать добровольцев ходили на разведку к замку и были встречены очередью двадцатимиллиметрового пулемета. В доказательство они принесли неразорвавшуюся пулю.

— Теперь вам ясно? — спросил Луи Морьер, подбрасывая ее на ладони. — Оружие у этих каналов гораздо лучше нашего. Против таких штук у нас только ружья для охоты на кроликов да еще мегафон для убеждения... Единственное серьезное оружие — это винчестер папаши Бору.

Продолжение. Начало в «Искателе» № 4.

— И два автомата, — добавил я.
— Для ближнего боя. А драка предстоит серьезная.
— Мерзавцы! Неужели они посмеют?..
— Посмеют, старина, посмеют! Нас около пятидесяти, и вооружены мы чем попало, а у них человек шестьдесят. Вот если бы Констан был здесь!..

— Кто это?

— Инженер Констан, специалист по ракетам. Наш завод производил их. Мы наштамповали целый склад корпусов, но ведь это просто металлические трубы, без зарядов. В лаборатории есть все, что нужно для начинки, но химиков-то нет!

Я схватил Луи за плечи и завертел вокруг себя, приплясывая от восторга.

— Луи, старина, мы спасены! Ведь мой дядя — майор артиллерии запаса!

— Ну и что? Пушек-то не найдешь.

— И не надо! Последние годы он служил в ракетных частях и хорошо разбирается в таких вещах. Если химические вещества действительно сохранились, дядя с Бёвэном справятся.

— Пожалуй. Но на это уйдет дней десять-пятнадцать. А тем временем...

— А тем временем надо чем-нибудь развлечь этих сеньоров из замка. Погоди-ка!

Я помчался в госпиталь, где еще отлеживались Бреффор и мой брат.

— Послушай, Поль, ты сможешь построить римскую катапульту?

— Конечно. Но для чего?

— Чтобы обстреливать замок. На сколько она бьет?

— О, все зависит от веса снаряда. В общем от тридцати до ста метров. Хватит?

— Хватит! Делай чертеж.

Вернувшись к Луи и Мишелю, я изложил свой план.

— Неплохо, — ободрил Луи. — Но пулемет бьет куда дальше!

— Возле замка есть ложбина, к которой можно подъехать по боковой дороге. Там и надо установить катапульту.

— Если я правильно понял, ты хочешь метать в них самодельные бомбы, начиненные железным ломом, — вмешался Мишель. — Но где ты возьмешь взрывчатку?

— В каменоломне осталось килограммов триста динамита, его завезли перед самой катастрофой, — сказал Луи.

— Ну, с этим замка не захватишь, — покачал головой Мишель.

— А мы и не собираемся. Пусть думают, что мы зря тратим силы и боеприпасы. Главное — выиграть время, чтобы успеть начинить ракеты.

По приказу Совета Бёвэн направил патрули прощупать вражескую оборону. После этого приступили к сооружению катапульты: сколотили раму, выточили ложку и попробовали метнуть несколько камней. Дальность боя оказалась удовлетворительной, и мы построили еще два таких же допотопных орудия.

Вскоре наша маленькая армия во главе с Бёвэном выступила в поход на замок.

Первая неделя прошла в незначительных стычках. Все это время на заводе кипела лихорадочная работа. На девятый день мы с Мишелем приехали на позиции.

— Ну как, готово? — спросил Бёвэн.

— Первые ракеты придут завтра, — ответил я.

— Наконец-то! Признаюсь, нам здесь было не очень спокойно. Если бы они вздумали сделать вылазку...

Мы прошли на аванпост.

— Не высовывайтесь, — предупредил нас папаша Борю. — За гребнем все простреливается пулеметами. Если не ошибся, их там штуки четыре.

— Что с другой стороны замка?

— Они укрепили его кругом. Там завалы из деревьев.

Ползком мы добрались до гребня. Его обстреливал двадцатимиллиметровый пулемет.

— Этот можно, пожалуй, подавить, — заметил Мишель.

— Наверное. Только атаковать не стоит, пока нет ракет.

В назначенный час из деревни прибыли на грузовике мой дядя, Бреффор и Этранж и принялись сгружать многочисленные ящики.

— Гранаты, — коротко пояснил Этранж.

Это были обрезки чугунных труб, начиненных взрывчаткой с детонаторами.

— А вот ракеты, — сказал дядя. — Мы их испытали. Дальность — три с половиной километра; точность боя достаточная. В головках — чугунные обломки и заряд взрывчатки. Сейчас подойдет грузовик с направляющими устройствами.

— Ха-ха! — потирал руки Бёвэн. — Наша артиллерия пополняется!

В этот момент в ложину скатился один из добровольцев.

— Они машут белым флагом!

Со стороны противника, размахивая носовым платком, шел человек. Папаша Борю встретил его на ничейной земле и отконвоировал к командиру. Это оказался Шарль Хоннегер собственной персоной.

— Что вам угодно? — спросил Бёвэн.

— Я хочу говорить с вашими главарями.

— Перед вами четыре «главаря».

— Мы против бесполезного кровопролития. Предлагаем следующее: распустите Совет, сложите оружие и передайте власть нам. Тогда вам ничего не будет.

— Ну ясно, вы просто превратите нас в рабов, — ответил я. — Вот наши предложения: возвратите похищенных девушек и сдайтесь. Ваших людей мы возьмем под наблюдение, а зачинщиков посадим до суда в тюрьму.

— Наглости у вас хоть отбавляй! Посмотрим, что вы сделаете с вашими охотничьими хлопущками.

— Предупреждаю, — вмешался Мишель, — если у нас будет убит хоть один человек, мы вас повесим.

— Постараюсь не забыть!

— Раз вы не желаете сдать, — сказал я, — поместите похищенных девушек, вашу сестру и мадемуазель Дюшер для безопасности вон на ту скалу.

— Ничего не выйдет! Ни Мад, ни сестра ничего не боятся,

а на остальных плевать. Если их убьют, после победы найдутся другие. Хотя бы Мартина Соваж.

В ту же секунду негодяй шлепнулся на землю с разбитой физиономией: Мишель оказался быстрее меня.

Шарль Хоннегер поднялся, бледный от ярости.

— Вы ударили парламентаря, — прошипел он.

— Сволочь ты, а не парламентар. Убирайся, куда цел!

Едва Хоннегер скрылся за гребнем, в лощину въехал второй грузовик, и мы быстро установили направляющие для запуска ракет.

— Через десять минут начнем обстрел, — сказал Бёвэн. — Жаль только, что у нас нет наблюдательного пункта.

— А вон тот холм? — спросил я, показывая на крутую возвышенность, поднимающуюся позади наших линий.

— Он простреливается.

— Но зато оттуда будет виден даже замок! Зрение у меня отличное, и я возьму с собой телефон.

— Я с тобой, — сказал Мишель.

Мы полезли вверх, разматывая на ходу телефонный провод, но не успели добраться и до половины подъема, как послышались резкие щелчки и полетели осколки камней: нас заметили. Прижимаясь к скале, мы обогнули вершину и начали пробираться дальше по противоположному склону.

Сверху вражеские линии открылись как на ладони. От выдвинутого вперед небольшого дота с тяжелым пулеметом к тылам шла глубокая траншея. По флангам были разбросаны гнезда автоматчиков и одиночные окопы, в которых шевелились люди.

— Портной говорил, что здесь человек пятьдесят-шестьдесят, но, судя по линиям укреплений, больше, — заметил Мишель.

На расстоянии около километра по прямой на склоне горы была ясно видна поляна с замком посредине.

Запищал телефон.

— Алло! Алло! Через минуту открываем огонь по замку. Наблюдайте! — приказал Бёвэн.

Я бросил взгляд на наши позиции: половина добровольцев, развернувшись цепью, залегла под самым гребнем лощины; остальные суетились вокруг катапульта и ракетных установок.

Ровно в 8.30 шесть огненных струй вырвались из лощины и взлетели высоко в небо, оставляя за собой дымные хвосты. Потом след оборвался: ракеты израсходовали горючее. На парковой лужайке перед замком засверкали вспышки. Через несколько секунд до нас донеслись сухие разрывы.

— Недолет тридцать метров, — сообщил я.

На белой террасе замка появились четыре черные фигурки. Снова взметнулись шесть ракет. На сей раз они упали точно. Одна взорвалась прямо на террасе, и маленькие фигурки попадали; потом три поднялись и потащили четвертую внутрь. Вторая ракета влетела в окно замка. Остальные попали в стены, которые, похоже, не особенно от этого пострадали.

— Цель накрыта! — прокричал я.

Обстрел замка продолжался. Следующим залпом была подожжена автомашина Хоннегера, стоявшая справа от дома.

— Теперь корректируйте огонь катапульта! — послышался в телефоне голос Бёвэна.

Три первых снаряда упали за дотом.
— Небольшой перелет, — сообщил Мишель, привставая.
Я дернул его вниз: не в силах поразить наших людей, укрывшихся в лощине, враг начал обстреливать нас из пулемета и автоматов. В течение нескольких минут мы не могли поднять

головы, свинцовый рой с жужжанием пронесся над нами, заставляя прижиматься к камням.

— Надо будет укрепить наблюдательный пункт. А пока давай спустимся пониже, — предложил я.

Пулемет смолк, автоматы тоже затихли.

— Открываем беглый огонь по вражеским позициям! — сообщил телефон. — Наблюдайте!

Ракеты начали рваться на открытых местах или в чаще ельника, не причиняя заметного ущерба, если не считать загоревшейся копны соломы.

Враг вновь открыл огонь, но теперь по гребню лощины. Один из наших людей, раненный, сполз вниз. Вскоре подъехал грузовик с ракетами более крупного калибра; из кабины выскочил Массакр.

— Катапульты, внимание... залп!

На этот раз все бомбы взорвались на вражеском доте. Оттуда послышались стоны, однако пулемет продолжал стрелять.

— Вот тебе пример явного превосходства навесного огня, — сказал Мишель. — Настильным огнем они ничего не могут нам сделать, а мы рано или поздно разворотим их нору.

— Непонятно, почему они не пытаются захватить гребень лощины?

— Атаку легко отбить.

— Смотри, смотри!

— Внимание! — крикнул Мишель в телефон. — Шесть человек ползут слева. Видите?

Четверо добровольцев переместились на левый фланг.

Враг поливал из автоматов гребень лощины с такой яростью, что держаться там стало невозможно, и папаша Борю со своими людьми отступил. Из окопов противника выскочили человек тридцать. Они бежали, ложились и снова вскакивали.

— Атака по фронту! — сообщил Мишель.

Слева вспыхнула перестрелка. Бёвэн подпустил нападающих на пятнадцать метров к ложине, потом отдал приказ гранатометчикам. Гранаты сработали великолепно, уложив сразу одиннадцать человек. Прежде чем враг отошел, папаша Борю снял еще двоих из своего винчестера. На левом фланге у нас был один убитый и двое раненых, а противник потерял четверых.

Катапульти метали бомбы без перерыва. Двенадцатый залп оказался особенно удачным: одна бомба попала в дот, и пулемет, наконец, умолк. Три гнезда автоматчиков тоже были подавлены, а четвертый смолк сам, очевидно, заклинило ствол. Тогда добровольцы пошли в атаку. Потеряв еще двоих ранеными, они ворвались во вражеские окопы и захватили трех пленных; остальные успели отступить.

Короткий допрос пленных позволил установить силы противника. Она потеряла семнадцать человек убитыми и двадцать ранеными, в живых осталось около пятидесяти. После первой победы мы захватили два автомата, тяжелый пулемет и много боеприпасов. Наша маленькая армия сразу стала неизмеримо сильнее. Мы с Мишелем покинули свой наблюдательный пункт.

Пока разведчики, которых послали наши, продвигались вперед, мы обстреливали замок. С любопытством следил я за полетом первых ракет крупного калибра. На этот раз стены не выдержали и целое крыло дома обрушилось.

В замке вспыхнул пожар.

Наконец разведчики вернулись. Вторая линия вражеской обороны проходила в двухстах метрах от замка и состояла из окопов с тремя пулеметными гнездами и отдельными ячейками автоматчиков. Заканчивая донесение, папаша Борю добавил:

— Непонятно, что они собирались делать со всем этим оружием. Не могли же они знать наперед, что с нами случится! Надо будет сообщить в полицию.

— Так ведь мы теперь и есть полиция, старина!

— Правда, я и забыл. Ну, тогда все проще!

Бёвэн вместе с нами поднялся на вершину холма, тщательно осмотрел местность и попросил Мишеля наскоро набросать план. Тому это не составило труда: Мишель на досуге рисовал, и рисовал превосходно.

— Вы останьтесь здесь с двумя бойцами и артиллерией, — решил Бёвэн. — Я беру с собой только пулемет и катапульти. У меня есть три сигнальные ракеты. Когда увидите их, прекращайте огонь.

— Массакр пойдет с вами?

— Нет. Ведь он единственный хирург на этой планете!

— Правильно. Но не забывайте, что вы единственный инженер.

Наши добровольцы двинулись к замку, волоча за собой пулемет и катапульти. Я приказал ракетчикам открыть огонь по вражеским окопам. Обстрел продолжался сорок пять минут.

Без бинокля мы не могли определить нанесенный врагу урон и только старались сосредоточить огонь там, где разведчики засекли пулеметные гнезда. После тридцать пятого залпа заговорил, наконец, и наш пулемет. Сорок пятый залп обрушился прямо на вал. Вслед за этим я увидел дымный след сигнальной ракеты и приказал прекратить огонь.

По ту сторону замка вспыхнула перестрелка: наши атаковали с фронта и с тыла. С облегчением я отметил, что пулеметы врага молчат. Схватка продолжалась минут двадцать. То и дело слышались взрывы гранат; глухо рвались бомбы катапульты. Потом все стихло. Мы переглянулись, не в силах скрыть беспокойства. Чем кончилась атака? Много ли жертв? Наконец из лесу показался доброволец, размахивая листком бумаги.

— Все в порядке, — сказал он, задыхаясь, и протянул донесение.

Мишель, поспешно развернув листок, прочел вслух:

«Окопы захвачены У нас пять убитых и двенадцать раненых. Противник понес большие потери. Человек двадцать забаррикадировались в замке. Возьмите грузовик, подвезите ракетные направляющие и доктора. Остановитесь у домика егерей. Будьте осторожны: в лесу могут скрываться враги».

Мы встретили Бёвэна у охотничьей сторожки.

— Дело было горячим, но зато кончилось быстро. Ваши ракеты, — сказал Бёвэн дяде, — просто великолепны! Без них... и без ваших катапульт, — добавил он, обращаясь ко мне, — нам бы несдобровать

— Кто убит?

— Трое рабочих — Салавэн, Фрё, Робер — и двое крестьян, как их звали, не знаю. Тут, в сторожке, трое тяжелораненых. Массакр немедленно прошел к ним.

— А у тех что?

— Много убитых и раненых. Три последних залпа угодили прямо в окопы. Пойдемте посмотрим.

И в самом деле, это была «чистая работа». Забыв об осторожности, мы высунулись из окопа, и тотчас автоматная очередь просвистела над нашими головами.

— Им удалось унести пулемет, — сказал Бёвэн, — так что лучше бы вы, мосье Бурна, показали, как устанавливать направляющие.

— Зачем? Я это сделаю сам.

— Я не позволю вам рисковать.

— Во-первых, я прошел в сорок третьем всю итальянскую кампанию, а эти бандиты не страшнее фрицев Гитлера. Во-вторых, у меня полнокровие, как у каждого астронома, так что маленькое кровопускание не повредит. А в-третьих, я майор запаса, а вы всего лишь лейтенант, так что я вас не задерживаю. Кру-гом! — добавил мой дядя, смеясь.

— Слушаюсь! Только будьте осторожны!

Мы расположили ракетные установки в окопах в двухстах метрах от замка. Гордое здание сильно пострадало.

— Вы не знаете, что с нашими девушками? — спросил Мишель.

— Один пленный уверяет, что еще до начала наступления их заперли в глубоком подвале. Дочка Хоннегера, кажется, не разделяет идей своего папаши и, наверное, тоже там. Надо целиться в окна и двери, — закончил Бёвэн, обращаясь к дяде.

Дядя включил электрический контакт. Последовал короткий вой ракет и оглушительный взрыв.

— Поражение!

Второй залп разорвался уже внутри. Пулемет противника

замолчал. Мы дали еще три залпа подряд. Из-за наших спин добровольцы поливали пулеметным огнем зияющие окна замка. Но вот в круглом окошке затрепетала белая тряпка.

— Сдаются! Давно пора.

Внутри замка раздалось несколько выстрелов: по-видимому, сторонники сдачи утихомиривали тех, кто хотел драться до конца. Белая тряпка исчезла, потом появилась опять. Перестрелка внутри смолкла. Опасаясь подвоха, мы не вылезали из окопов, но огонь прекратили. Наконец через проем выбитой двери вышел человек с развернутым носовым платком.

— Подойди ближе! — приказал Бёвэн.

Человек повиновался. Это был совсем молоденький блондин с приятным, но измученным лицом и запавшими глазами.

— Вы сохраните нам жизнь, если мы сдадимся? — спросил он.

— Вас будут судить. А если вы не сдадитесь, мы сделаем вас покойниками менее чем за час. Выдайте нам Хоннегеров и выходите на поляну с поднятыми руками.

— Шарль Хоннегер убит. Его отца нам пришлось оглушить; когда мы выбросили белый флаг, он стрелял в нас, но он жив.

— Где девушки?

— Они в подвале вместе с Идой, простите, с мадемуазель Хоннегер, и Маделиной Дюшер.

— Они живы, не пострадали?

Блондин пожал плечами.

— Понятно. Выходите, мы ждем.

VII. СУД

Двадцать уцелевших вояк безропотно выстроились на поляне, бросив оружие к ногам и заложив руки за головы. Двое выволокли Хоннегера, который все еще был без сознания; к нему приставили караул. С автоматами в руках мы с Мишелем проникли в замок; один из пленных показывал дорогу.

Внутри царил разгром. Картины кисти известных мастеров в вычурных рамах, вкривь и вкось висевшие по стенам салона, были изрешечены пулями. Два пустых огнетушителя свидетельствовали о том, что здесь тоже едва не вспыхнул пожар. В вестибюле валялся изуродованный взрывом труп Шарля Хоннегера; пол и стены были утыканы осколками.

По каменной винтовой лестнице мы спустились в подвал; железная дверь гудела от ударов: кто-то стучался изнутри.

Едва мы отодвинули засов, как навстречу нам выскочила Ида Хоннегер. Мишель схватил ее за руку.

— Вы куда?

— Где мой отец? Брат?..

— Ваш брат убит, а отец... он пока жив.

— Неужели вы его?..

— Мадемуазель, — сказал я, — из-за него погибло около двенадцати наших людей, не считая ваших.

— Это ужасно. Зачем они это сделали? — проговорила она и залилась слезами.

— Этого мы еще не знаем, — ответил Мишель. — Где девушки, которых они похитили? И эта, ну, как ее, кинозвезда?

— Мад Дюшер? Там, в погребе.

Мы вошли в подземелье. Керосиновая лампа тускло освещала сены. Маделина Дюшер, очень бледная, сидела в углу.

— Должно быть, совесть у нее нечиста, — сказал Мишель. — Вставай и выходи! — грубо добавил он.

Затем мы освободили трех девушек из деревни.

Когда все поднялись на первый этаж, там уже был Луи с остальными членами Совета.

— Старик Хоннегер пришел в себя. Пойдем, надо его допросить.

Хоннегер сидел на поляне; рядом с ним была и его дочь. Увидев нас, он поднялся.

— Я вас недооценил. Мне надо было привлечь на свою сторону инженеров, тогда мы завладели бы этой планетой.

— А для чего? — спросил я.

— Для чего? Это был единственный случай, когда человек мог взять в свои руки судьбу человечества. Через несколько поколений мы создали бы расу сверхлюдей.

— Из вашего-то материала? — спросил насмешливо я.

— У моего сырья было все, что нужно: настойчивость, мужество, презрение к жизни.

Он склонился к плачущей дочери.

— Пожалейте ее, она ничего не знала о моих планах и даже пыталась нам помешать. А теперь прощайте...

Быстрым движением он бросил что-то в рот, проговорил: «Цианистый калий», — и рухнул на землю.

— Ну, что ж. Одним подсудимым меньше, — сказал Мишель вместо надгробного слова.

Добровольцы уже грузили на машины трофеи четыре автоматические пушки, шесть пулеметов, сто пятьдесят ружей и автоматов, пятьдесят револьверов и большое количество боеприпасов. Замок был настоящим арсеналом, но самой ценной из всех находок был совершенно новый печатный станок.

— Непонятно, что они собирались делать со всем этим на Земле?

— Один пленный показал, что Хоннегер возглавлял фашистскую организацию, — ответил Луи.

— Нет худа без добра. Теперь будет чем встретить гидр.

— Кстати, с тех пор их больше не видели. Вандаль и Бреффор заканчивают вскрытие маленькой гидры; они ее положили в бочку со спиртом. Этот Бреффор просто незаменим! Он уже научил деревенских ребят лепить глиняную посуду, как это делают индейцы Южной Америки.

Когда мы вернулись в деревню, было четыре часа пополудни. Сражение продолжалось меньше дня. Я добрался до дому и заснул как убитый.

Часов в шесть вечера меня разбудил брат, и мы отправились к Вандалю. Он ждал нас в школе; перед ним на столе лежала наполовину препарированная гидра. То на доске, то на листах бумаги Вандаль делал зарисовки.

— А, вот и ты, Жан! — встретил меня Вандаль. — Я бы

отдал десять лет жизни, чтобы продемонстрировать этот образчик в нашей академии! Поразительная анатомия!

Он подвел меня к рисункам.

— Они относятся к самым низшим организмам. Система кровообращения очень проста. Пищеварение — внешнее; желудочный сок впрыскивается в добычу, а затем питательная масса всасывается в желудок-глотку. Но вот что удивительно: нервные центры необычайно сложны и развиты, у основания щупалец в хитиновой оболочке расположен настоящий мозг. Под ним находится любопытный орган, напоминающий электрическую батарею ската. Этот орган и сами щупальца снабжены богато разветвленными нервами. Если выяснится, что эти животные в какой-то степени разумны, я не удивлюсь. И другая интересная вещь — водородные мешки... Потому что в этих огромных перепончатых мешках, занимающих всю верхнюю часть гидры, находится водород. Вырабатывается он в результате разложения воды при низкой температуре. По пористому каналу вода поступает в специальный орган, где происходит ее химическое разложение. Я думаю, что кислород переходит в кровь, потому что этот орган сплошь окутан артериальными капиллярами. Когда водородные мешки наполнены, удельный вес гидры меньше веса воздуха, и она свободно плавает в атмосфере. Мощный плоский хвост служит ей рулем. Передвигается она в основном за счет сокращения особых полостей, выбрасывающих воздух, смешанный с водой. Эта смесь с огромной силой выталкивается назад через отверстия, подобные дюзам реактивного двигателя.

На следующее утро ко мне пришел посыльный от Луи. Он предупредил, что сейчас начинается суд над пленными, и я, как член Совета, должен в нем участвовать.

Суд собрался в большом сарае, превращенном по этому случаю в зал заседаний. Члены Совета сидели за столом на возвышении. Перед нами было свободное пространство для обвиняемых, а дальше — скамейки для публики. Вооруженная стража охраняла все выходы. Председателем трибунала был избран мой дядя. Он поднялся и обратился к собравшимся:

— Еще никому из нас не приходилось быть судьей. А сегодня мы члены чрезвычайного трибунала. У обвиняемых не будет адвокатов, чтобы не терять время на бесконечные споры. Поэтому мы должны быть особенно справедливы и беспристрастны.

Два главных преступника мертвы, и я хочу вам напомнить, что на этой планете, где мало людей, нам дорог каждый человек. Но нельзя забывать и о том, что по вине подсудимых погибло двенадцать добровольцев, а три девушки подверглись постыдным оскорблениям.

В сарай ввели подсудимых.

Мой дядя снова заговорил:

— Вы все обвиняетесь в грабеже, убийствах, вооруженном нападении и в государственной измене. Кто ваш руководитель?

Обвиняемые секунду поколебались, а потом вытолкнули вперед рыжего великана.

— Когда хозяев не было, командовал я.

— Ваше имя, возраст, профессия?

— Бирон Жан, тридцать два года. Раньше был механиком.

— Признаете себя виновным?

— А какая разница, признаю или нет? Вы все равно меня расстреляете!

— Не обязательно. Вы могли заблуждаться. Что привело вас к преступлениям?

— После этой заварушки патрон сказал, что мы на другой планете, что деревню захватила, извините, всякая сволочь и что нужно спасать цивилизацию. А потом, — он поколебался, — если все пойдет хорошо, мы будем жить, как сеньоры в старые времена.

— Вы участвовали в нападении на деревню?

— Нет. Можете спросить у других. Все, кто там был, убиты. Это были люди хозяйского сына. Сам хозяин тогда очень злился. Шарль Хоннегер говорил, что захватил заложников, а на самом деле он давно бегал за этой девкой. Хозяин этого не хотел. Да и я тоже. Это Леврен его надоумил.

— А чего добивался ваш хозяин?

— Я вам уже сказал: он хотел быть господином этого мира. В замке было много оружия. Он занимался контрабандой. Там, на Земле. А потом у него были свои люди. Ну, мы. Вот он и рискнул. А нам куда было деться? Мы все в прошлом наделали глупостей. И хозяин знал, что у вас почти нет оружия. Он не думал, что вы его сделаете так быстро!

— Хорошо! Увести! Следующий!

Следующим был юноша, который выкинул белый флаг.

— Ваше имя, возраст, профессия?

— Бельтер Анри. Двадцать три года. Студент политехнического института. Увлекался аэродинамикой.

— А вы-то что делали среди этих бандитов?

— Я знал Шарля Хоннегера. Однажды мы играли в покер, и я проиграл за вечер все деньги. Он заплатил мой долг. Потом пригласил меня в замок. Я не одобрял ни планов его отца, ни его поведения, но предать Шарля не мог. В вас же не стрелял ни разу!

— Проверим! Следующий!

— Простите. Мне хотелось еще сказать... Ида Хоннегер... Она сделала все, что могла, чтобы вас предупредить.

— Мы знаем и непременно учтем это.

Допрос продолжался. Здесь были люди почти всех профессий. Большая часть обвиняемых принадлежала к организации фашистского толка.

Некоторые производили впечатление просто обманутых. Многие искренне раскаивались. Верность Бельтера другу вызывала даже симпатию. Никто из обвиняемых не сказал о нем ничего плохого; наоборот, большинство из них подтверждало, что в сражении он не участвовал. Не знаю, что думали остальные, а я, честно, был в затруднении. Но вот вышел двадцать девятый. Он сказал, что его зовут Жюль Леврен, что он журналист и что ему сорок семь лет. Это был маленький худой человек с костлявым лицом. Луи заглянул в свои записи.

— Свидетели показали, что вы были в замке гостем, но некоторые думают, что вы и есть главный хозяин. Вы стреляли по нашим. Кроме того, свидетели жаловались на вашу жестокость.

— Это ложь! Я никогда не видел этих свидетелей. И ни в чем не участвовал.

— Врет! — не выдержал доброволец, охранявший дверь. — Я видел его у автоматической пушки. Той самой, которая прикончила Салавена и Робера. Три раза я целился в этого сукиного сына, да жаль, не попал.

Журналист пытался протестовать, но его не стали слушать.

— Мадемуазель Дюшер.

Вид у нее был жалкий, несмотря на обилие косметики.

— Маделина Дюшер, двадцать восемь лет, актриса. Но я ничего не сделала.

— Вы были любовницей Хоннегера-старшего?

— И старшего и младшего, — раздался чей-то голос.

Эту реплику зал встретил хохотом.

— Неправда! — крикнула она. — О, это ужасно! Выслушивать подобные оскорбления!

— Ида Хоннегер, девятнадцать лет, студентка.

— Что вы изучали?

— Право.

— Что вы можете сказать об остальных подсудимых?

— Я их мало знаю. Бирон был неплохим человеком, Анри Бельтер сказал, что не стрелял, и я ему верю. — Она всхлинула. — Мой отец и брат тоже не были злодеями. Раньше родители очень бедствовали. Богатство пришло внезапно и вскружило им голову. Во всем виноват этот человек — Леврен. Это он подsunул отцу Ницше, и тот вообразил себя сверхчеловеком. Это он подсказал ему безумный план завоевания планеты. Он способен на все! О, как я его ненавижу! — девушка разрыдалась.

— Садитесь, мадемуазель, — негромко сказал дядя. — Мы посовещаемся, но вам опасаться нечего. Для нас вы скорее свидетельница, чем обвиняемая.

Мы удалились за занавес. Обсуждение было долгим. Луи и крестьяне настаивали на суровых мерах. Мишель, мой дядя, кюре и я стояли за более мягкое наказание. Людей было мало, большинство обвиняемых просто следовали за своими главарями. В конечном счете мы пришли к согласию. Обвиняемых ввели, и дядя прочел приговор.

— Жюль Леврен! Вы признаны виновным в преднамеренном убийстве, грабеже и насилии. Вас приговорили к смертной казни через повешение. Приговор должен быть приведен в исполнение немедленно.

Бандит не выдал своих чувств, только смертельно побледнел.

— Анри Бельтер! Вы ничего не сделали во вред обществу и признаны невиновным, но поскольку ничего не сделали для того, чтобы нас предупредить, вы лишаетесь избирательных прав до тех пор, пока не искупите свою вину.

— Да.

Ида Хоннегер признается также невиновной.

— Маделина Дюшер! За вами не установлено никаких проступков, за исключением сомнительной нравственности и, скажем, сентиментальных привязанностей, — в зале снова послышались смешки, — к главным преступникам... Вы лишаетесь избирательных прав. Будете работать на кухне.

Все остальные приговариваются к принудительным работам сроком на пять земных лет. Вы можете сократить его примерным трудом и поведением. Трибунал лишает вас пожизненно всех политических прав, которые могут быть возвращены тому, кто это заслужит героическим подвигом на пользу обществу.

Осужденные радостно загомонили: они опасались более тяжкого наказания.

— Спасибо, ребята! — крикнул Бирон. — Вы просто молодцы!

— Заседание окончено. Уведите осужденных!

Кюре подошел к Леврену, который захотел исповедаться. Зрители разошлись. Я прыгнул с помоста и подошел к Бельтеру. Юноша утешал Иду.

— Где вы будете жить? — спросил я у них. — Дюшер придется спать при кухне, хочет она этого или нет, а с вами дело другое. Возвращаться в наполовину разрушенный замок, куда могут прилетать гидры, просто безумие. Здесь тоже много разрушений, и люди живут тесно. Кроме того, вам нужно подыскать работу. Теперь праздность запрещена законом.

— А где он написан, этот закон?

— К сожалению, кодекс еще не составлен. У нас есть только разрозненные тексты и постановления Совета. Кстати, вы же были юристкой?

— Я заканчивала второй курс.

— Вот и для вас нашлось дело. Вы займетесь нашим кодексом. Я поговорю об этом в Совете. А вас, Бельтер, я возьму к себе в Министерство геологии.

К нам подошел Мишель.

— Если ты собираешься сманить Бельтера, то ты опоздал. Мы уже договорились, — сказал я.

— Тем хуже для меня. Тогда я договорюсь с сестрой. Астрономия подождет. Кстати, они с Менаром хотят вечером познакомиться нас со своей теорией катастрофы.

Я взглянул на небо. Гелиос стоял высоко.

— Ну, до вечера не близко. Послушай, Мишель, если эта девушка поселится с твоей сестрой, это не очень ее стеснит?

— А вот и Мартина. Можешь спросить у нее самой.

— Сделай это для меня. Боюсь я твоей сестры-звездочета!

— Ну, ты не прав. Она очень хорошо относится к тебе.

— Откуда ты знаешь?

— От нее!

Он рассмеялся и отошел.

VIII. ОРГАНИЗАЦИЯ

После полудня в школьном зале состоялось заседание Академии наук Теллуса. Докладчиком был Менар. Он поднялся на кафедру и начал доклад:

— Я хочу изложить результаты своих расчетов и наблюдений. Как вы уже знаете, мы оказались на другой планете, — будем называть ее Теллус. Ее окружность по экватору составляет примерно пятьдесят тысяч километров; сила тяготения на поверхности — около девяти десятых земного. У Теллуса есть три спутника; расстояние до них вычислено мною пока очень

приблизительно. Я назвал их Феб, Селена и Артемида. Сначала я полагал, что наша планетная система принадлежит к числу систем с двумя солнцами. Но я ошибся. В действительности Соль, маленькое красное солнце, — всего лишь очень большая, еще не остывшая планета на внешней от нас орбите. Несмотря на то, что у Соля оказалось одиннадцать спутников, кроме него, есть и другие планеты. Все они вращаются вокруг Гелиоса, а не вокруг Соля. Сейчас период противостояния: когда заходит Гелиос, восходит Соль. Но через некоторое время, примерно через четверть теллусийского года, начнется период, когда мы будем одновременно видеть два светила, потом только одно, а иногда — ни одного.

А сейчас я изложу вам более или менее разумную гипотезу катастрофы. Мысль о ней пришла мне в голову сразу после того, как мы оказались на этой планете.

Вы, несомненно, знаете, что некоторые астрономы рассматривают нашу вселенную как своего рода сверхсфероид. Такой сфероид парит в сверхпространстве, которое мы можем представить лишь очень смутно. Согласно моей гипотезе в сверхпространстве существует множество гиперсфер — вселенных, плавающих в нем, как, скажем, могло бы летать в этом зале множество детских воздушных шаров. Возьмем два таких шара. Один — это наша Галактика, и там — наша солнечная система, затерянная где-то в ее необъятности. Второй — это галактика, в которой заключен Теллус. По неизвестным причинам две галактики соприкоснулись. Произошло частичное взаимопроникновение двух миров, во время которого Земля и Теллус очутились в одном месте, где взаимодействовали два пространства-времени! По неизвестным причинам кусок Земли был перенесен в иную галактику: возможно, что и Теллус потерял при этой встрече часть своей массы, и тогда наши земляки, должно быть, охотятся сейчас на гидр где-нибудь в долине Роны. Ясно только, что обе галактики двигались почти с одинаковой скоростью и в одном направлении и что скорости обращения Земли и Теллуса на орбитах также почти совпали, ибо иначе мы с вами вряд ли смогли бы уцелеть. Этим же объясняется и тот факт, что межпланетная экспедиция, в которой участвовал кузен присутствующего здесь Жана Бурна, отметила признаки катастрофы вблизи Нептуна, но обогнала ее и успела вернуться на Землю. Возможно, что некоторые дальние планеты нашей солнечной системы тоже «вылетели» в другую вселенную¹.

Возможно также, что правы Мартина и Мишель, которые полагают, что мы на планете нашей Галактики, с которой соприкоснулись в результате того, что произошла складка в пространстве. В таком случае мы оказались на другом краю нашей Галактики. Будем надеяться, что наблюдения разрешат этот спор.

Тех, кто интересуется математической стороной изложенной теории, прошу обращаться ко мне.

Менар сошел с кафедры и через минуту уже горячо спорил о чем-то с Мартиной, Мишелем и моим дядей. Я было приблизился, но, услышав о массах, орбитах и прочих сложных вещах, поспешно отступил. Тут же меня отвел в сторону Луи.

¹ Автор умышленно приводит путаное «научное» объяснение фантастического события.

— Послушай, теория Менара, конечно, очень интересна, но с практической точки зрения она ничего не дает. Ясно, что нам суждено жить на этой планете. Дела еще непочатый край! Ты в прошлый раз говорил об угле. Он что, тоже перелетел сюда?

— Возможно. Я даже буду удивлен, если после всей этой встряски на поверхность не выскочил какой-нибудь стейфанийский или вестфалийский пласт. Что ты смотришь? Это просто названия пластов, которые встречались в этом районе. Но должен тебя предупредить: ничего хорошего не жди! Несколько прослоек толщиной от пяти до тридцати сантиметров, и уголь очень тощий.

— И то неплохо! Главное, чтобы завод дал электричество. Ты ведь знаешь, на изготовление ракет мы истратили почти все топливные резервы.

* * *

Последующие дни прошли в сплошной деловой горячке. Совет принял целый ряд оборонительных мер. Вокруг деревни мы оборудовали шесть сторожевых постов с герметическими укрытиями; каждый из них на случай осады был снабжен всем необходимым и связан примитивной телефонной линией с центральным постом. Едва заметив гидр, наблюдатели должны были поднимать тревогу. Мы усовершенствовали ракеты и создали настоящую противоздушную артиллерию. При первом же налете она вполне себя оправдала: из полусотни гидр было сбито штук тридцать.

Однажды утром мы с Бельтером и двумя вооруженными бойцами отправились разыскивать уголь. Как я и предполагал, большинство пластов едва достигало в толщину пятнадцати сантиметров и лишь один — пятидесяти пяти.

— Не завидую шахтерам, — сказал я. — Придется им повозиться.

Воспользовавшись своим правом министра полезных ископаемых, я мобилизовал тридцать человек на разборку путей, которые некогда шли к ближайшей железнодорожной станции. Потом мы сняли одну колею — с ветки от завода к глиняному карьеру, откуда на завод поступало сырье. Благодаря открытию Муассака и Уилсона с 1964 года алюминий добывали уже не только из боксита, но и непосредственно из глины.

Разумеется, Этранж протестовал:

— Как же я доставлю сырье на завод?

— Во-первых, я оставляю вам один путь из двух; во-вторых, такое количество алюминия понадобится нам не скоро; в-третьих, ваш завод все равно не сможет работать без угля; в-четвертых, когда я отыщу руду, мы начнем выплавлять железо, его хватит на все. А пока соберите железный лом и переплавьте на рельсы.

Кроме того, я реквизирувал на заводе два маленьких паровозика и достаточное количество вагонов. В известняковом карьере я забрал три отбойных молотка и один компрессор.

Несколько дней спустя шахта уже работала, и в деревне снова было электричество. Семнадцать «каторжников» стали шахтерами. Они работали под охраной, которая не столько стерегла их, сколько защищала от гидр. Довольно скоро эти люди забыли о том, что они осужденные, да и мы, признаться, тоже. Они ста-

ли просто «шахтерами» и под руководством бывшего штейгера быстро освоили подземную профессию.

Так в организационной работе незаметно пролетели два месяца. Мишель и мой дядя с помощью часовщика изготовили часы теллусийского времени. Нам очень мешало то, что сутки состоят из 29 земных часов; каждый раз, чтобы узнать время по своим часам, приходилось делать сложные подсчеты. Поэтому сначала мы выпускали часы двух типов: с циферблатом, разделенным на 24 «больших» часа, и с циферблатом, размеченным на 29 земных часов. Через несколько лет была принята система, существующая до сих пор, — вы только с ней и знакомы. Сутки делятся на 10 часов по 100 минут, причем в каждой минуте — 100 секунд, которые, в свою очередь, делятся еще на 10 мигов.

Запасы продовольствия полностью обеспечивали нас на десять земных месяцев. Мы чутились в умеренном поясе Теллуса, в поясе вечной весны, и если пшеница приживется в этом климате, мы могли рассчитывать на несколько урожаев в год. В доли-

не было достаточно пахотной земли; нам ее должно было хватить, пока население не увеличится чрезмерно. К тому же почва самого Теллуса выглядела не менее плодородной.

Мы отремонтировали большое число домов и уже не ютились в прежней тесноте. Школа снова работала. Совет заседал теперь в большом металлическом ангаре. Здесь Ида властвовала над архивом, и здесь я обычно находил Бельтера, когда он мне бывал нужен. Мы составляли кодекс, упрощая и приспособлявая к новым условиям нормы, к которым привыкли на Земле. Эти законы действуют до сих пор. Кроме архива, в том же ангаре помещались зал собраний и библиотека.

Обе железные дороги — от шахты и от глиняного карьера — работали нормально, завод выполнял наши заказы. Жизнь кипела! Деревня напоминала скорее оживленный земной городок, чем одинокое селение на неведомой планете.

Выпали первые здешние дожди — грозовые ливни, затянувшиеся дней на десять. Настали первые темные ночи, пока еще очень короткие.

У членов Совета вошло в привычку собираться для полуофициальных бесед в деревенском доме моего дяди либо у него же в доме при обсерватории, который к тому времени отремонтировали. Там мы встречали Вандаля и Массакра, корпевших вместе с Бреффором над изучением гидр, там я видел Мартину, Бёвэна с женой, своего брата, а иногда и Менара, если его удавалось оторвать от вычислительной машины.

Об этих вечерах у меня сохранились самые лучшие воспоминания: именно тогда я по-настоящему узнал и оценил Мартину.

Как-то раз я поднимался к обсерватории в чудесном настроении: в трех километрах от мертвой зоны, уже на почве Теллуса, мне удалось обнаружить на дне ложины первоклассную железную руду. На повороте дороги мне повстречалась Марина.

— А, вот и вы! Я как раз шла за вами.

— Разве я опоздал?

— Нет. Остальные уже собрались. Менар рассказывает о новом открытии.

— И все-таки вы пошли меня встречать?

— Почему бы и нет? Меня это открытие не очень интересует, его сделала я сама.

— Что же вы открыли?

— В общем...

Но в этот день я так ничего и не узнал. Марина вдруг замерла, в ее глазах появилось выражение ужаса.

Я обернулся: гигантская гид-

ра пикировала прямо на нас! Я толкнул Мартину и шлепнулся наземь рядом с нею. Гидра промахнулась. По инерции она пронеслась еще метров сто и только тогда стала делать разворот. Я вскочил на ноги. Рядом в скале была расщелина. Я силой втолкнул туда Мартину и заслонил ее своим телом. Прежде чем гидра выбросила жало, я выстрелил пять раз подряд; должно быть, пули попали в цель, потому что чудовище заколебалось в воздухе и отлетело немного назад. У меня оставались еще три пули и нож, длинный финский нож, отточенный, как бритва. Гидра повисла напротив нас, ее щупальца извивались, словно пиявки, шесть глаз смотрели на меня тускло и зловеще. Я понял: сейчас она метнет жало. Выпустив последние три пули, я нагнул голову и с ножом в руке бросился к чудовищу. Мне удалось проскользнуть между щупальцами и ухватиться за одно из них. Боль от ожога была ошеломляющая, но я повис на гидре всем телом; она метнула жало в Мартину, промахнулась от моего толчка и расщепила роговое острие о скалу. Прижавшись к боку гидры, я кромсал ее финкой. Что было после, я уже плохо помню. Помню свою нарастающую ярость, помню лохмотья омерзительного мяса, хлещущие меня по лицу, потом почему-то земля ушла у меня из-под ног... падение... удар — и все.

Очнулся я в доме дяди. Надо мной хлопотали Массакр и мой брат. Руки мои вздулись, левую сторону лица колело.

— Как Мартина? — прошептал я.

— С ней все в порядке, — ответил Массакр. — Легкое нервное потрясение. Я дал ей снотворное.

— А со мной?

— Ожоги, вывих левого плеча. Вам повезло. Гидра отбросила вас метров на десять — и ни одного серьезного ушиба, если не считать плеча! Кусты смягчили удар. Плечо я вам вправил, пока вы были без сознания, это вас и привело в себя. Недельки две придется полежать.

— Целых две недели? Я только что нашел железную руду...

Дверь распахнулась настежь, и в комнату ворвался Мишель. Он бросился ко мне с протянутой рукой, но, увидев мои забинтованные лапы, остановился.

— Доктор, что с ним?

— Пустяки!

— Ах, старина, старина! Если бы не ты, моей сестры уже не было бы...

— А ты что хотел, чтобы я позволил сожрать Мартину этой летающей пиявке только потому, что она ошиблась в выборе пищи? — пытался я пошутить. — Кстати, гидра убита?

— Убита? Гм. Да ведь ты искромсал ее на ремни! Дружище, не знаю, как мне тебя благодарить...

— Не тревожься! На этой планете у тебя еще будет возможность оказать мне подобную же услугу.

— А теперь дайте ему уснуть, — прервал нас Массакр.

Все покорно направились к выходу. Когда Мишель был уже в дверях, я попросил его прислать ко мне завтра Бельтера.

Вскоре я забылся беспокойным сном, который продолжался несколько часов. Проснулся совершенно обессиленный, но зато без малейших признаков лихорадки. Потом опять мирно заснул

и проспал почти до следующего полудня. Лицо и руки болели уже куда меньше. Рядом с моей кроватью сидя спал Мишель.

— Он не отходил от тебя всю ночь, — сказал мой брат, появляясь в дверях. — Как самочувствие?

— Лучше. Как ты думаешь, когда я смогу встать?

— Массакр сказал, что через два-три дня, если лихорадка не повторится.

Внезапно из-за его спины выскользнула Мартина с подносом, на котором стоял фыркающий кофейник.

— Завтрак для Геркулеса! Доктор разрешил.

Она поставила поднос, помогла мне сесть, подсунув за спину подушки, и быстрым поцелуем коснулась моего лба.

— Вот вам награда, пусть хоть маленькая! Подумать только: если бы не вы, я бы сейчас была бесформенным трупом. Брррр!

Она потрясла Мишеля за плечо.

— Проснись, братец! Тебя ждет Луи.

Мишель, позевывая, встал, осведомился, как я себя чувствую, и ушел вместе с Полем.

— Луи тоже обещал зайти. А теперь, Геркулес, я вас покормлю.

— Почему Геркулес?

— Как почему? Сражаться врукопашную с гидрами!..

Она покормила меня с ложки, словно ребенка, потом дала чашку кофе.

— Вкусно! — похвалил я.

— Польщена. Я ведь сама готовила. К тому же кофе считается теперь лекарством. Мне пришлось обратиться за ним в Совет, представляете?

— Боюсь, придется от кофе отвыкать. На Теллусе вряд ли найдутся кофейные деревья. Но это еще полбеды, а вот как быть с сахаром?

— Ба! Найдем и здесь какой-нибудь сахаронос! А не найдем — в деревне остались улья. Будем есть мед, как в старину.

— А цветы? На нашем осколке Земли их достаточно, зато на теллусийских растениях не нашли ни одного цветка.

— Поживем — увидим. Я ведь оптимистка. Из миллиарда миллиардов у нас был всего один шанс уцелеть, а мы уцелели!

Стук в дверь прервал наш разговор. Это явились неразлучные Ида и Анри.

— Пришли взглянуть на героя! — сказала Ида.

— Хм, герой... Когда тебя загонят в угол, поневоле станешь героем.

— Не знаю, — вступил в разговор Анри. — Я бы, наверное, позволил себя съесть.

— Ты просто на себя клеветешь! Впрочем, я вызвал тебя не для этих разговоров. Возьми двух людей и разведай поподробнее рудное месторождение. Принеси образцы. Если месторождение окажется стоящим, постарайся сразу наметить удобную трассу для железной дороги. Но не забывай про гидр: оказывается, они не всегда летают стаями... Возьми с собой человек десять охраны и грузовик. А у вас, Ида, как дела?

— Начала систематизировать ваши декреты. Мне интересно: прямо на глазах зарождаются новые законы. Но ваш Совет... Вы присвоили себе диктаторские полномочия!

— Надеюсь, это временно. А пока иначе нельзя. Что нового в деревне?

— Луи в ярости. Он нашел наблюдателей, которые пропустили вашу гидру. Они оправдываются: говорят, гидра была одна.

— Вот негодяи!

— Луи кричит, что их надо расстрелять.

— Ну, это уж слишком.

Через несколько дней мне рассказали, чем кончилось дело: розоеев просто выгнали из охраны и приговорили к двум годам работы на шахте. Постепенно я поправился, и все вошло в нормальную колею.

Мы проложили к рудному месторождению железную дорогу и построили примитивную домну.

Первая плавка, несмотря на все знания Этранжа, прошла кое-как. Настоящего коксующегося угля у нас не было, поэтому чугун получился неважный, но все же мы переварили его в сталь. Из полученного металла отлили рельсы и вагонные скаты. Возле рудника построили каменные убежища от гидр, а кабины паровозиков переделали так, чтобы в них можно было запереться наглухо.

Погода оставалась прежней и больше всего походила на очень теплую весну. «Черные ночи» постепенно удлинялись. Мой дядя и Менар на внешних орбитах открыли пять планет. На ближайшей к нам обнаружили атмосферу и облака. Сквозь их разрывы можно было наблюдать моря и материки. Спектроскоп показал наличие кислорода и водяных паров. Наша соседка была примерно такого же размера, как Теллус, и имела два больших спутника. Удивительно, как глубоко сидит у нас в душе страсть без конца расширять свои владения! Даже мы, несчастные крохи человечества, не уверенные и в завтрашнем дне, обрадовались, когда узнали, что рядом с нами есть планета, где когда-нибудь смогут жить люди.

Недалеко от рудника для пробы распахали около гектара теллусийской целины. Почва оказалась легкой, хорошо удобренной перегноем сероватых трав. Решили засеять ее различными сортами пшеницы, несмотря на протесты крестьян, которые твердили, что сейчас для сева «не время». Мишелю пришлось целых полдня втолковывать им, что на Теллусе нет обычных времен года, а потому сеять или жать всегда «время», и лучше это делать сейчас, чем потом.

Когда началась пахота, мы снова столкнулись с плоскими змеями вроде той, что нашли во время первой разведки. Но та была дохлой, а этих пришлось убивать. Крестьяне прозвали их «гадюками», хотя с земными гадюками у них не было ничего общего. Их нельзя назвать ядовитыми, но они достаточно опасны: мощные полые зубы впрыскивают в жертву необычайно сильный пищеварительный сок. Он разжижает ткани, вызывая своего рода гангрену, и если помощь не оказать немедленно, дело может кончиться смертью. К счастью, эти злые и ловкие твари попадались нечасто. Одна укусила быка, который тут же подох, а другая — человека. Оказавшиеся на месте Вандаль и Массакр немедленно наложили жгут и ампутировали пораженную ногу.

Вслед за растениями Теллус начали осваивать земные насе-

комые. Первыми были крупные рыжие муравьи, название которых я позабыл. Неподалеку от рудника Вандаль нашел целый муравейник. Муравьи с жадностью пожирали смолку, сочившуюся из серых растений, и размножались с удивительной быстротой. К тому времени, когда на опытном поле показались первые зеленые всходы, они уже кишели везде, легко справляясь с маленькими «насекомыми» Теллуса, которые тщетно пытались бороться с пришельцами.

Это были дни мира и тишины. Постепенно мы преодолевали даже то, что казалось непреодолимым. Месяцы шли за месяцами. Мы собрали первый урожай, обильный на «земных» полях и просто великолепный на распаханном участке Теллуса. Пшеница акклиматизировалась на славу. Стада множились, пастбищ пока хватало. Земные растения, по-видимому, были сильнее местных, и вокруг уже появлялись пятна смешанных степей. Странно было видеть, как наши знакомые травы окружают какой-нибудь пыльно-серый кустик с цинковыми листьями.

Лишь теперь на досуге я смог поразмыслить о самом себе. Сразу после катастрофы мной овладела растерянность, граничащая с отчаянием; я знал, что навсегда разлучен с друзьями, испытывал ужас перед неведомой планетой, населенной чудовищами. Затем необходимость немедленных действий полностью захватила меня, и теперь я с удивлением замечал, что от прежних настроений не осталось и следа. Мной овладела радостная и неутомимая страсть первооткрывателя.

Однажды по дороге к обсерватории я заговорил об этом с Мартиной; теперь она и Мишель бывали там лишь изредка, посвящая большую часть своего времени «общественным работам» и обучению молоденького пастуха Жака Видаля, у которого оказались блестящие способности. Впоследствии Видаль стал крупным ученым и, как вы знаете, был избран вице-президентом Республики. Но не будем забегать вперед.

— Подумать только! — говорил я Мартине. — Когда мой кузен Бернар хотел взять меня в межпланетный рейс, я отказался наотрез, сказав, что вначале должен кончить институт, но на самом деле просто из страха! Ради какой-нибудь окаменелости я готов был идти хоть на край земли, но от одной мысли о том, чтобы покинуть Землю, испытывал настоящий ужас! А теперь я на Теллусе, и нисколько об этом не жалею. Удивительно, правда?

— Для меня это еще удивительнее, — отозвалась Мартина. — Я работала над диссертацией, в которой доказывала несостоятельность теории изогнутого пространства. И вот на опыте убедилась в ее справедливости!

Мы прошли уже полдороги, когда тревожно завывла сирена.

— Черт, опять эти проклятые твари! Скорей в убежище!

Такие убежища от гидр стояли теперь почти всюду. Мы припустились бегом, не думая о самолюбии, хотя на этот раз у меня, кроме ножа и револьвера, был с собой автомат. Заставив Мартину войти внутрь, я остался на пороге, приготовившись стрелять. Вдруг передо мной появилась черная фигура кюре.

— Ах, это вы, мосьё! Откуда летят гидры?

— Наверное, с севера. Сирена дала только один сигнал.

Высоко над нами появилось зеленое облачко. Совсем рядом с ним вспухли черные клубочки — разрывы ракет.

— Недолет! Ого, а вот это уже лучше!

Следующий зал угодил прямо в середину стаи, и через несколько секунд на землю начали падать клочья зеленого мяса. Оставив дверь полуоткрытой, я нырнул в убежище: даже после смерти гидры кожа ее причиняет жестокие ожоги.

Внутри Мартина беседовала с кюре, поглядывая в окошко с толстым стеклом.

Внезапно она позвала меня:

— Жан, скорее сюда!

Я бросился к окошку: к нам со всех ног бежал мальчик лет двенадцати, а за ним гналась гидра. До убежища оставалось еще метров полтора. Несмотря на смертельную опасность, мальчишка, видимо, не растерялся: он бежал зигзагами, умело используя деревья, которые мешали его преследователю. Вся эта сцена мелькнула передо мной, как при вспышке молнии; в следующее мгновение я уже был снаружи. Гидра набрала высоту и теперь пикировала.

— Ложись! — закричал я.

Мальчик понял и прижался к земле; гидра промахнулась. Я дал по ней очередь. Чудовище подскочило в воздухе и снова развернулось для нападения. Я вскинул автомат. После второго выстрела ствол заклинило. В чехле у меня был запасной ствол, но поставить его я бы не успел. Отбросив автомат, я выхватил револьвер. Гидра приближалась.

И тогда мимо меня, пытая, пронесся наш толстячок кюре в своей развевающейся сутане. Так быстро он, должно быть, не бегал ни разу в жизни. Когда гидра спикировала, кюре успел прикрыть малыша своим телом и принял на себя смертоносный укол. За эти секунды я, наконец, сменил ствол и выпустил несколько очередей. Мертвое чудовище рухнуло на тело своей жертвы.

Я огляделся: других гидр поблизости не было. С трудом освободил я труп кюре. Мартина легко подняла мальчугана, потерявшего сознание, и мы пошли к деревне. Жители опасливо отпирали забаррикадированные изнутри двери. Мальчик очнулся, и, когда его передали матери, он уже мог идти сам.

На площади у колодца нам повстречался мрачный Луи.

— Скверный день, — сказал он. — У нас двое убитых.

— Трое, — поправил я и объяснил, кто третий.

— Жаль. Признаться, я не люблю кюре, но этот погиб смертью храбрых. Надо похоронить всех троих с почестями.

— Делай как хочешь, им-то это уже безразлично.

— Нужно поднять настроение остальных. Многие в панике, несмотря на то, что мы сбили тридцать две гидры.

Если бы гидры нападали ежедневно, я не знаю, чем бы все это кончилось. Но, к счастью, до самой великой битвы они больше не появлялись, люди постепенно пришли в себя, и нам даже приходилось время от времени устраивать нагоняй слишком беспечным наблюдателям.

IX. ЭКСПЕДИЦИЯ

К тому времени, когда был разработан план экспедиции, мне стало ясно, что я люблю Мартину. Каждый вечер мы с ней

поднимались к дому моего дяди обедать. Я делился с Мартиной своими замыслами, и она мне давала немало полезных советов.

От вечера к вечеру мы становились все ближе друг другу, и однажды, уж не помню как, перешли на «ты». А в один из вечеров, когда Мишель ожидал нас на пороге дома, мы появились перед ним рука об руку. С лукавой усмешкой он простер руки над нашими головами и торжественно произнес:

— Дети мои, в качестве главы семьи даю вам свое благословение!

Смутившись, мы переглянулись.

— Что такое? Может быть, я ошибся?

Мы ответили одновременно:

— Спроси у Мартины!

— Спроси у Жана!

И все трое покатались со смеху.

А на следующий день на заседании Совета я изложил давно задуманный план экспедиции.

— Сумеете ли вы, — обратился я к Этранжу, — переделать грузовую машину в своего рода легкий броневик с дюралевой броней и башней для станкового пулемета? При исследовании Теллуса без этого не обойтись.

— А для чего вообще нужно такое исследование? — вмешался Луи.

— Очень нужно. Ты знаешь, сырья у нас в обрез. Железной руды едва хватит на пару лет, и то, если мы будем экономить. Нас окружают болота и степь, искать рудные выходы здесь очень сложно. Нам надо добраться до гор. Кстати, там мы, может быть, найдем и леса. наших деревьев надолго не хватит, а древесина нужна. Может быть, мы встретим полезных животных, может быть, отыщем уголь — кто знает! А может быть, найдем такое место, где нет гидр. Вряд ли они улетают далеко от своего болота!

План экспедиции был утвержден единогласно. Этранж дал рабочим указания приступить к переделке грузовика.

Мы заново перебрали весь мотор, всю ходовую часть, и в моем распоряжении оказалась достаточно мощная боевая машина, которой не страшны никакие гидры. Горючего нам должно было хватить на четыре тысячи километров, запаса продовольствия — на двадцать пять дней. Во время испытаний грузовик легко шел по дороге со скоростью шестидесяти километров в час, но по пересеченной местности нужно было рассчитывать самое большее на тридцать.

Тем временем я продолжал подбирать экипаж. У меня уже был список на шесть человек:

Начальник экспедиции и геолог — Жан Буна.

Заместитель начальника — Бреффор.

Зоолог и ботаник — Вандаль.

Штурман — Мишель Соваж.

Геологоразведчик — Бельтер.

Механик и радист — Поль Шэффер.

Последний, бывший бортмеханик, был другом Луи.

Я не знал, кого взять седьмым. Мне хотелось пригласить Масакра, но тому нельзя было отлучаться из деревни, ведь его помощь могла понадобиться в любой момент. Оставив незакон-

ченный список на столе, я куда-то вышел, а когда вернулся, вижу смелым почерком Мартины было приписано:

Санитарка и повариха — Мартина Соваж.

Сколько мы с Мишелем ни бились, нам не удалось ее отговорить. В конечном счете я был даже рад, когда Мартина заставила меня сдать: она была сильна, смела, превосходно стреляла, и, кроме того, я был уверен, что в нашем «броневике» нам, в сущности, нечего опасаться.

И вот настало утро голубого дня, когда мы заняли свои места. Я сел за руль, Мишель и Мартина рядом со мной, Шэффер, Вандаль и Бреффор вылезли на крышу, а Бельтер забрался в башню к пулемету; со мной он был связан телефоном. Перед отъездом я убедился, что водить машину, исправлять обычные поломки и стрелять из пулемета может каждый из нас.

Я был взволнован, счастлив и распевап во всю глотку. Мы проехали мимо развалин замка; потом вдоль полотна узкоколейки по новой, едва намеченной дороге, выбрались к руднику. Дружески помахав рабочим, мы двинулись дальше, в степь, по серой теллусийской траве.

Сначала то здесь, то там еще попадались земные растения, но вскоре они исчезли. Через час последняя колея, самая крайняя точка, до которой мы доезжали во время наших разведок, осталась позади. Перед нами лежали неизведанные края.

Легкий западный ветерок волновал траву. Почва была твердой и удивительно ровной. Серая степь расстилалась вокруг, насколько хватал глаз. На юге плыли редкие белые облачка, «обыкновенные облака», как заметил Мишель.

— В каком направлении мы едем? — спросил он, раскладывая на планшете свои штурманские приборы.

У Теллуса оказался такой же постоянный магнитный полюс, как у Земли, и наши компасы действовали превосходно, с той лишь разницей, что здесь северный конец стрелки указывал на юг.

— Сначала прямо на юг, потом на юго-восток. Так мы, надеюсь, обогнем болото. Потом прямо к горам.

В полдень мы остановились и первый раз позавтракали «под сенью грузовика», как выразился Поль Шэффер, — сенью скорее воображаемой, чем реальной. Хорошо еще, что дул слабый ветерок.

Мы весело попивали вино, когда трава рядом с нами вдруг зашевелилась и оттуда выскочила огромная гадюка. Не дав нам опомниться, она ринулась вперед и впилась... прямо в левую переднюю шину грузовика. Та тотчас начала оседать с характерным шипением.

— А, чтоб тебя! — выругался Поль, прыгнул в кабину и выскочил обратно с топором в руках.

— Не испортите ее, прошу вас! — закричал Вандаль, но Поль не обратил внимания; одним ударом рассек змею, да так, что лезвие топора ушло в почву по самую рукоятку.

— Должно быть, эта добыча показалась ей сухой, — проговорил Мишель, пытаясь разжать челюсти гадюки.

Но для этого понадобились клещи. Размонтировав шину, мы убедились, что желудочный сок этой твари обладал невероятной силой: резина уже сморщилась, а корд вокруг прокола растворился бесследно.

— Прошу прощения, — сказал Мишель, поворачиваясь к останкам гадины. — Я не знал, мадам, что вы можете переваривать каучук!

К концу третьего дня пути мы проехали уже шестьсот пятьдесят километров и заметно приблизились к горам. Местность менялась: теперь вокруг были цепи холмов, вытянутые с юго-запада на северо-восток.

Уже вечерело. Мы остановились у подножия красноватого глинистого холма. Захватив автомат, я вылез из грузовика и отправился прогуляться. Шел я не торопясь, поглядывал время от времени на небо и раздумывал над тем, можно ли применять на Теллусе законы земной геологии. Когда я уже склонялся к положительному ответу, мне почудилось в воздухе что-то странное, необъяснимое, но очень знакомое. Я остановился. Передо мной расстилалось небольшое маслянистое болотце со скудной растительностью: пучки ржавой травы лишь кое-где торчали из воды, затянутой радужной пленкой. От неожиданности я чуть не подскочил: от болотца тянуло нефтью!

Я приблизился. Там, где оно слегка вдавалось в берег, на поверхность вырывались пузырьки газа. От огня зажигалки они легко вспыхивали, но это еще ничего не доказывало, — обыкновенный болотный газ тоже горит. Но радужная пленка... По всем признакам здесь была нефть, и, очевидно, на незначительной глубине.

Тщательно отметив на маршрутной карте это место, мы двинулись дальше, огибая с юга цепь холмов. Они не поднимались выше восьмисот метров.

Сразу за холмами перед нами предстала могучая горная гряда со снеговыми вершинами. Центральная была особенно хороша! Ее гигантские размеры поражали глаз. Черная, как ночь, под ослепительной снежной шапкой, она походила на огромный конус с геометрически правильными очертаниями. Мы назвали ее пик Тьмы.

Мишель сделал прикидку, быстро вычислил его высоту и даже присвистнул от удивления:

— Ого! Не меньше двенадцати тысяч семисот метров!

— Двенадцать? Значит, это выше Эвереста на...

— Да, на три километра с лишним.

Мы двигались к подножию черного великана, как вдруг перед нами возникло почти непреодолимое препятствие. Местность резко пошла под уклон, и внизу на дне широкой долины мы увидели реку. Берега ее покрывали древовидные растения; из всего, что нам до сих пор попадалось, ничто еще так не походило на наши земные деревья.

Но как переправиться через реку? Не очень широкая, всего метров двести, она была глубока и стремительна, с черной жуткой водой. В память о родном крае я назвал ее «Дордонь». Гидры вряд ли могли обитать в ее быстрых водах, но на всякий случай следовало держаться настороже.

Мы двинулись вверх по течению, надеясь отыскать подходящее место для переправы, и к вечеру неожиданно достигли истоков реки: глубокая и полноводная, она вытекала из-под известнякового обрыва, поросшего кустарником. Нелегко было провести машину по этому скалистому мосту, заваленному

крупными обломками и пересеченному рывтинами, но в конце концов нам это удалось. По противоположному берегу мы спустились немного ниже и повернули опять к пику Тьмы. Он одиноко возвышался на равнине далеко впереди остальных гор.

Широкие потеки застывшего вулканического стекла, обсидиана, спускались к самому подножию горы. К одному из них я подошел, даже не подозревая, что меня ждет. Куча обсидиановых осколков лежала на выступе. Один из них чем-то привлек мое внимание. Казалось, он был искусно обколот по форме лаврового листа...

Точно такие же наконечники для стрел изготавливали на Земле наши далекие предки в доледниковую эпоху.

Х. ССВИСЫ

Я поздравил всех и показал свою находку.

— Может быть, это игра природы? — спросил Мишель.

— Но взгляни на форму, на отделку. Это точная копия наконечника каменного века.

— Значит, — продолжал Мишель, — следует предположить, что на Теллусе есть люди?

— Не обязательно, — ответил Вандаль. — Разум может существовать и в иных формах, не похожих на наши. До сих пор животный мир на Теллусе ничем не напоминал земную фауну.

— А может быть, это сделали... люди с Земли?

— Не думаю. На Земле я знал всего нескольких человек, способных обрабатывать камни доисторическим способом. Чтобы сделать такой наконечник, нужно большое умение, а оно достигается лишь годами практики, можешь мне поверить! Но как бы то ни было, надо быть настороже.

Так мы и сделали. Я проверил фары и прожектор, вмонтированный во вращающуюся башенку. Ночной караул решили удвоить. Первыми встали на пост мы с Мишелем: он поднялся в башню, а я сел на переднее сиденье, просунул в амбразуру ствол автомата и, разложив под рукой магазинные коробки, вызвал Мишеля по телефону:

— Знаешь, давай переговариваться время от времени! Чтобы не заснуть.

— Договорились.

Странный оглушительный крик, похожий на трубный рев слона, прозвучал в темноте совсем близко от нас. Он закончился жутким, режущим нервы свистом. Наверное, такие голоса были у гигантских ящеров Вторичной Эры. Неужели мы забрались в царство тиранозавров?

— Ты слышал? — пропентал Мишель в телефон.

— Еще бы!

— Что за чертовщина! Включить свет?

— Тебе жизнь надоела?

Странный вопль прозвучал снова, на этот раз ближе. При слабом свете Селены я различил за стеной деревьев какую-то огромную массу. Она шевелилась! Сдерживая дыхание, я встал обойму в магазин. Щелчок затвора показался мне оглуши-

тельным. Чуть слышно скрипнула, разворачиваясь, башня. Мишель наверняка тоже заметил «это» и наводил пушку. Потом стало так тихо, что я уловил даже похрапывание Вандаля. Я уже раздумывал, не поднять ли всех по тревоге, когда темная масса двинулась и вышла из-за деревьев. В полумраке я различил зубчатую горбатую спину, короткие толстые лапы и плоскую длинную голову с рогами.

Что-то странное в походе чудовища привлекло мое внимание. Лишь с грудом я понял: у зверя было шесть лап! Длиною метров двадцать пять — тридцать, он достигал пяти-шести метров в высоту. Я тронул пальцем предохранитель, проверяя, сдвинут ли он, но стрелять не решился; нервы были слишком напряжены, и я боялся, что очередь пойдет мимо.

— Смотри! — прошептал я. — Приготовься, но не стреляй.

Чудовище зашевелилось. Оно шло на нас. Голова с разлапистыми рогами блестела при лунном свете. Чуть извиваясь и почти волоча длинное туловище, зверь вошел в тень деревьев, и я потерял его из виду. Это были страшные минуты! Когда зверь снова появился на открытом месте, он был уже далеко и вскоре совсем исчез в ночной темноте. Облегченное «уф-ф-ф!» послышалось в телефонной трубке.

— Осмотрись вокруг, — приказал я Мишелю.

По скрежету педалей я понял, что он выполняет приказ. Вдруг до меня донесся приглушенный возглас.

— Иди сюда! — позвал Мишель.

Я поднялся по крутой лесенке в башню и кое-как втиснулся между Мишелем и пулеметом.

— Смотри прямо, там, вдалеке!

Вечером до наступления темноты мы заметили в той стороне обрывистую скалу. Теперь там мерцали огоньки, которые временами заслоняли какие-то тела.

— Костры! В пещерах! Вот где живут наши мастера каменного века!

Словно загипнотизированные, мы не отрывали глаз от этого зрелища. Так нас и застал восход красного солнца.

Проснулся Вандаль и никак не мог успокоиться.

— Почему вы нас не разбудили? — досадовал он. — Подумать только, я не видел это животное!..

— С вашей стороны это просто нечестно, — поддержала его Мартина.

— Мы об этом подумали, — оправдывался я, — но пока чудовище было рядом, я боялся сумятицы, а потом... потом оно ушло. Ну ладно, теперь мы с Мишелем посним, а вы, Вандаль и Бреффор, становитесь на пост. Смотрите в оба! Стреляйте только в случае крайней необходимости. Но если уж придется, не стесняйтесь! Когда взойдет Гелиос, разбудите меня.

Но поспать удалось не больше часа. Трескотня выстрелов и резкий толчок тронувшегося грузовика заставили меня спрыгнуть с койки, и тут же мне на голову свалился Мишель.

— Что случилось? Почему мы едем?

— Степной пожар. Трава горит.

— В кого вы стреляете?

— В тех, кто поджигает степь. Смотрите, вот они!

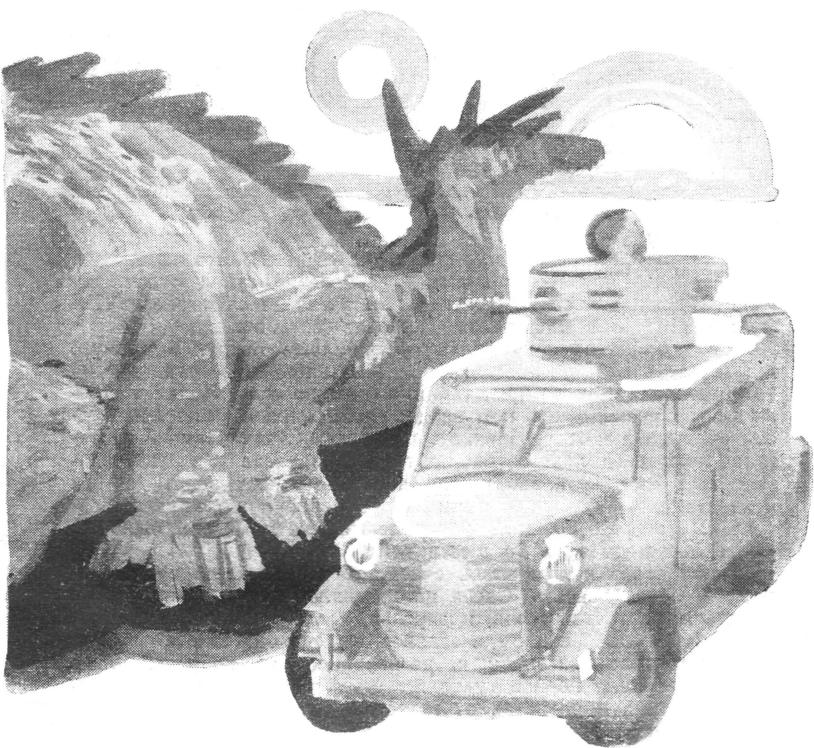

Над верхушками высоких трав быстро двигались фигуры, отдаленно похожие на человеческие.

— Всадники?

— Нет, кентавры.

И словно для того чтобы оправдать меткость определения Вандаля, одно из этих созданий появилось метрах в ста перед

нами на открытом участке. С первого взгляда оно действительно походило на легендарных полулюдей-полуконей: горизонтально поставленное тело на четырех высоких тонких ногах, а спереди вертикальный, почти человеческий торс с двумя длинными руками и лысой головой. «Кентавр» был рослый, около двух метров. Его коричневая кожа лоснилась, как индийский каштан, только что очищенный от скорлупы. В одной руке он держал связку каких-то палок. Вдруг «кентавр» бросился к нам и, схватив палку правой рукой, метнул ее в грузовик.

— Дротик! — воскликнул я с удивлением.

Копье воткнулось в землю в нескольких метрах перед грузовиком и затрещало под колесами. В то же мгновение из глубины грузовика донесся отчаянный крик:

— Скорее! Скорее! Огонь догоняет нас!

— Мы и так выжали все, что можно, — ответил я. — Огонь близко?

— Метрах в трехстах. Ветер гонит его за нами!

Мы продолжали мчаться прямо вперед. «Кентавры» исчезли.

— Как все произошло? — спросил я Мартину.

— Мы разговаривали о чудовище, которое вы видели ночью. Вдруг Бреффор сказал Вандалю, что сзади загорелись костры! Едва он успел договорить, примерно сотня этих созданий бросилась к нам, размахивая копытами. У некоторых, по-моему, были даже луки. Мы начали отстреливаться и поехали.

— Огонь настагает! — прокричал Бельтер.

Подхваченные ветром искры обгоняли грузовик, зажигая все новые очаги, которые приходилось объезжать.

— Попробуй прибавить газу, Поль!

— Выжал до конца. Шестьдесят в час. Если полетят полуоси...

— Налево, Поль, налево! — перебил его Бреффор. — Там голая земля.

Поль Шэффер резко свернул, и через несколько мгновений мы оказались на широкой полосе рыжеватой сухой глины, лишенной всякой растительности. Горы были уже близко, и Гелиос поднимался над ними. Грузовик остановился.

Наше положение значительно улучшилось: вокруг в радиусе десятка километров простиралось пустынное пространство, на котором наше оружие представляло грозную силу. Копья и стрелы не могли причинить нам вреда; единственным уязвимым местом бронированного грузовика были шины. Стена пламени постепенно окружала наш остров, обтекая его слева. Впереди, спасаясь от огня, катилась живая волна странных зверей самых причудливых форм размерами от землеройки до крупной собаки. Некоторых Вандаль ухитрился поймать. У них было по шесть лап и от трех до шести глаз.

Справа огонь натолкнулся, очевидно, на влажную растительность и начал угасать. Слева пламя ушло далеко вперед. Вот оно достигло густой рощи, и деревья, яростно треща, запылали, словно облитые бензином. Раздался ужасающий рев. Огромная туша вырвалась из чащи и, раскачиваясь на ходу, ринулась к нам. Это было ночное чудовище или его собрат. Оно остановилось метрах в пятистах от грузовика. Теперь я смог разглядеть его подробнее.

Общими очертаниями зверь походил на динозавра, только шестиногого. Его зубчатый хребет заканчивался длинным хвостом, усаженным шипами. Тело покрывала сверкающая зеленая чешуя. На вытянутой морде длиной метра в четыре торчал целый ряд рогов, на голове было еще два разветвленных рога и три глаза: один спереди и два по бокам. Когда шестиногий ящер обернулся, чтобы лизнуть ожог на боку, я увидел его фиолетовую пасть с огромными острыми клыками и длинный красный язык.

В тот же миг рядом с ящером появилось десять «кентавров», вооруженных луками. Стрелы посыпались на чудовище. Оно повернулось и бросилось на своих врагов. Те увертывались с поразительной ловкостью; движения их были стремительны и грациозны, а скоростью они превосходили лучших рысаков. И это их спасало, потому что чудовище оказалось на диво подвижным. Захваченные зрелищем сказочной охоты, мы только смотрели, не решаясь вмешиваться. К тому же стрелять было невозможно: охотники вихрем кружились вокруг дичи. Я уже хотел было отдать приказ подъехать ближе, когда один из «кентавров» вдруг поскользнулся, мгновенно был схвачен и растерзан у нас на глазах.

— Вперед! Оружие к бою!

Мы двинулись к ящеру на средней скорости, чтобы можно было в случае необходимости сманеврировать.

Как ни странно, мне кажется, что «кентавры» нас заметили лишь тогда, когда мы были от них всего в сотне метров. Они тотчас перестали осыпать ящера стрелами и собрались группами по трое. По мере того как мы приближались, «кентавры» отходили, оставляя нас лицом к лицу с разъяренным чудовищем. Нужно было во что бы то ни стало избежать столкновения с ним: огромный ящер мог просто раздавить грузовик.

— Огоны! — скомандовал я.

Чудовище нападало. Автоматные очереди и бронебойные пули тяжелого пулемета уже не могли его остановить. Шэффер яростно крутанул руль налево. Мне почудилось, что шестиногий динозавр скользнул куда-то правее, и в то же мгновение боковая броня прогнулась от страшного удара его хвоста. Башня развернулась молниеносно; пулемет продолжал строчить. Чудовище сделало еще рывок, споткнулось и рухнуло замертво. «Кентавры» наблюдали за нами издалека.

Гигантский ящер не шевелился. Сжимая автомат, я вышел из грузовика вместе с Мишелем и Вандалем. Мартина хотела последовать за нами, но я запретил.

Едва мы сделали несколько шагов, как «кентавры» бросились на нас с пронзительным, свистящим кличем: «Сви-и-и! Сви-и-и!» Затрещал автомат и тут же умолк: очевидно, заклинило патрон. Пулемет из башни дал всего два одиночных выстрела: нападающие были слишком близко. Теперь мы стреляли в упор. Меткая очередь скосила сразу трех «кентавров», еще двое, по видимому, были ранены и повернули назад. Остальные продолжали атаковать, осыпая нас дождем стрел, к счастью летевших мимо. Вдруг кто-то обхватил меня сзади, оторвал от земли и понес. Кисти мои были притиснуты к бокам, и револьвер бесполезно болтался в левой руке. Я слышал за спиной выстрелы, но даже не мог обернуться. Ветер свистел в ушах, сухая земля звенела под копытами моего похитителя.

Я понимал, что медлить нельзя. Отчаянным усилием мне удалось на миг разжать объятия своего противника и высвободить правую руку. Перехватив револьвер, я нащупал дулом голову существа, которое меня уносило, и выстрелил пять раз подряд; страшный толчок швырнул меня на землю.

Когда я приподнялся, «кентавры» были метрах в трехстах, а с другой стороны ко мне на полном ходу приближался грузовик. Его автоматы и пушка почему-то молчали. Почти не надеясь на спасение, я бросился навстречу машине. Я задыхался, в боку у меня колело, а галоп преследователей слышался все ближе и ближе за спиной. Мишель, высунувшись из люка башни, делал мне отчаянные знаки.

— Стреляйте! — закричал я. — Почему не стреляете?

И только тут понял: друзья боятся попасть в меня. Я бросился наземь, повернувшись лицом к врагу: в револьвере осталось еще три пули. И в то же мгновение первые очереди пронесли над моей головой, срезав разом десяток преследователей. Ошеломленные «кентавры» остановились; лишь двое продолжали скакать ко мне. Я уложил их двумя выстрелами.

Заскрипев тормозами, грузовик остановился возле меня. Дверца открылась, я одним прыжком вскочил внутрь и захлопнул ее за собой. Стрелы забарабанили по броне, царапая плексиглас смотровых окон; одна из них влетела прямо в бойницу и впилась, дрожа, в спинку сиденья. Пришлось снова открыть огонь, и только тогда уцелевшие «кентавры» бежали. Поле боя осталось за нами.

— Ну, старина, ты счастливо отделался! — поздравил меня Мишель. — Какого черта ты не лег раньше?!

— Теперь-то легко рассуждать!.. Потерь нет?

— Вандалю во время схватки попала в руку стрела. Рана пустяковая... если только стрела не отравлена.

Мы с Мишелем и Вандалем вылезли из грузовика, чтобы рассмотреть чудовище, а заодно и трупы «кентавров», оставшихся на месте схватки. Удивительные создания эти «кентавры», или, как мы называли по их боевому кличу, свиссы; кстати, они называют себя так же. У них цилиндрическое тело с коротким чешуйчатым хвостом. На руках по шесть пальцев неравной длины; два из них противостоят. Голова круглая и безухая: уши заменяют перепонки, закрывающие внутренние слуховые раковины. Три глаза светло-серого цвета; средний, самый большой, расположен посередине лба. Широкий рот вооружен острыми, как у ящера, зубами; нос, длинный и мягкий, спускается почти до самых губ.

Вандаль наскоро произвел вскрытие одного «кентавра». У него оказалась большой развитый мозг, защищенный, помимо черепа, хитиновой оболочкой, и гибкий, но достаточно прочный костяк.

В вертикальном торсе у них расположены два могучих легких и сердце с четырьмя отделениями; желудок, кишки и прочие внутренние органы занимают горизонтальную часть тела. Кровь густая, оранжевого цвета.

— У этих существ много общего с людьми, — сказал в заключение Вандаль. — Они пользуются огнем, делают луки, обтачивают камни; короче — это разумные создания. Какая жалость, что наше знакомство началось так печально!

Действительно, у «кентавров», кроме оружия — луков или дротиков с искусно обточенными обсидиановыми наконечниками, — было даже нечто вроде одежды: вокруг верхней части туловища они носили широкие пояса из растительных волокон тончайшего плетения, с большими карманами, в которых оказались самые разнообразные орудия из обсидиана.

Мы связались по радио с Советом. На вызов ответил мой дядя. Я рассказал ему о встрече со свиссами и об открытии нефти. Он, в свою очередь, поделился новостями: последние дни гидры все время пролетают над «земной» территорией, но не нападают. Ракеты сбили уже штук пятьдесят. Я предупредил Совет, что мы намерены продвинуться дальше на юго-запад. Грузовик был в отличном состоянии, у нас еще оставалась почти половина горючего, вдоволь продуктов и боеприпасов. Пока мы проехали тысячу семьдесят километров.

Покинув поле сражения, мы двинулись дальше. Вскоре нам встретилась еще одна река, которую мы называли «Везер». Она была меньше Дордони и местами суживалась до пятидесяти метров. Однако переправиться оказалось нелегко, так как те-

чение было стремительное и глубина порядочная. И все же мы ее пересекли, но об этой переправе я до сих пор не могу вспоминать без дрожи.

Поднимаясь вверх по реке, мы доехали до водопада: здесь Везер низвергался с уступа почти тридцатиметровой высоты. Осмотрев местность, я решил, что этот уступ и скалы на берегу возникли в результате геологического сброса. Несколько километрами выше нам посчастливилось найти подходящий для машины пологий спуск, и грузовик осторожно съехал к самой реке. А что делать дальше? И тут в голове Мишеля зародилась отчаянная мысль.

— Смотри! — сказал он, показывая на широкий плоский утес, выступавший из воды метрах в десяти от берега, и еще три таких же огромных камня, расположенных почти в одну линию с перерывами в пять-шесть метров между ними. — Вот быки моста. Остается положить настил!

Я уставился на него с открытым ртом.

— Настил? Из чего?

— Здесь рядом я видел деревья высотой от десяти до двадцати метров. У нас есть топоры, веревки, гвозди. Найдутся и кусты, достаточно гибкие для связок.

— А тебе не кажется, что это немного рискованно?

— А вся наша экспедиция не рискованна?

Бреффору план Мишеля показался выполнимым.

— Конечно, придется попотеть, — сказал он. — Впрочем, бывало и хуже.

Свалив и очистив от ветвей стволы деревьев, мы грубо обтесали их, потом грузовик отбуксировал бревно метров на пятьдесят выше водопада. Теперь нужно было занести конец одного бревна на первый утес. Я ломал себе голову, как это сделать, когда увидел, что Мишель быстро сбрасывает одежду.

— Надеюсь, ты не собираешься перебираться вплавь?

— Собираюсь. Дай мне конец веревки. Я нырну здесь, и течение снесет меня прямо на камни.

— С ума сошел!

— Не бойся. В университете я был чемпионом по плаванию — сто метров за пятьдесят восемь и четыре сотых секунды. Скорее, пока сестра не видит! Я-то не боюсь, а ей волноваться незачем.

Войдя в воду, Мишель устремился к середине реки и, отплыв метров на десять от берега, отдался во власть течения. Мы с Бреффором держали веревку, второй ее конец опоясывал Мишеля. В нескольких метрах от утеса пловец бешено заработал руками и ногами, борясь с потоком, который увлекал его к пропасти, ухватился за выступ, одним толчком подтянулся и встал на камень.

— Бррр!!! Водичка-то холодная! — заорал Мишель, стараясь перекричать грохот водопада. — Привяжите мою веревку к одному концу бревна, а ко второму — еще одну и спускайте потихоньку. Вот так, так... Держите крепче, не давайте бревну плыть вниз!

Огромная балка уткнулась одним концом в камень, а другим, который удерживали мы, заскребла по мелководью. Не без труда занесли мы свой конец на берег, потом Поль, Бреффор и я переправились к Мишелю.

Вчетвером мы вытащили другой конец бревна на огромный камень и укрепили стальными скобами. Первая балка моста была проложена.

Чтобы проложить вторую, пришлось проделать все сначала. К вечеру мы поставили третью. Ночь прервала работу. Я устал, Мишель и Поль измучились основательно, и только Бреффор был еще довольно свеж. Вместе с ним я встал на первую вахту, до полуночи. Во вторую смену дежурили Вандаль и Бельгер, в третью уже после восхода Соля — одна Мартина.

Еще четыре дня ушло на то, чтобы положить настил. Наша стройка имела самый живописный, хоть и странный, вид. Погода стояла ясная, чуть прохладная, воздух был по-молодому свеж и прозрачен. В день, когда работа подходила к концу, во время полуденного завтрака я откупорил пару бутылок старого вина, которое вдохнуло в нас безграничный оптимизм. Расположившись на серой траве подле грузовика, мы благодушно смаковали последнее сладкое блюдо, когда в воздухе засвистели стрелы. К счастью, никто не был ранен, только шина грузовика оказалась пробитой. Схватив автомат, я припал к земле и начал щедро поливать очередями ближайшую полосу деревьев. Пули достигли цели. Из-за деревьев выскочила группа свисов и обратилась в бегство.

Уже не так весело — ведь все могли погибнуть! — поспешили мы доделать настил, и Поль сел за руль. Грузовик осторожно въехал на мост. Наверное, ни один инженер, даже построивший величайший в мире виадук, не испытывал такой гордости, как мы, и... такого облегчения, когда, наконец, перебрались на противоположный берег.

День закончился без происшествий. Перед закатом я наметил маршрут на завтрашний день. Мы решили ехать прямо на юг, держа курс на гору, которая хотя и была много ниже пика Тьмы, но все же достигала в высоту добрых три тысячи метров. В полночь — была моя очередь дежурить — я заметил на вершине этой горы светящуюся точку. Что это, вулкан? Но огонек скоро погас. Истина предстала передо мной, когда он снова зажегся, но теперь много ниже, на склоне. Световая сигнализация! Я оглянулся. Позади, на холмах по ту сторону реки, вспыхивали ответные огни. Не в силах скрыть беспокойства, я поделился своими наблюдениями с Мишелем.

— Приятно мало, — согласился он. — Если свисы объявят всеобщую мобилизацию, нам придется худо, несмотря на превосходство вооружения. Ты заметил, что они не боятся огнестрельного оружия? Да и боеприпасов у нас маловато...

— И все же я хочу добраться до этой Сигнальной горы. Ведь только там можно найти руды. Мы сделаем быстрый рейд.

Утром, сменив проколотую стрелой шину, мы двинулись в путь. Местность незаметно повышалась, потом стала холмистой, изрезанной ручьями, через которые машина не всюду могла пройти. В одной маленькой долине я заметил в скалах зеленоватые прожилки: это был гарнирит, довольно богатая никелевая руда. Долина оказалась настоящей рудной сокровищницей. К вечеру у меня уже были образцы никеля, хрома, кобальта, марганца, железа, а главное — великолепного каменного угля, мощными

слоями выходявшего прямо на поверхность. О такой удаче можно было только мечтать!

— Здесь будет наш металлургический центр, — сказал я.

— А сввисы? — возразил Поль.

— Будем жить, как американские пионеры геронических времен. Почва здесь, по-видимому, плодородная. Начнем распахивать целину, добывать руды и сражаться, если потребуется. Во всяком случае, здесь нет гидр — мы их не видели ни разу, и это одно стоит всего остального.

— Да будет так! — согласился Мишель. — Да здравствует Кобальт-сити! Но как мы перегащим сюда все наше оборудование и машины?

— Как-нибудь перевезем. Сначала надо запастись нефтью, а это не так-то просто.

Мы свернули на север, потом на запад. В шестидесяти километрах от долины я обнаружил залежи бокситов.

— Да ведь здесь сущий рай для геологов! — не выдержала Мартина.

— Нам повезло, — отозвался я и, уже думая о своем, добавил: — Надеюсь, повезет и дальше...

Все это утро я ломал голову над задачей: нельзя ли как-нибудь заключить союз со сввисами? Вероятно, здесь обитает множество враждующих между собой племен. Нельзя ли привлечь хоть часть сввисов на нашу сторону? Но прежде всего нужно завязать с «кентаврами» какие-то иные отношения.

— Если снова столкнемся со сввисами, — проговорил я, обращаясь ко всем, — надо захватить хотя бы одного живым.

— Это еще зачем? — удивился Поль.

— Попробуем узнать язык сввисов или научим их нашему. Это может пригодиться.

— Вы полагаете, что ради такого опыта стоит рисковать жизнью? — осведомился Вандаль, хотя сам только и мечтал о подобной возможности.

На следующий день мы остановились из-за неполадки в машине. Пока Поль возился с механикой, на наших глазах произошла короткая схватка между тремя красно-коричневыми сввисами, которых мы уже встречали, и десятком других, меньшего роста, с черной блестящей кожей. Красные защищались отчаянно и уложили пять нападающих, но сами пали под градом стрел.

Я дал по победителям очередь из автомата; трое черных сввисов упали, остальные обратились в бегство. Тогда я вышел из-за деревьев, которые нас скрывали. Один красный сввис попробовал подняться, но тут же упал.

— Послушайте, Вандаль, постарайтесь его спасти! — попросил я.

— Сделаю, что могу, — сказал Вандаль, осмотрев сввиса, — ранения, кажется, легкие.

Сввис лежал неподвижно, с закрытыми глазами, и только по тому, как ритмично поднималась и опускалась его грудь, можно было понять, что он жив. Вандаль начал извлекать стрелы. Ему помогал Бреффор.

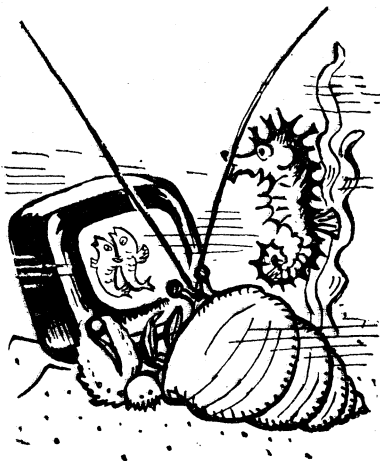
(Окончание следует.)

ЗОЛОТАЯ РЫБКА И ТЕЛЕВИЗОРЫ

О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ

Любопытные экспонаты демонстрировались недавно на «Выставке прессы» в Брюсселе. Среди них, например, была газета «Диарио Ординарио», которая выходила в Риме в 1779 году. Ее можно уместить на ладони: самая маленькая за всю историю прессы, эта газета имела размер 6 на 9 сантиметров. Зато бостонской «Нейшн» можно укрываться как одеялом. Ее размеры 165 на 120 сантиметров.

Дело давнее, и сейчас, конечно, трудно установить, что думали их издатели о читателях...

Рыбаки небольшого шотландского города Кронбери жили скромно: ловили рыбу, а на вырученные за нее деньги покупали одежду и сети. Но однажды море преподнесло рыбакам сюрприз: вместе с шотландской селедкой и тиной в рыбацкие сети попала партия телевизоров.

Никакой золотой рыбки не было. Телевизоры выпускала фирма, торгующая радиоаппаратурой. Они устарели. По старой цене их уже никто не брал, а продать дешевле фирма не решалась, опасаясь снижения цен на продукцию. Так телевизоры оказались в море, и рыбаки, наконец, приобрели их по «доступной» цене...

БРАК ПО РАСЧЕТУ

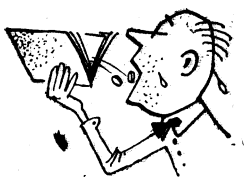
«Сочетайтесь браком только на строго научной основе!» — призывали рекламные проспекты.

Жаждающие семейного счастья толпами повалили в Висконсин (США), где в институте бракосочетания действовала электронно-счетная машина «Марк-II». Разборчивые невесты привозили длинные списки возможных женихов. Получив о них все необходимые сведения, электронная сваха мгновенно определяла самую подходящую кандидатуру.

Прошло несколько недель.

И вдруг разразился скандал. Другой, еще более совершенный электронный мозг, установленный в Лос-Аламосе, проверил расчеты висконсинской «свахи» и установил, что она ошиблась в 273 случаях.

Говорят, что мода на современный электронный брак по расчету уже прошла, и большинство американцев по-прежнему отдает предпочтение старинному надежному варианту — браку по любви.

ГУМАННЫЕ УБИЙЦЫ

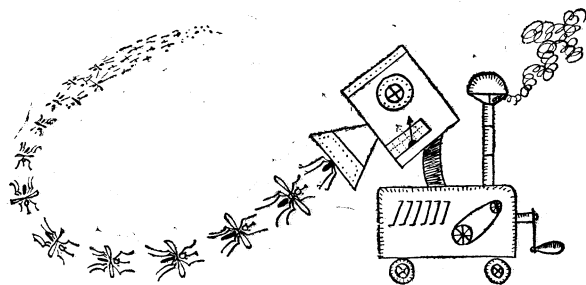
Учитывая психологическое воздействие на публику всякого рода «литературы ужасов», издательства Западной Германии выпустили последнюю серию приключений Мики Спилейна, снабдив обложку книги специальным кармашком с успокаивающими таблетками. Название детектива, изданного с небывалым сервисом, говорит само за себя: «Гуманный убийца».

Комары и техника

Вы знаете, конечно, как назойлив комариный писк. Энтомологи установили, что писк этот — звуки определенной частоты; причем у комаров-самцов и комаров-самок частота разная.

Техника использовала это открытие. Специальный генератор издает звуки такой частоты,

которая характерна для самок. Самцы слышат их на большом расстоянии и тучами слетаются к генератору. И тут их поглощают специальные всасывающие аппараты. Такой способ борьбы с комарами с успехом применяется в тропических странах.

Искатели привыкают к гостям

Человек стремится в космос. Он хочет ступить на другие планеты, познать их природу, разгадать процессы, происходящие во вселенной. Он мечтает заглянуть в недра звезд.

Возможно ли это? Ведь температуры там измеряются многими миллионами градусов. Есть ли способ установить, какие реакции протекают внутри звезд, что происходит в этих гигантских огнях вселенной?

Мы беседуем об этом с нашим гостем, известным советским ученым, профессором Давидом Альбертовичем Франк-Каме-нецким.

— Звезды — настоящие фабрики химических элементов, — говорит ученый. — В их пламенных недрах более тяжелые атомы свариваются из легчайших. Все известные ныне 103 элемента таблицы Менделеева зарождаются там.

— Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

— В начале прошлого столетия английский врач Вильям Праун высказал предположение, что все существующие химические элементы построены из водорода. Любопытно, что современная физика в известном смысле подтвердила эту догадку. Недавно ряд исследователей пришел к выводу, что вся обозримая астрономическими приборами вселенная состоит по весу на 76 процентов из водорода и на 23 процента из гелия. Только чуть больше одного процента приходится на все остальные элементы таблицы Менделеева. По-видимому, водород является своеобразным сырьем, из которого под влиянием высоких температур внутри звезд получается гелий, а при определенных условиях — и другие элементы.

— Ответьте, пожалуйста, еще на два вопроса, — про-

сим мы ученого. — Нет ли в наши дни непосредственной возможности «заглянуть» в недра звезд, получить информацию из их глубин так же, как мы получаем ее с поверхности небесных тел при помощи оптических и радиотелескопов? И какие проблемы, связанные с процессами внутри звезд, в данное время вас больше всего интересуют?

— Представьте, на оба вопроса у меня один ответ! — сказал Давид Альбертович. — Больше всего меня в данный момент интересует проблема получения непосредственной информации из звездных недр. Именно этой проблеме были посвящены сообщения члена-корреспондента Академии наук Б. М. Понтекорвса и мое, сделанные недавно на расширенном заседании Комиссии по космогонии Астросовета Академии наук СССР. Я говорю о принципах нейтринной астрономии.

...Есть, оказывается, лучи, которые пробивают звездные оболочки. Они представляют собой поток особых элементарных частиц — нейтрино. Это частицы-призраки: их ничто не задерживает. Нужны миллиарды солнц, поставленных друг за другом, чтобы поглотить нейтрино!

Вот эти-то нейтрино и их близнецы — антинейтрино вырабатываются во время звездных процессов. Если подсчитать их долю в числе других частиц, можно получить довольно отчетливое представление о процессах, происходящих внутри звезд. Звезды как бы становятся прозрачными, астрономы получают возможность их изучать так же, как врачи — человека перед рентгеновским аппаратом.

Мы попросили Д. А. Франк-Каменецкого рассказать об энергии звезд поподробнее.

ЭНЕРГИЯ ЗВЕЗД

Д. А. ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ,
профессор, доктор физико-математических наук

Вероятно, многим из вас приходилось по вечерам любоваться звездами. А задумывались ли вы, почему они светят? Такой вопрос не был бы проявлением праздного любопытства!

Звезда — гигантская силовая станция. Она непрерывно излучает в мировое пространство колоссальные количества энергии. В общем энергетическом балансе мира энергия звезд стоит на первом месте.

Мы на Земле ищем новых источников энергии. Но важно по-

интересоваться и тем, каковы ее основные источники за пределами нашей планеты: ведь изучение природы всегда выводит пути к развитию техники. Постараемся же проникнуть в суть тех таинственных процессов, которые рождают энергию звезд.

Заметим сразу же, что эта энергия имеет к нам, к жизни на Земле, прямое отношение. Самая близкая к нам звезда — наше Солнце. И вдумайтесь: все растения строят свое живое вещество за счет его энергии, поглощаемой хлорофиллом. Животные питаются растениями и получают с пищей эту накопленную солнечную энергию. Ископаемое топливо — каменный и бурый уголь, торф, нефть — остатки вымерших растений или животных. В них запасена для нас та же солнечная энергия, полученная Землей миллионы лет назад. Гидроэлектростанции тоже работают «за счет Солнца»: оно испарило воду в морях и океанах, вода сгустилась в облака и тучи, пролилась дождем, собралась в ручьи и реки и пришла к плотинам гидростанций. Даже энергия ветра рождена тем, что Солнце неравномерно нагревает разные участки земной поверхности.

Сейчас начинается эра атомной энергии. И вот ученые убеждаются: внутренним источником энергии Солнца оказывается та же атомная... Таким образом, техника движется к тому, чтобы воссоздать на Земле под контролем человека те самые процессы, которые рождают энергию в Солнце и других звездах.

Наше Солнце — всего лишь рядовая звезда. Но если перевести мощность этой космической силовой станции в технические единицы, то получится у нас умопомрачительная цифра — около трехсот тысяч миллиардов миллиардов киловатт. На Землю попадает лишь одна двухмиллиардная доля излучаемой Солнцем энергии. Но и это больше ста тысяч миллиардов киловатт!

Откуда же она берется? Пятьдесят лет назад это было неразрешимой загадкой. Классическая физика XIX века могла указать в данном случае только один источник энергии — нагревание от сжатия силой тяжести. Но этого источника Солнцу хватило бы только на тридцать миллионов лет, а оно освещает и греет нашу планету несколько миллиардов лет.

Итак, классическая физика становилась в тупик. Выход из него указала новая — атомная — физика.

Теперь мы знаем, что мельчайшая частица вещества — атом — состоит из ядра и окружающих его электронов. Ядра одних атомов обладают большим, других — меньшим запасом энергии. Первые могут превращаться во вторые, и при этом выделяются

громадные количества энергии. Ядерные реакции — вот источник энергии звезд.

Какое же именно вещество играет роль ядерного горючего в звездах? Спектральный анализ показал, что самым распространенным во вселенной веществом является легчайший элемент — водород. Ядро атома водорода — это простейшая ядерная частица — протон. Если четыре протона соединятся в ядро гелия, то выделится около двадцати восьми миллионов электроновольт энергии. Много это или мало? Чтобы сравнить теплотворную способность ядерного и обычного горючего, заметим, что при сгорании атома углерода выделяется всего около четырех электроновольт энергии. Теплотворная способность ядерного горючего в миллионы раз больше, чем у обычного.

Что нужно, чтобы четыре протона соединились в ядро гелия?

Они должны встретиться между собой, обладая при этом достаточно высокой скоростью. Маловероятно, чтобы четыре человека, не сговариваясь, встретились случайно все в одном месте. Не так часты были бы и встречи частиц вещества... Но реакция образования гелия в звездах идет не прямо, а в несколько актов. В каждом акте участвуют по две частицы. Несколько актов образуют так называемую цепочку. Простейшая цепочка — водородная. Она начинается с соединения двух ядер водорода (протонов) в ядро тяжелого водорода — дейтон. Дейтон, сталкиваясь еще с одним протоном, дает ядро легкого гелия (гелия-3). А если два ядра гелия-3 столкнутся между собой, то получится обычный гелий-4 и два протона отщелятся.

Так легкий водород превращается в более тяжелый гелий, а в результате превращения выделяется солнечная энергия.

Мы говорили: для того чтобы произошла ядерная реакция, сталкивающиеся частицы должны обладать достаточной скоростью. И вот почему. Все атомные ядра имеют положительный электрический заряд. А одноименно заряженные тела отталкиваются. Значит, чтобы сблизиться, они должны иметь достаточную скорость, позволяющую с разлету преодолеть силы электрического отталкивания.

Представьте себе лыжника, которому нужно преодолеть снежный бугор. Если есть возможность разогнаться, лыжник может не тратить на это дополнительных усилий. Электрическое отталкивание атомных ядер создает между ними как бы такой бугор. Его называют потенциальным барьером.

Разогнать частицы до больших скоростей можно, нагревая их до высокой температуры. Достаточно ли для этого температуры звезд?

Высчитано, что температура в центре Солнца равна примерно 10—15 миллионам градусов. С точки зрения классической механики такая температура недостаточна для того, чтобы придать ядрам необходимую скорость.

Но иначе говорит рожденная атомной физикой новая, так называемая квантовая механика. Она говорит: потенциальный барьер мы не должны представлять себе как непроницаемый бугор. Он скорее похож на сугроб рыхлого снега. Пусть скорость лыжника недостаточна для того, чтобы взлететь на вершину бугра: он может пробить себе отверстие (тоннель) сквозь рыхлый снег... Такой процесс в атомной физике называется подбарьерным, или туннельным, переходом. И в этом случае оказывается, что температура Солнца как раз достаточна для водородного цикла.

Итак, источник энергии Солнца перестал быть загадкой. Мы имеем все основания считать этим источником ядерные реакции, происходящие в водороде при температурах в миллионы градусов.

Надолго ли хватит Солнцу водородного ядерного горючего? За миллиард лет там выгорит всего лишь около процента водорода.

Но есть звезды, в которых выгорание должно происходить гораздо быстрее. Это гигантские, сравнительно молодые солнца...

Что будет со звездой, когда водород выгорит? Выгорание начинается в центре. Там образуется выгоревшее ядро. В этом ядре вещество сжимается до громадных плотностей. Если масса звезды мала, то она вся сжимается. Такие сверхплотные звезды называются белыми карликами. Если масса звезды велика, то вокруг ядра остается разреженная оболочка очень больших размеров. Такие громадные звезды называются красными гигантами.

Много еще неясного для нас в жизни звезд. Например, мы можем строить лишь догадки, как рождаются в звездах элементы более тяжелые, чем гелий. Но основной источник энергии для большинства звезд может считаться несомненным: это ядерные реакции, превращающие водород в гелий.

Этот процесс, когда человек научится управлять им, даст нам новый богатейший источник энергии.

В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ ЛИДЕ

Рис. П. Кирпичева

В. АМПИЛОВ,
В. СМЕРНОВ

Нет ничего удивительного в том, что лишь спустя много лет после окончания войны стало известно о героических подвигах подпольщиков Людинова, комсомольцев Каунаса, юных партизан Витебска, Гомеля, Херсона, Скиделя, Бреста... Подпольщики сражались, не думая о том дне, когда историки будут писать великую книгу героизма, проявленного советскими людьми в борьбе с оккупантами.

Отстроены разрушенные города и села, запаханы окопы, заросли зеленью черные пролысины пожарищ. На местах вырубок, где гулял немецкий топор, шумят на ветру двадцатилетние рослые деревья. Исчезли следы войны. Но с каждым годом летопись военных подвигов пополняется новыми страницами.

Несколько лет назад авторы этой маленькой повести обнаружили документы, которые позволяли догадываться о существовании в 1941—1944 годах сильной подпольной молодежной организации в белорусском городе Лиде, крупном железнодорожном центре.

Людмила К. Кичу
С ОПАСНОСТЬЮ

На порывевших, истрепанных листках, вырванных из тетрадей, с трудом можно было прочесть:

«В отношении г. Лиды имеем хорошую связь в трех местах с комсомольцами... Туда регулярно отправляются листовки, газеты и сводки Информбюро».

Еще одна запись:

«С помощью своих связей в г. Лиде выведены из строя электростанция, поворотный круг и ряд станков в депо, пять автомашин...»

С того дня, когда партизанский писарь спешным почерком вводил строки отчетов, прошло немало времени. Кто они, участники дерзких операций, живы ли они сейчас?

Начались поиски. В них включились работники Гродненского обкома и Лидского горкома ВЛКСМ. Они побывали во многих городах и селах Гродненской области, где жили люди, связанные в свое время с подпольем. Удалось отыскать руководителя одной из основных подпольных групп Роберта Сосновского, товарища Роберта, начальника особого отдела партизанского отряда, организатора ряда блестящих по замыслу и выполнению операций. Оказалось, что в Лиде существовала широко разветвленная подпольная сеть. Так появился рассказ о героическом подполье маленького белорусского городка. Мы передаем историю подпольной войны так, как рассказал о ней товарищ Роберт. Его рассказ дополнен изложением событий, непосредственным участником которых он не был.

ВЗРЫВ

Электростанция взлетела на воздух 14 марта в два часа ночи.

Город спал. Патрульные, разбивая сапогами подмерзшие лужи, совершали свои обычные ночные обходы, стерегли немой комендантский час. В соответствии со строгим приказом герра Ханвега, гебитс-комиссара города, ни одна живая душа не имела права выйти на улицу с восьми вечера до шести утра.

...Город был отделен от линии фронта тысячью километров, он считался глубоким немецким тылом. Но город никогда не сдавался завоевателям.

В нем шла война.

В два часа ночи патрульные стали очевидцами необычайного зрелища. Двухэтажное здание единственной в городе железнодорожной электростанции внезапно озарилось так ярко, будто над ним сбросили осветительную ракету. Железная многотонная крыша станции медленно приподнялась на языках багрового

пламени и стала разваливаться на куски. Стены здания — крепче крепостных, сложенные из бутового камня, — рухнули.

В ту же секунду повсюду погасли огни, и теперь город был освещен лишь одним ярким коптящим факелом — электростанцией.

В несколько секунд город ожил. Заворчали моторы бронемашин, заметались по стенам домов лучи автомобильных фар.

Началась паника.

Окруженный мотоциклистами, приехал на своем «копель-капитане» Ханвег. Гебитс-комиссар был разъярен. Вывод из строя единственной электростанции парализовал работу депо и авиационных мастерских. К автомашине гебитс-комиссара подбежал, задыхаясь, толстый, багроволицый шеф железнодорожного узла Кукелко. Гебитс-комиссар криво усмехнулся, услышав лепет шефа о том, что авария была случайностью.

Согнанные к развалинам электростанции люди стали разбирать кирпичи, оттаскивать в сторону причудливо изогнутые тавровые балки, листы железа, все, что осталось от станции. Через несколько часов были обнаружены трупы двух немцев — офицера и диспетчера. Останков кочегара Семена Павлова и его помощника Роберта Сосновского найти не удалось.

— Вам следует искать Сосновского и Павлова в другом месте, — с насмешкой сказал гебитс-комиссар шефу депо. — Где-нибудь на окраине или в лесах. А вас, я надеюсь, ваши родственники будут искать где-нибудь поближе к фронту.

На следующий день наряды шуцманов расклеили на стенах домов и заборах описание примет «преступника» Сосновского. «Двадцать пять лет... Рост ниже среднего... Брови густые, черные...» Прохожие читали текст, довольно бойко составленный кем-то из отдела пропаганды гебитс-комиссариата:

«Этот бандит, взорвавший электростанцию, лишил вас света, тепла и работы. 25 тысяч марок, 15 гектаров земли и 5 пудов соли обещают городские власти тому, кто поможет найти преступника...»

Видимо, больше всего городские власти надеялись на пять пудов соли — эти слова были выделены особым шрифтом. В Лиде царил соляной голод.

Такое объявление было вывешено и в одной из рабочих слободок Лиды на бывшей улице Карла Маркса, у дома № 26, принадлежавшего Александру Степановичу Клишко. Вечером у объявления остановился человек в новом аккуратном полушубке, одетый в солдатские немецкие сапоги с короткими голенищами. Он внимательно прочитал объявление и, оглядевшись по сторонам, открыл калитку дома. Пройдя вишневым садиком к крайнему окну, стукнул три раза. Дверь открыл рослый широкоплечий парень.

— Здравствуй, Шурик, — сказал человек в полушубке, проходя в темные сени. — Вот возьми подарки, — он протянул парню два тяжелых куска угля. — Это «уголек» для паровозов, а это — в пакете — магнитная. Товарищ Роберт передавал всем привет. Ну, пока.

...На обратном пути на скрещении бывших улиц Карла Маркса и Советской человека в полушубке задержал полицейский патруль.

— Документы!

Человек спокойно достал из нагрудного кармана потрепанного немецкого кителя «аусвайс» — удостоверение, выданное оккупационными властями. Черные пилотки с голубой окантовкой склонились над листком бумаги.

«...Жуков Петр Васильевич является назначенным старостой села Докудово Докудовской гмины¹».

Патрульные козырнули. Староста ответил им тем же.

— Объявление видел? — спросил полицейский, указывая на заборы. — Разыскивают крупного преступника.

— Уж это будьте уверены, — сказал Жуков, — от нас никуда не уйдет!

ОПАСНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

В августе 1941 года при наведении понтонного моста через одну из белорусских рек военный инженер Роберт Сосновский был тяжело контужен. Около месяца Сосновский пролежал на хуторе, в амбаре у поляка-мельника, угрюмого бородача, молчаливо ухаживавшего за беспомощным капитаном Красной Армии.

От мельника Сосновский услышал, что немцы уже хозяйничают в Киеве. Еще до контузии, в армии, Сосновский узнал о первых налетах фашистских бомбардировщиков на Киев и о гибели семьи. Весть, которую сообщил мельник, была для военного инженера вторым тяжким ударом. Не смыкая глаз, лежал он на сене, с безразличием прислушиваясь к голосам. Войдут — ну и что ж? Жизнь была растоптана коваными немецкими сапогами... Но постепенно вместе с утраченными было жизненными силами вливалась в тело трепетная жажда борьбы.

В одну из бессонных ночей, когда Сосновский — одиночка, взбунтовавшийся против вражеской орды, — обдумывал планы мщения, скрипнул засов. Сосновский присел в углу амбара, готовый к прыжку.

— Чекайте, пан Роберт, то я, — сказал мельник.

Вслед за мельником в проеме двери показалась фигура человека в папахе, с прикладом карабина за плечами.

— Комиссар пан Радецкий, — шепотом представил вошедшего мельник.

Через час военный инженер ушел вслед за Радецким в лес.

Радецкий был комиссаром отряда «Искра», насчитывающего восемнадцать штыков. Четыре месяца Сосновский кочевал вместе с отрядом по непролазным топям.

В марте 1942 года Радецкий вызвал к себе Сосновского. В землянке никого не было. Чадно горела на столе плошка — сплюснутый артиллерийский снаряд со вставленным в него фитилем. Комиссар молча глядывался в худое лицо военного инженера. Комиссар помнил, как в первый вечер их знакомства, там, в амбаре у мельника, Сосновский, еще не сумев-

¹ Гмины — созданные оккупантами управления административными районами.

ший оправиться после всех свалившихся на него бед, рассказывал:

«Я готовился стать строителем, понимаете? Хотел строить города. Зубрил, как проклятый, немецкий, французский, английский, хотелось знать, знать как можно больше, чтобы отдавать людям эти знания. Зачем было все это? И еще — я был счастлив, понимаете? Женé было девятнадцать лет, она была очень красива, училась на филологическом, очень любила стихи; мы ходили в филармонию, на концерты Рахлина, случалось, спорили, но мы были очень-очень счастливы, понимаете? И вот война, и ничего нет на свете, кроме войны и горя».

В первое время Сосновский как одержимый рвался в бой, и его приходилось сдерживать, чтобы уберечь от безрассудной гибели. И вот — комиссар это ясно чувствовал — в партизане родилась хладнокровная и мудрая ярость настоящего бойца...

— У меня к тебе особый разговор, Роберт. Пойдешь в тыл, к немцам...

Роберт шел по улицам Лиды вместе с длинной вереницей крестьян, направлявшихся на базар. Он ничем не выделялся среди сотен людей в потрепанных полушубках, шинелях, ватниках, обутых в самодельные, шитые из автомобильных камер калоши, перевязанные бечевками сапоги, в лапти — искусство плетения этой знаменитой белорусской «обутки» возродилось в трудные военные дни.

Роберт не случайно выбрал для своего визита базарный день: вместе с крестьянами, спокойно минуя заставы на шоссе, он дошел до центра города, к почтамту. Еще за несколько дней до того, как покинуть лес, Роберт вместе с Радецким тщательно изучил план города, и теперь ему не надо было спрашивать встречных, как пройти к управлению железнодорожного узла.

То, что видел он перед собой сейчас, совпадало с картинами, описанными Радецким. Большой, белый, в два этажа дом, охвативший крыльями сквер, — гебитс-комиссариат, бывшая школа. По скверу прогуливались молодчики в белых теплых куртках и белых навывпуск брюках — личная охрана гебитс-комиссара. Неподалеку от гебитс-комиссариата — виселица из свежих бревен. О ней Радецкий ничего не говорил, видимо «новинка».

Неподалеку от костела, у длинного дощатого забора, толпились люди, читали объявления. Роберт подошел, пробежал глазами разноцветные листки. Сколько было их, экстренно изданных приказов, указов, наказов, обращений, подписанных гебитс-комиссаром, комендантом полиции, шефом жандармерии, войтом¹ лидской гмины, начальником баншуца², бургомистром!..

И всюду мелькало одно неизменное, резкое, как окрик часового, слово, отпечатанное особым, жирным шрифтом: «Verboden!» — «Запрещено!» Люди, читавшие объявления, переговаривались вполголоса:

— В Кашарах вчера опять расстреливали, а кого — не знают.

¹ Войт — староста гмины.

² Баншуц — железнодорожная охрана.

- Известно кого. У пленных тиф, вот и вывозят в Кашары.
- Сволочи!
- Тише!
- Швагер говорил, всю больницу душевнобольных уничтожили в Кашарах. Вместе с врачами.
- А Швагер откуда знает?
- Дочка у него лежала в больнице...
- А...

Сосновский оглядел людей, окружавших его. Небритые, потемневшие мужские лица, усталые глаза женщин, застывшие болью, ненавистью, страхом. Здесь, у доски с приказами, напоминавшими о карах — ordnung, verboten, erschießen (порядок, запрещено, расстрел), — трепетно билась понятная ему простая человеческая жизнь. Наверное, шепни он сейчас этим людям, позови за собой на борьбу, многие огкликнулись бы, а может быть, среди них уже есть те, кто начал мстить?

Неторопливым шагом Роберт отправился к депо — там, над красным кирпичным зданием, дымилась трубы котельной. Близ депо находилась резиденция железнодорожного шефа Лиды.

„СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ“

Из дневника Роберта. «Охранник привел меня в кабинет шефа. У шефа было багровое, самодовольное и сытое лицо. Я едва сдержал вздох облегчения. Этот немец как-то сразу стал ясен для меня. Над головой шефа радугой цвела раскрашенная карта военных действий. За спиной я чувствовал дыхание охранника. Шеф пристально глядел на меня прищуренными, утонувшими в лице глазами. Рядом с немцем в позе, выражающей почтительность, застыл высокий чубатый парень с заметным шрамом на смуглом лице. Телохранитель?»

Переводчица, белокурая миловидная полька, доложила, тряхнув кудряшками:

— Русский инженер пришел к вам просить работу.

— Где он был до сих пор?

Я чуть было не ответил, не дожидаясь, пока полька переведет. Однако вовремя сдержал себя. Здесь не должны были догадываться, что я знаю немецкий.

— Работал на хуторах, у крестьян, — ответил я.

— Почему сразу не пришел?

— Боялся.

Я положил на стол листовку. Обращение: «Если вы добровольно сдадитесь в плен, немецкая администрация гарантирует вам свободу...»

— Инженер?

— Да.

— Работал на хуторах, говоришь? — по-украински спросил смуглый парень со шрамом. — А ну, покажи руки!

Я показал ему ладони. На них желтыми окаменевшими буграми вздулись мозоли. Еще бы, не одну партизанскую землянку вырыл я в лесах этими руками.

— Откуда родом? — спросил Кукелко.

— Из Киева.

— О! — вскрикнул смуглый. — Украинец? Земляк?
— Украинец!
— Пани Зося, — обратился смуглый парень к переводчице, — скажите пану шефу, чтобы хлопец остался в депо.

Немец выслушал переводчицу.

— Хорошо. Объясните этому человеку, что при малейшей провинности он будет наказан. Пусть его отведут к пленным. Их семьдесят... Будет семьдесят первым.

Когда я в сопровождении пани Зоси выходил из кабинета, то, уловив момент, спросил переводчицу:

— А кто этот высокий, со шрамом?

— Командир охранников, — ответила пани Зося и рассмеялась. — Зовут его Сашка, а прозвище Боек.

Значит, это был начальник железнодорожной охраны, навербованной из предателей Родины! Вот уж с кем следовало держать ухо востро!

Я и не догадывался в тот день, что вскоре мне придется приводить в исполнение смертный приговор, подписанный Сашке подпольщиками...

Приняли меня в теплушке настороженно, но вскоре, после двух-трех дней, проведенных вместе, мы подружились. Особенно хорошие отношения установились у меня с Толей Черноскутовым.

Этот сибиряк обладал редкой физической силой. Немецкие солдаты приходили смотреть, как Толя шутя перекидывает глыбы силезского литого угля, хлопали его по плечу: «О, колосаль Иван!» Несмотря на свой рост и силу, Толя казался парнем на редкость добродушным и незлобивым.

Он сразу предупредил меня: «Ты гляди здесь в оба. При Кукелко лишнего не болтни: он, говорят, по-русски понимает. Есть еще диспетчер, Вальтер, такая, однако, паскуда: с тросточкой ходит. С виду легкая тросточка, а в ней железный стержень — вон, видишь, парень лежит на нарах забинтованный, Вася Багмут. Это Вальтера работа».

Я глядел в темные, внимательные глаза Черноскутова, сердцем чуя — передо мной надежный, свой человек. Вспоминал слова Радецкого: «У разведчика должен быть тонкий нюх на людей. Никто тебе не предъявит мандат на честность и верность Родине. Ты без мандата должен определить — верить или нет. Бывает, времени для проверки нет, а выбирать приходится. Вот и соображай».

Надо было улучить минуту и поговорить с Черноскутовым начистоту. Вскоре такая минута наступила.

Меня с группой военнопленных — Черноскутовым, Савченко и Рекстиным — направили в паровозное депо помогать ремонтникам. В темном депо у застывших, холодных паровозов сутились люди. Кто-то из немецких слесарей, забравшись на котел, сыпал из песочницы мелкий песок. Черноскутов, прибирая бетонный пол, собрал песок в ведро. Оглянувшись, скользнул в темноте к баку, где хранилось цилиндрическое масло для паровозов. Немец, выдававший обычно масло, куда-то отошел. Черноскутов быстро опорожнил ведро над баком.

Мне не надо было объяснять, что произойдет с паровозом, заправленным таким маслом. Песок проникнет в цилиндр, где мерными взмахами работает блестящий, тщательно подогнанный поршень. Лопнет рубашка цилиндра, и паровоз на долгий срок выйдет из строя.

В теплушке я сказал Черноскутову:

— А все-таки, Толя, песок в масле — детские игрушки. Есть штуки посерьезней.

— Где ты их возьмешь, эти штуки?

— В лесу найдутся...

— Ты что, оттуда?

— Да.

— А чем докажешь?

Теперь он требовал у меня мандата на честность.

— Доказать не могу.

Черноскутов промолчал.

— Ладно, — сказал он наконец. — Всем нам, видишь, надоело детскими штучками заниматься. Я ведь, однако, ни одного фрица не успел убить. Хлопнуло под Минском, и достался я им, как дитя спеленатое, без сил...

— Ты бы помог мне с кем-нибудь из вольнонаемных связаться, — сказал я. — В лес надо послать человека.

— Поможем, — ответил Толя. — Завтра сведу тебя с одним парнем».

ВТОРОЙ ДОПРОС

Черноскутов показал Роберту молоденького, измазанного в саже слесаря, который, спрыгнув в паровозную яму, налаживал что-то у колес. Наклонившись, сибиряк шепнул слесарю, что с ним хочет поговорить товарищ Роберт. Слесарь — звали его Шурик Климко — держался с незнакомым ему человеком настороженно. Да, он кое-чем занимается в депо, но больше никого не знает, будет время, состоится и более обстоятельная беседа...

В депо, как всегда, идет суматошная, бестолковая работа, ругаются мастера, всюду шастает надсмотрщик Соколовский, вредный, кляузный старик. До войны Соколовский жил себе незаметно на окраине Лиды, а с приходом фашистов отправился в гебитс-комиссариат, отрекомендовался «фольксдейчем». За полунемецкое происхождение Соколовскому схлопотали почетную должность: должен был наблюдать за работами на железнодорожном узле и обо всем подозрительном докладывать шефу. Заодно Соколовский выполнял обязанности переводчика.

У Соколовского — заклятый враг, пятнадцатилетний смазчик Ленька Холевинский, любимец деповских рабочих. Лень-

ка терпеть не может донощика. Заберется куда-нибудь на паровоз, вытряхнет на голову Соколовского мешок с угольной крошкой или незаметно привяжет к хлястику моток проволоки...

Ленька — известный сорванец и насмешник, ни бога, ни черта не боится. Подойдет к немецкому часовому, застывшему с винтовкой у ворот депо, и, скорчив умильную физиономию, ласковым голосом спрашивает:

— Ну что, сволочь, нравится стоять на нашей земле?

Немец улыбается: судя по выражению Ленькиного лица, говорит он самые приятные для часового слова.

— Но в эту землю-то, придет час, ты ляжешь или кто?

— Я, я, — продолжая улыбаться и не понимая ни одного Ленькиного слова, соглашается на всякий случай немец. — Да, да.

Проходит томительное для Роберта воскресенье. В понедельник утром рабочих и военнопленных выстраивают вдоль запасного пути. Появляется шеф узла в сопровождении Соколовского. Переводчик объясняет, что господин Кукелко лично желает проверить, кто, нарушив его приказ, не вышел на работу в воскресенье. И, заглянув в списочек, выкликает:

— Холевинский.

Ленька делает два шага вперед:

— Меня мать заставила в костел пойти. Я два воскресенья пропустил, она меня поколотила...

— А ты не врешь? — спрашивает переводчик.

— О Иезус-Кристус, матка бозка, — жалобно произносит Ленька.

Сосновский слышит слова переводчика:

— Мальчик объясняет, что он при коммунистах никогда не работал в воскресенье, не будет работать и сейчас.

Кукелко багровеет от возмущения.

— Дать ему ремней!

Охранник хватает Леньку за воротник и волочит к столбу, врытому в землю во дворе депо. Провинившихся привязывают к этому столбу и бьют солдатскими ремнями до потери сознания. Если охранники злы, они бьют металлическими бляхами и, когда человек повисает на веревке, отливают водой, чтобы продолжать наказание.

Сосновский смотрит на худенькое тело Леньки, прижатое к столбу веревкой, его острые ключицы, тонкую беспомощную шею. Видит, как подался вперед Клишко, готовый броситься на охранников. Не случайно ты, слесарь, шептался с Ленькой в депо!

«Ни в коем случае не выдавай, что знаешь немецкий язык, — говорил Сосновскому комиссар отряда... — Пусть болтают при тебе, а ты слушай да мотай на ус». Что ж, молча глядеть, как забивают насмерть мальчишку?

И Роберт, опережая Клишко, делает два шага вперед, громко и четко произносит по-немецки:

— Ваш переводчик солгал, герр шеф. Мальчик невиновен.

Переводчик, так же как и Кукелко, потрясенный неожиданным выступлением военнопленного, наконец, приходит в себя:

— Нет, это он врёт!

Шеф морщится. Немцы-солдаты и железнодорожники собрались вокруг, с любопытством наблюдая эту сцену.

— Позовите фрейлен Зосю! — бросает шеф.

Фрейлен, осторожно ступая туфельками по шпалам, подходит к пленным и спрашивает, что произошло. Ей объясняют хором.

— Ваш переводчик действительно старый лгун, — говорит фрейлен шефу. — Мальчик ходил в воскресенье в костел. Это очень набожный мальчик.

Кукелко протягивает руку по направлению к столбу — театральный жест. Теперь герр шеф сможет показать себя перед фрейлен.

— Отпустите молодого рабочего и привяжите к столбу этого лживого переводчика. Скажите им, фрейлен, что немцы всегда поступают справедливо.

Кукелко ударяет себя пальцем в грудь — всем должно быть ясно, что именно он образец справедливого немца.

— Дайте в руки юного рабочего ремень...

Но Ленька, утерев рукавом нос, плюет на вздрагивающую спину Соколовского и, всхлипнув, бросает ремень.

Молчание. Спектакль окончен.

Но для Сосновского еще неизвестен финал.

Из дневника Роберта. «И вот я снова в кабинете шефа. Снова допрос. В комнате с картой и портретом фюрера те же лица — Кукелко, командир охранников и фрейлен Зося.

— Почему не сказал, что знаешь немецкий?

— Слышал я, что однажды свои же, русские, убили товарища в лагере, когда он заговорил по-немецки.

— Где ты выучил немецкий?

— В строительном институте.

Я гляжу на фрейлен Зосю — почему-то чувствую симпатию и доверие к ней. Не знаю, что связывает ее с немцами. Хочется думать, что ей не очень-то по душе этот союз.

— Мне кажется, пленный показал себя правдивым и храбрым человеком, — говорит переводчица. — Следовало бы поощрить его, чтобы и другие вели себя так же откровенно и честно по отношению к немецкой администрации.

Кукелко встает:

— Вы правы, фрейлен.

В теплушке меня ждал невеселый вечер. Ребята сидели у печурки плотным кольцом. Молча затягивались табачком. Места для меня, «немца», не нашлось. Казалось, собрались у огня чужие люди. Так бывает, когда в хорошей компании кто-то неожиданно совершит подлость. Ядовитый туман недоверия разъедает всех. Каждый носит в душе боль и стыд, пока не рассеется туман. Что поделаешь? Еще не пришло время открыться этим хлопцам. Надо переждать, пережить несколько дней, что-то придумать...»

„КАТЮША“ ОСТАЕТСЯ РУССКОЙ ПЕСНЕЙ

Стоит ли говорить, в каком затруднительном положении оказался партизанский разведчик?.. С одной стороны, он не должен был слишком настойчиво навязывать себя Черноскутову, Климко и их товарищам. Это только могло бы усилить ту настороженность, которую они проявили к человеку, столь неожиданно втесавшемуся к ним и обнаружившему вдруг знание немецкого языка. С другой стороны, он должен был в ближайшие дни послать в лес человека, чтобы известить командование отряда о положении дел да и самому узнать, наконец, о том, что творится на Большой земле. Неведение еще более отягощало угнетавшее его чувство одиночества. К тому же Сосновскому приходилось, не теряя времени, завоевывать благосклонность станционного начальства, чтобы укрепиться в своем новом положении. Это не могло не ухудшить и без того натянутых отношений с военнопленными и рабочими депо.

Первые неприятности, доставлявшие столько забот и волнений Роберту, сыграли ему на руку. Немцы, имевшие на станции своих осведомителей, присматривались к новому рабочему, и его искусственная изоляция, явная непричастность к каким-либо диверсионным актам — а без них не обошлось в те дни, — наконец высказывания, которые можно было услышать от других рабочих в его адрес, — все это служило самым лучшим свидетельством лояльности.

Роберт решил еще раз поговорить с Климко и в случае неудачи попробовать за одну ночь незаметно проникнуть к партизанам и вернуться в Лиду. Конечно, это был бы очень рискованный шаг, но ничего другого не оставалось. На худой конец, если бы его задержал патруль, можно было пустить в ход версию о любовном свидании. Случалось, пленные уходили на ночь из теплушек в Лиду, к своим знакомым, но наказывались такие вольности очень строго. Пойманных обычно ждал столб у деповских ворот.

Из дневника Роберта. «Случай еще раз столкнул меня с Шуриком ранним, туманным утром. Держа в руках фонарь с огарком свечи, Шурик заливал масло в боксы вагонов. Я слегка ударил по рваному, замасленному ватнику. Шурик вздрогнул и опустил правую руку в карман. Оттуда торчал большой гаечный ключ.

Я улыбнулся при виде этого «оружия». Мы, два врага, которым суждено было стать верными товарищами, стояли в узком коридоре между составами. Все вокруг утонуло в густом сыром тумане.

— Лучше брать не одну, а две масленки! Одну с песком, другую с чистым маслом. Так безопасней, — сказал я.

По крайней мере это был дельный совет. Если б разговор не удался, какой-то толк от него был бы. Шурик молчал. В этом девятнадцатилетнем жителе слободки чувствовалась настоящая рабочая выдержка. Где-то поблизости шныряли конвоиры, сопровождавшие составы. Времени на разговор было мало. Я сразу же перешел на официальный тон.

— Товарищ Клишко, у меня нет никаких удостоверений личности. Я прибыл из партизанского отряда. Можете мне не доверять. Но пошлите кого-нибудь по адресу, который я вам дам. Там получите все сведения.

Я назвал Клишко одну из наиболее близких к Лиде лесных деревень, которая была под контролем партизан, — Пудино. Адреса явочных центров, находившихся в немецкой зоне, я решил не давать. Неопытный человек, посланный по адресу, мог завалить явку.

— Пудино я знаю, — сказал Шурик.

— Запомните, я не требую ответа «да». Можете ничего не отвечать. Но судьба партизанского задания зависит только от вас.

Через тамбуры вагонов я осторожно пробрался к депо и вскоре присоединился к моим товарищам по теплушке. Поразмыслив над разговором, я решил повременить с визитом к партизанам.

Пока я ждал ответа от Шурика, произошло событие, которые были для нас, военнопленных, настоящим праздником. Нас выставили из теплушек и разрешили поселиться на частных квартирах вблизи станции. Думаю, тут немало помог нам начальник угольного склада Герберт Фааль, с которым у меня завязались хорошие отношения. И немцы и русские звали Фааля «Буба». Слово это, взятое из лексикона немецких солдат, означало что-то вроде «подходящий парень». Буба отличался ясным и трезвым умом, он ненавидел развязанную Гитлером войну и сочувствовал русским. Его приятель солдат баншуща Петер — фамилии его я не помню — также принадлежал к людям, насильно завербованным в армию. Знакомство с Петером и Фаалем на многое открыло мне глаза. Раньше все немцы были для меня на одно лицо.

Буба, случалось, подкармливал пленных и разрешал на время отлучаться в город. Вообще ему многое сходило с рук. Среди немцев он был единственным специалистом-железнодорожником. Он отлично разбирался в станционном хозяйстве. Кукелко не мог и дня без него обойтись. Ближайшие помощники шефа Вальтер и Квательбаум стали железнодорожниками только из-за боязни попасть на передовую. Квательбаум, сынок влиятельного папаша, разгуливал по платформе в белых перчатках. Вальтер был увлечен дрессировкой собак — он держал целую свору.

Как я познакомился с Фаалем? После случая с Ленкой меня вызвали к начальнику угольного склада. Начальник оказался немолодым, плоскогрудым и довольно хилым немцем. Он носил большие роговые очки и нисколько не походил на плакатные изображения храбрых немецких солдат. Его усталый вид говорил, что война ему, собственно говоря, до чертиков — для него лично превыше всего не Германия, а диета.

В конторке никого не было. Фааль поздоровался со мной за руку.

— Я был вчера около ворот, Сосновский, — сказал он. — И видел все, что там произошло с мальчиком. Хотите работать у меня на угольном складе? Здесь вам будет хорошо.

Пришлось отказаться — мне вовсе не к чему было уходить из депо. Мы разговорились. Оказалось, Буба был страстным

любителем музыки. До войны играл первую скрипку в любительском оркестре железнодорожников и теперь, бывали случаи, выступал перед солдатами в станционной столовой. Узнав, что я увлеклся фортепьяно и учился в музыкальной школе, Фааль предложил мне принять участие в концерте. Я согласился. «Возможно, — думал я, — это даст мне какие-то привилегии...»

Тяжело, стыдно было представить, как я выйду на сцену, раскланяюсь перед чужими мундирами, перед этими глубоко ненавидимыми мне людьми, которые не испытывают ко мне ничего, кроме презрения. Я, советский офицер, буду увеселять их!»

Финал концерта был неожиданным — немцы потребовали «Катюшу».

Сначала Фааль, прижав скрипку острым подбородком, сыграл «Аве Мария» Баха — в своей инструментовке, потом несколько брамсовских венгерских танцев, потом бетховенскую «Аллилуйю», наконец Роберт бодро и бесстрастно исполнил несколько этюдов Шумана.

В столовой, превращенной в концертный зал, было довольнолюдно. Многим программа концерта пришлась не по вкусу, и музыкантов довольно часто прерывали криками. И вот зал требует «Катюшу». Впрочем, чему удивляться? «Катюша» приобрела популярность в немецких войсках, ее напевали, насвистывали повсюду, мотив русской чудесной песни угадывался в гнусавых звуках солдатских губных гармоник... Больно было слушать исковерканные, переделанные на чужой лад слова — в них звучало издевательство над нашим народом, у которого они, пришельцы, украли мелодию, украли песню.

Фааль кивает на стул у рояля. Роберт садится — и в медленном, песенном ритме начинает играть. В конце зала, у самой стены, он видит двух русских девушек — это официантки. У них простые, милые лица. Он будет играть для них песню о верной и любящей дивчине, которая умела ждать своего орла. Только они смогут понять эту песню.

Зал долго аплодирует, Фааль крепко пожимает Роберту руку: «Ваш дебют прошел с успехом». Когда Сосновский протискивается сквозь толпу и выбирается в коридор, к нему подходит одна из официанток и, оглянувшись по сторонам, шепчет: «Говоришь Роберт, ждите меня у красного дома, я проведу вас к Шурику».

Мог ли рассчитывать партизанский разведчик, что будет так вознагражден за этот концерт?..

Маленькие окна комнаты Шурик Климко заставил геранью, фикусами, филодендронами — в листьях путался тусклый свет. Случайному прохожему нелегко было разглядеть, что творится в доме.

Екатерина Михайловна, мать Шурика, уже привыкла к тому, что сын ведет тайную, скрытую от родных жизнь, привыкла и к частым гостям, к троекратному стуку в крайнее правое окно. Соседям, чтобы не заподозрили неладное, не начали

болтать, жаловалась: «Мои-то, мои-то гулять стали! Что ни вечер, то пьют, на гитаре играют, просто свихнулись ребята». Ну, а у кого пьют, у того и гостуют... Да и что за невидаль — вечеринки с самогоном, с гитарными переборами, с песнями?

В комнате, за плотно прикрытой дверью, за баррикадой из герани и фикусов — четверо. Партизанский связной Петр Жуков, слесарь Шурик Климко, официантка Маша Костромина и Роберт Сосновский. Леньке Холевинскому поручено особо ответственное задание — отвернув ватную куртку так, чтоб всюю глядела тельняшка, сунув рогатку в нагрудный карман, лихо щелкая семечки, Ленька с компанией озорников подростков бродит по «штрассе». Если покажется на улице патруль, Ленька свистнет в два пальца так, что на другом конце Лиды услышат.

Под охраной опытного и зоркого дозорного Леньки Холевинского в маленькой, похжей на чулан комнатушке, в доме номер двадцать семь идет совещание.

Шурик Климко, волнуясь, рассказывает о первых шагах своей группы. Собрал он как-то в доме своих друзей по школе, комсомольцев Толю Качана, Машу Костромину, Мотю Наказных, Леньку Холевинского. Обсуждали один вопрос: как жить? Отказаться служить «новому порядку»? Но уже пестрели на улицах Лиды объявления о том, что все, кто не работает, должны явиться для регистрации на биржу труда, откуда был один путь — в Германию.

— Вот что, друзья, — сказал тогда Шурик. — Сидя по домам, мы ничего не добьемся. Будем работать...

Мотя Наказных и Маша Костромина устроились официантками в железнодорожную столовую, Шурик пошел слесарем в депо, Ленька — смазчиком, а Толя Качан, самый рослый и сильный в школе парень, стал грузчиком на станции. С чего начали?.. Ну, собрали два пулемета, ящик мин и патронов, несколько ручных гранат, около пуда тола — все это в подарок партизанам. На станции познакомились с военнопленными — Толиком Черноскутовым, Васей Савченко, Васей Багмутом, Кузьмой Тертычным. Стали подсыпать песок в бусы, в цилиндрическое масло, вывели из строя шесть паровозов, сожгли склад запасных частей возле авторемонтных мастерских. Выпускали листовки, ночью, потихоньку, развешивали на заборах, на стенах домов. Однажды Ленька Холевинский умудрился заклеить листовками всю доску указов бургомистра. Собирали сведения о немцах, о движении составов через Лиду, даже завели такую тетрадь движения, но передавать сведения было некому.

А самое крупное дело было с «зондерцугом», экстренным поездом: не пустили этот зондерцуг через Лиду.

— А как узнали о том, что пойдет особый состав? — спрашивает Роберт.

— Да случайно. Как-то работаем в депо, входит охранник, немец. Петер его звать. Как закричит: «Что копаются, черти, сейчас пойдет поезд особого назначения — зондерцуг!»

— Что ж это он вам выдал про поезд?

— Да сдуру, наверное... Ну, пока стоял поезд на станции,

засыпали побольше песку в боксы, а смазку выбрали паклей. Поезд отошел от Лиды, боксы и загорелись.

С улицы доносится резкий свист дозорного. Шурик выглядывает в окно — полицейский патруль совершает по Слободке свой последний обход.

— Маскировка номер один, — говорит Шурик, берет гитару с кокетливым фиолетовым бантом, настраивая, пробегает по струнам. Маша хлопочет у стола. Бутылка, стаканы, тарелка с огурцами — все на месте. Заглянешь — собралась компания гуляк, и только.

— Сыграй, Шурик, «Катюшу», — просит Маша. — Хорошая песня, правда, товарищ Роберт?

МАГНИТНАЯ МИНА

Утром, едва стали вырисовываться дома на бледнеющем небе, Толя Качан запряг выпрошенную у соседа лошаденку, набросил на плечи брезентовый грязный плащ, пахнувший хлебом, обул болотные сапоги с высокими голенищами и не спеша выехал со двора. Свернул на проселок. На дне телеги под сеном бережно завернутые, чтоб не бренчали, патроны. Шурик от имени партизанского командования дал Толе важное поручение — доставить в лес «русские патроны»: не хватает для дегтяревских станкачей.

Вот песчаный пригорок, за ним река, брод, а там и низменные, болотные места, по ним и проходит невидимая граница, разделившая партизанскую зону от немецкой.

Вот и спуск к реке. Лошадь пошла резко, колеса, скрипя и вихляя, бегут по дороге все быстрее. Толя, подпрыгнув, садится на телегу и, отвернув рогожку, спрашивает:

— Как, Нинка, терпишь?

На сене, под рогожкой, свернулась калачиком двенадцатилетняя сестренка Толи, веснушчатая Нинка. Лицо ее покрыто капельками пота, мокрые волосы сбились на лбу.

— Жарко!

— Ну погоди немного, скоро и лес.

Журчит под колесами речушка, лошадь, раздувая бока, долго пьет воду, еще несущую в себе утренний холодок. Со стороны леса не спеша едут верхами трое — прямо к броду, где дорога уползает в речку и, вынырнув, с трудом взбирается на песчаный холм. Свои или чужие?

И вот уже различимы на фоне озими и свежей буйной травы их черные фуражки, черные куртки, простроченные двумя рядами светлых пуговиц. Дула карабинов за плечами. Шуцманы.

Толя, сдерживая волнение, старательно поправляет рогожку. Передний полицай спешивается, буравит глазами парня в высоких болотных сапогах.

— Куда едешь?

— В Гончары, к тетке. Сестренку везу — заболела.

Полицай отворачивает край рогожки: бледное веснушчатое лицо, капельки пота, волосы, сбившиеся мокрыми прядями на лбу.

— Чем больна?

— Тиф.

Полицай резко бросает рогожку, нагнувшись, брезгливо пощипывает в воде пальцы.

— Дурак. Сразу надо говорить.

Вот и леса... Нинка поднимается.

— А обратно я пешком буду идти, ладно?

— Нет, Нинка, ты уж потерпи.

Обратный рейс тоже будет не порожним: Шурик говорил, что партизаны дадут магнитную мину...

Шумят над головой полесские сосны, сумрачно, тихо в бору — не встретишь здесь полиция, партизанские пошли края.

Фрейлен Маша — лучшая официантка станционной столовой. Военные и чиновники требуют, чтобы их обслуживала фрейлен Маша — хорошенькая, приветливая, аккуратная девушка в ослепительно белой наколке, в отороченном кружевом передничке.

После обеда, когда господа офицеры и чиновники покидают столовую, Маша отправляется в депо. Все знают — в депо работает жених фрейлен, девятнадцатилетний слесарь Климко. Кукелко по просьбе Маши выписал ей пропуск в депо, чтобы она могла подкармливать своего слесаря.

Никто в Лиде, кроме подпольщиков, не догадывается, как тяжело даются Маше, дочери старого рабочего Александра Степановича Костромина, эти улыбки, которые приходится раздавать наглым, самодовольным «новым хозяевам», эти «биттешен» и «данкешен», рассыпаемые с утра до вечера в столовой, эти поклоны и книксенсы...

В уголке кухни Маша собирает обед для своего жениха: магнитная мина — для нее пришлось взять большую кастрюлю — прикрыта слоем пюре. Захватив судки, Костромина идет к дощатой будке — проходной, где дежурят двое солдат. Обычно немцы обыскивают всех русских, вступающих на территорию депо, но для Маши часовые делают исключение. Дежурный ефрейтор разыгрывает шутивную церемонию проверки; поднимает крышки кастрюль и строгим тоном задает вопросы:

— А что здесь, фрейлен? О, фрейлен, это не суп, это жидкость для зажигательных бутылок!..

Маша выскальзывает из проходной, минуя цепкие руки ефрейтора.

— Приходите, господа, на кухню, там осталась курятина!

Маша входит в сумрачное, заполненное дымом и дробным стуком здание депо, где суетятся измазанные копотью фигуры.

— Добрый день, герр мейстр!

— А, Маша! — пожилой мастер-немец указывает в дальний угол депо. — Он там...

Присев на корточки, Шурик с аппетитом уплетает картошку: мины минами, а голод не тетка. Редко кому удастся попробовать пюре с такой начинкой. Мина незаметно переключивается из кастрюли в объемистый внутренний карман куртки... Маша жалостливо глядит на Шурика. Вот так уж повелось в слободках: мужья работают, а жены, уловив свободную минуту, носят им в узелках кастрюли — патриархальные нравы, деревенские обычаи в рабочих слободках Лиды. А чем плохи обычаи? Будь иное время, не тревогой, не болью было бы заполнено ее сердце, а тихой, спокойной радостью...

Из дневника Роберта. «Незадолго до конца рабочего дня я получаю магнитную мину от Шурика. Тяжелый металлический брусок. Итак, печочка связи сработала отлично. От Толи Качана к Маше, от Маши к Шурику, от Шурика ко мне. Теперь остается последнее, главное — положить мину в механизм поворотного круга. В будочке, у пульта управления поворотного круга, обычно дежурит кто-нибудь из немецких железнодорожников. Русским они не доверяют... Без поворотного круга ни один паровоз не сможет ни выйти из депо, ни войти в него. А сейчас здесь как раз пять отремонтированных паровозов, готовых к отправке в рейсы. Я брожу по депо, поглядываю из ворот на будочку, где сидит дежурный. Я знаю, этот старый немец то и дело бегаёт в столовую, чтобы заправить свой термос. Он вообще непоседлив. Надо только выждать минуту.

В кармане у меня лежит мина — одна-единственная магнитная мина, имевшаяся у партизан. Она предназначена только для поворотного круга. На пустяки такие штуки расходовать нельзя.

Конечно, я мог поручить операцию Шурику, или Васе Савченко, или Черноскутову, но дело в том, что у меня меньше шансов засыпаться. Немцы хорошо знают меня. Они привыкли к тому, что я слоняюсь по станции, выполняя то обязанности переводчика, то просто как рассыльный. В случае, если заподозрят неладное, мне все-таки легче затуманить им мозги.

Вот проходит, четко переставляя прямые длинные ноги, сухощавый Вальтер. За ним бежит его любимая овчарка. Немец из будки глядит вслед Вальтеру и неспешно направляется к столовой. Я вижу его сутулую спину — вскоре он скрывается за углом депо. Мимо меня, слегка толкнув плечом, проходит Вася Савченко.

— Порядок.

Я направляюсь к будке. Тыл обеспечивает Вася: он стоит у ворот и под любым предлогом задержит каждого, кому придет в голову высунуться из депо. Я оглядываюсь. С одной стороны меня укрывает от глаз каменное здание депо, с другой — высокий забор с колючей проволокой. На путях, поблизости, никого нет. На секунду заглядываю в будку, нагнувшись, сую под мотор брусок — он прилипает к железу. Поворачиваю взрыватель и как ни в чем не бывало продолжаю свой путь. Теперь мина начнет нагреваться. Кислота, разжев предохранитель, заставит сомкнуться контакты. Поздним вечером, когда на территории станции останутся лишь одни часовые, произойдет взрыв.

Я иду вдоль путей к угольному складу, прыгаю через шпалы, как мальчишка. Я готов петь от радости. Нате вам! Получайте сюрприз. То ли еще увидите. Мы бросаем вам вызов! Вы вооружены до зубов, а у нас нет ничего, кроме ненависти к вам и жажды свободы. И все-таки мы бросаем вызов!»

ВСТРЕЧА НА БАЗАРЕ

Вслед за взрывом поворотного круга последовало несколько аварий с паровозами — сработали угольные мины. Вскоре запас этих мин был израсходован. Сосновскому предстояло встретиться со связным Жуковым и получить от него новое задание. Свидание, как обычно, должно было состояться на базаре.

Отпроситься в субботний день на базар было для Роберта делом несложным. Немцы охотно отпустили его и заодно попросили выполнить несколько торговых поручений. Среди них он слыл «гешефтмастером», специалистом по сделкам. Это звание Роберт заслужил в результате одного комического эпизода. Както он отправился на очередную встречу с Жуковым и по дороге на базар повстречал своего знакомого Томашевского, поляка, работавшего в депо. Томашевский вел на базар козу — продавать. А так как он был человеком говорливым и прилипчивым, не отставал от Роберта ни на шаг, то партизану пришлось продать козу Жукову. Ни Роберт, ни Жуков не успели пересчитать деньги, и пока пан Томашевский перелистал кредитки, оказалось, что Жуков второпях вручил ему тысячу восемьсот

марок. А самая лучшая коза в Лиде по тем временам не стоила и тысячи.

К счастью, эта ошибка обернулась Сосновскому на пользу. Томашевский, путая быль и небылицы, рассказывал каждому встречному, как отчаянно «пан Роберт» торговался с богатым крестьянином и сумел обвести его вокруг пальца. Вскоре благодаря длинному языку соседа вся станция узнала об этом случае. И Роберт получил почетное звание «гешефтмастера». Теперь ему без конца поступали заказы — то надо было обменять железо для плугов на яйца, то парашютный шелк — на гусей, то его просили узнать, где можно достать поросенка в обмен на выкраденную каким-то фрицем шаль. Доблестные представители фашистской армии были отчаянными торгашами...

В субботу, прихватив с собой Васю Савченко — он нес свернутое в рулон оцинкованное железо, Сосновский отправился на рынок. На базарной площади происходило настоящее вавилонское столпотворение. Неопытный человек заблудился бы в этом хаотическом смешении повозок и тел. Однако рыночная стихия подчинялась определенному порядку. Свои, строго установленные места занимали торговцы солью — дефицитным товаром. Грязная, комковатая, влажная соль продавалась на щепотки, ладошки и жмени. Ни о каких весах в то время не было речи, и поэтому мелкорослый покупатель шел к продавцам с ладошками покрупнее, а клиентура, отличавшаяся крепкой костью, предпочитала всюду подставлять собственные ладони. Особые места, «уголки» и «пяточки», занимали махорочники, торговавшие самосадом с примесью вишневого листа; самогонщики, клявшие, что в их зелье нет ни «капельки» каустической соды... Почетные ряды под навесом принадлежали спекулянтам, наживавшимся на купле-перепродаже краденого немцами барахла, «аристократам рынка», пользующимся покровительством городской администрации. Словом, рынок вызвал к жизни такое множество торговой сволочи, что честный человек, как только он попадал на рынок с целью купить или продать что-нибудь, моментально бывал околпачен и сбит с толку корпорацией «гешефтмастеров».

«В картофельном углу», на собственной телеге с мешками крупной белорусской бульбы, восседал Петя Жуков, староста села Докудово. Базарный гомон позволял поговорить спокойно.

— Слушай, Роберт, ты принес сдачу с тех марок?

— Какую сдачу?

— Если ты будешь продавать таких дорогих коз, от нашей казны ничего не останется.

Роберт никогда не переставал удивляться хладнокровию партизанского связного, его способности не унывать в любых обстоятельствах. От круглого, румяного, без единой морщинки лица Жукова, его улыбки веяло неистощимым оптимизмом. В роскошном суконном новеньком кителе с немецкими пуговицами, необъятных галифе, до блеска начищенных сапогах краснощекий «староста» был неподражаем. Трудно было заподозрить этого человека. Слишком много благодушиества, довольства собой светилось во всем его облике.

— Слушай, Роберт, важное дело к тебе и хлопцам. Надо судить и сурово покарать изменников Родины. Пусть знают люди, что действуют советские законы на этой земле...

— А мы уже готовы, Петро. На днях устроим свой, партизанский суд.

— Хорошо. Вот, возьми...

Жуков протянул Роберту тряпицу, в которую было завернуто что-то тяжелое.

— Два «ТТ» и патроны.

Так, с гусем под мышкой и пистолетами за пазухой, Роберт покинул Жукова. Протискиваясь сквозь толпу, он оглянулся: Жуков, соскочив с телеги, торговался с каким-то стариком в зеленом картузе. Партизанский связной махал руками и что-то доказывал — видимо, набивал цену, чтобы увести картошку обратно, в лес.

Из дневника Роберта. «Фашистские газетенки, выходившие в Белоруссии во время оккупации, каждый день писали о «зверствах» и «грабежах». Для партизан и подпольщиков оккупанты изобрели синоним — бандиты. Они, фашистские изверги, следившие массовый бандитизм государственной практикой, обвиняли нас, людей, поднявшихся на священную защиту Родины, в бандитизме и уголовных преступлениях.

Я не знаю людей, которые в своей борьбе руководствовались более гуманными, более возвышенными и справедливыми целями, чем партизаны и подпольщики. Даже в условиях этой невиданно жестокой войны, когда жажда мщения стала едва ли не самым сильным чувством для каждого из нас, когда человеческая жизнь была вконец обесценена, мы продолжали свято чтить нормы законности и морали.

В июне 1942 года в доме Клишко состоялся суд над предателями и военными преступниками. Каким рискованным ни был этот шаг, но на суд собрались почти все подпольщики железнодорожного узла. Может быть, с точки зрения правил конспирации не следовало устраивать общее собрание, но мне казалось, что только так мы имеем право вынести справедливый и суровый приговор».

Из протокола собрания подпольщиков. «Брутт, начальник городской полиции. Немец, советский подданный, до войны — осадник¹. С июля 1941 года на службе оккупантов. Выдал гестапо и СД около тридцати коммунистов, комсомольцев и общественных работников района. Принимает личное участие в убийствах советских граждан. Участвовал в расстреле советских пленных офицеров и политработников в Кашарах. Предложение — смертный приговор.

Сашка, по прозвищу Боек. Командир так называемого «охранного батальона». Предатель Родины и убийца. Зимой 1941 года застрелил двух военнопленных, якобы при попытке к бегству. Участвовал в массовых расстрелах в Кашарах. Участвовал в расстреле девяти ксендзов, обвиняемых в антигитлеровской

¹ Осадник — колонист (польск.); обычно осадниками в Западной Белоруссии называли колонистов-кулаков.

пропаганде. Издевался над евреями в гетто. Участвовал в карательных экспедициях против партизан. Приговор — смертная казнь.

Сулима, старший надзиратель городской тюрьмы. Предатель Родины. Собственноручно расстреливает заключенных. Приговор — смертная казнь.

Пинкевич, бургомистр, предатель Родины. По его доносам арестовано свыше ста жителей города. Большинство расстреляно. Личного участия в расстрелах не принимает. Скупает у немцев вещи арестованных. Смертная казнь.

Вальтер. Железнодорожный служащий, немец. Садист. Принимал участие в расстреле цыганского табора. Затравил собаками трех военнопленных. Неоднократно заявлял о необходимости общего уничтожения белорусов и русских. Приговор — смертная казнь...»

(Окончание следует)

ЛУННЫЕ РИТМЫ

А. ЭММЕ, кандидат биологических наук

КОЛЫБЕЛЬ ЖИЗНИ

Начался отлив... Пройдите по влажной, пахнущей морем прибрежной полосе, только что освободившейся от воды. Приглядитесь: крабы, моллюски, водоросли... Через несколько часов их снова затопит море.

Эта прибрежная полоса называется литоралью. Она была колыбелью жизни на Земле.

Предки всех современных наземных растений и животных прошли океанический этап развития. Потом начался выход на сушу. Гибли миллионы организмов, прежде чем единицы приспособились к земноводным условиям. Такие условия природа создала в зонах литорали. Прародители насекомых и других наземных беспозвоночных, далекие предки цветковых растений и теплокровных животных десятки миллионов лет испытывали действие приливов и отливов.

Для многих организмов зона литорали стала «землей обетованной». А ведь условия жизни здесь весьма своеобразны: все время изменяются температура воды, ее соленость, щелочность, содержание в ней силикатов, кислорода. Огромной механической силой обладает морская прибой. Кроме того, обитатели литорали во время отлива частично или полностью остаются на воздухе, подвергаясь действию низкой или сравнительно высокой температуры. И чего только не изобрели они, борясь за свое существование!

Чтобы удержаться на побережье при нарастании и спаде приливной воды, обитатели литорали научились прикрепляться к водорослям, присасываться к камням, скопаться под ними в грунте. Моллюски, чтобы не высохнуть, надели раковины с плотно замыкающимися створками или выработали способность покрываться слизью. А вот маленький краб, прозванный скрипачом за своеобразный вид непомерно большой правой клешни. Он, как, пожалуй, и все крабы мира, является типичным представителем литоральной фауны. Обитая на берегу и питаясь тем, что там остается после отлива, краб-скрипач очень тонко чувствует время. В поисках пищи он бежит только в часы отлива, а в часы прилива сидит неподвижно. Кроме того, после захода солнца он

быстро светлеет, становясь светло-серебристо-серым, а утром он опять темнеет.

Не только крабы приспособились к приливным ритмам. Моллюски в определенное время закрывают и открывают свои раковины или покрываются слизью. Австралийская рифовая цапля ежедневно первой прилетает к отливу, чтобы полакомиться всякой съедобной, забытой океаном на берегу. А живет она в 50 километрах от берега, вдали от морских ветров и бурь...

Приливо-отливные ритмы вошли в плоть и кровь обитателей литорали. Например, ритм изменения цвета краба сохраняется и при его содержании в темной комнате. Наибольшее потемнение каждый день наступает на 50 минут позже, чем накануне, как и время наиболее низкого отлива и наиболее высокого прилива. Следовательно, в теле краба имеются два наследственно закрепленных ритма — суточный и лунный, причем суточный осложнен приливо-отливным. Но если это так, то они должны совпадать каждые 15 суток. Это было подтверждено опытами: в непрерывной темноте краб становится наиболее темным каждые 15 суток в 9 часов утра. «Часы» краба не изменяют своего хода при колебаниях температуры от 6 до 26 градусов и за месяц ошибаются лишь на несколько минут.

Человек не сразу разгадал причину океанских приливов и отливов. А ведь сила их велика и, случалось, не раз причиняла людям неприятности. Восемнадцати метров достигает приливная волна в заливе Фонди, на атлантическом побережье Канады. В губе Пенжинской, что на Охотском море, и в заливе Мон-Сен-Мишель, на западе Франции, вода во время приливов поднимается на 13 метров. На реке Амазонке приливная волна заметна на расстоянии 1400 километров, а на Северной Двине — на 120 километров от океанских берегов.

Известно, что флот Александра Македонского был погублен приливом у реки Инд. Учитель полководца Аристотель задался целью разгадать причину приливов. Его, разумеется, не удовлетворяли объяснения, что явления эти вызываются вздохами богини земли Геи и бога моря Посейдона... Аристотель обратил внимание на связь между приливами и отливами в океане и фазами Луны, но объяснить ее не мог. Существует легенда, что он утопился в Эврипе, отчаявшись понять причину четырнадцатикратной перемены течения в проливе за одни сутки.

Ныне явления приливов понятны каждому. Земля непрерывно вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца. Луна обращается вокруг Земли и вместе с ней вокруг Солнца. Непрерывно изменяется положение каждой данной точки Земли по отношению к Луне и Солнцу.

Приливо-отливные явления в Мировом океане, атмосфере и на суше происходят под влиянием Луны и Солнца и обусловлены силами тяготения.

Земля притягивается к Солнцу с силой в 3×10^{18} тонн (то есть цифра с 18 нулями). Огромной величиной характеризуется и гравитационное взаимодействие между Луной и Землей.

Если бы воды Мирового океана не испытывали трения о дно и сопротивления материков, то в среднем каждые 12 часов 25 минут наблюдались бы приливы под влиянием Луны и каждые

12 часов — под влиянием Солнца. Другими словами, за период солнечных и лунных суток всюду должно было быть со строгими интервалами два прилива и два отлива.

Но только ли в этом проявляется влияние Луны на жизнь нашей планеты?

КОГДА „ЗАГОРАЕТСЯ“ МОРЕ

Да, бывает, что оно «загорается», покрывается холодным огнем. Это происходит тогда, когда на поверхности моря появляются морские многощетинковые черви. Их миллионы. Они всплывают и, люминесцируя, мечут икру в одно и то же время...

Строго ритмично размножение беспозвоночных, обитающих в литорали Кандалакшского залива Белого моря: брюхоногих и двусторчатых моллюсков, усоногих, ракообразных, мшанок, многощетинковых червей, иглокожих. В Красном море в определенное время размножаются морские ежи, а в Средиземном море — медузы.

По мановению какой же волшебницы вдруг загорается, закипает море, наполняясь миллиардами зародышевых клеток? Эта волшебница — Луна. Ритмы нереста обычно совпадают с ее фазами.

Например, в Черном море один вид многощетинковых червей размножается в последние дни первой четверти Луны и в первые дни полнолуния, а другой вид — в последние дни четверти и первые дни новолуния.

С фазами Луны связан и размножение многих наземных животных — насекомых и буйволов в Индии, птиц и зверей, постоянно обитающих за Полярным кругом.

Ритмичность размножения морских животных пытались объяснить изменениями уровня воды, ионизации воздуха, силы лунного притяжения, освещенности, совместным действием всех этих условий. В действительности же на первое место следует поставить врожденную длительность циклов размножения, фазы которых регулируются условиями освещения. Это, например, показали опыты с многощетинковыми червями.

Такие же результаты дают наблюдения над растениями. В полнолуние при безоблачной погоде на 2—3 дня ускоряется развитие длиннодневных растений — пшеницы, ячменя и на такой же срок задерживается зацветание кукурузы, сои, проса, то есть короткодневных растений.

Только ли отражаемый Луной солнечный свет влияет на ритмы жизнедеятельности? Нет. Тот же краб-скрипач, находясь даже в темной комнате, великолепно чувствует положение Луны. В новолуние его дыхание уменьшается, а становится наиболее сильным в период третьей четверти Луны. Не видя Луны, краб чувствует ее местонахождение! И как показали опыты Ф. Брауна, проведенные в Северо-Западном университете США, краб в этом отношении не одинок. Помещенные в темницу саламандры, мыши, крысы, клубни картофеля, корнеплоды чутко реагировали на положение Луны в небе: амплитуда их дыхания менялась в соответствии с изменением этого положения. Даже вырезанный из клубня кусочек с глазком оказывался чувствительнейшим барометром.

В чем же дело?

Приливные явления происходят и на суше и в атмосфере. Каждый из нас дважды в сутки поднимается и опускается. На экваторе размах колебаний суши превышает полметра, а в Москве, например, земная кора временами поднимается и опускается на 40 сантиметров. Но вряд ли приливно-отливные волны, пробегающие по телу Земли, оказывают какое-либо влияние на жизнедеятельность. Дело в том, что подъемы и опускания Земли происходят на больших площадях и с ничтожной скоростью: порядка 1 миллиметра в минуту.

А вот приливно-отливные явления в атмосфере — дело другое. Изменения ее толщины связаны с изменениями барометрического давления, а это прямо влияет на жизнедеятельность организмов.

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ—ВОПРОС О ЛУНОДРОМАХ

Человек заглянул в глаза космосу. Он совершил полет вокруг Земли, вернулся и сказал: «Луна не такой уж далекий наш сосед. Я думаю, не так долго нам придется ждать, чтобы лететь к Луне и на Луну».

Перспективы изучения Луны обсуждались на симпозиуме, организованном Международным астрономическим союзом и Академией наук СССР в декабре прошлого года в Ленинграде. В повестку дня поставлен вопрос о лунодромах.

Близкое знакомство с Луной поможет решить и некоторые проблемы геофизики, геологии, биологии.

Люди давно мечтали о приливно-отливных гидроэлектростанциях. Кое-где их уже строят. Неиссякаемая сила океанских приливов может дать человеку больше энергии, чем он получает от сжигания угля и нефти. В отличие от запасов природных ископаемых силы космоса практически неисчерпаемы. На базе таких электростанций (ПЭС) в сочетании с другими энергетическими установками может быть создана единая евроазиатская, а затем и мировая энергосистема. Представьте себе такое время, когда приливы и отливы в океане будут вызывать управляемые человеком приливно-отливные движения электроэнергии на огромных просторах земного шара!

...Когда загорается море, жители многих океанских островов выходят на промысел и вылавливают сотни тонн многощетинковых червей, которых употребляют в пищу. Рыбаки Калифорнии каждое лето с нетерпением ждут сообщения о времени первого летнего сизигийного прилива. С ним к берегам Калифорнии выносятся маленькие и вкусные рыбки грунзон. В Северном море в определенные фазы Луны вылавливают больше всего сельдей.

Но законы, определяющие время и пути миграции рыб и морских зверей, еще недостаточно изучены. Биология моря ждет своих открывателей. И, разрабатывая биологические основы морского прилива, они, конечно, будут изучать как прямое (посредством света), так и косвенное влияние Луны — фотопериодизм, биоэлектрические и барометрические явления. Много полезного даст это изучение и для сельского хозяйства, для медицины. Изучать Луну — значит находить решения и земных и космических задач.

ХУДОЖНИК-КЛЕЙЩИК. Михель Петроне, поденщик с острова Ишин (юг Италии), мечтает стать художником. Нищета заставила его быть экстравагантным. Крышки от старых ящиков заменяют ему холст. Роль краски выполняют разноцветные лоскутья. Ловко орудуя ножницами, с помощью клея он превращает на своих картинах мятые тряпки в голубое небо, море, берег, лодки, древние башни.

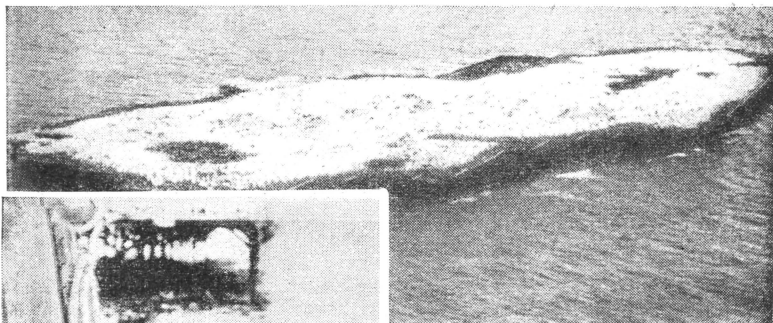
Никого не интересует дальнейшая судьба талантливого самоучки. Вряд ли удастся ему накопить денег, чтобы учиться, а не «клеить» картины на забаву публике.

В ДОБРОМ СОГЛАСИИ

«Ну кто теперь осмелится меня тронуть?» Между могучими лапами львицы кошка Сузи чувствует себя в полной безопасности.

Миролюбие львицы объяснить нетрудно. С раннего детства подружки воспитывались вместе на одном американском ранчо.

КЕНГУРУ—ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Джо за свою недолгую жизнь успела повидать полсвета и повсюду находила радужный прием.

Каждый вечер хозяйка Джо австралийская дрессировщица Эме Лаванте выводит свою воспитанницу на улицу. Прогулка с «домашней» кенгуру — лучшая реклама для вечерних выступлений.

ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ „ОСТРОВИТАНИН“

В поисках работы столяр Винтер эмигрировал из Швейцарии в Африку.

Долгие годы он строил неподалеку от берега «птичий остров». Этот громадный, в 17 тысяч квадратных метров, стол вполне устроил кормаранов, гнездившихся до этого в прибрежных скалах.

Птицы спасли Винтера от нищеты. Каждый год он отправляет на берег до 20 тысяч центнеров гуано—ценного, дорогостоящего удобрения.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ОБРАТИЛСЯ К УЧЕНЫМ

Э. ФИНН

...Следователь высыпал из пакетика десятка два тоненьких свернувшихся спиральками пружинок. Они были очнь похожи на те, какие бывают в будильниках, только чуть пошире.

Одну за другой, осторожно притрагиваясь к ним пинцетом, разглядывал следователь эти спиральки. В некоторых местах на черной поверхности стальных ленточек виднелись ржавые налеты.

Подозревали, что ржавчина была виновницей поломок пружинок. Они использовались в механизме важных приборов, от правильной работы которых зависело очень многое.

Следователь подбрасывал пружинки и нагибал голову, прислушиваясь к едва уловимому дребезжанию, раздававшемуся при их падении на стекло. Но эти звуки не вызывали никаких ассоциаций.

И он снова стал изучать документы дела — объяснения специалистов, разные схемы и фотографии, заключения экспертов. Никто ничего твердо не утверждал, а только пытался объяснить происшедшее. В качестве причины образования ржавчины выдвигалась и повышенная влажность воздуха в цехе, и плохая изоляция пружинок внутри механизма, и даже перенасыщенный серой дым, клубившийся из трубы соседнего завода: ветер мог пригонять дым к форточкам цеха, а сера, как известно, ведет к образованию ржавчины на металле.

Каждое из этих объяснений казалось правомерным, но следователь все-таки сомневался.

Как бы невзначай он намочил указательный палец и приложил его сначала к одной пружинке, потом к другой. Отметил эти места царапинами ножа и завернул обе пружинки отдельно...

Через два дня пружинки снова лежали перед ним на стекле. Те две — отдельно. Их следователь осмотрел в первую очередь. Так и есть: там, где был приложен влажный палец, заметны буроржавые пятнышки с неровными очертаниями.

Увеличительное стекло позволило сделать картину более ясной. Следователь даже привстал... Вот оно! Это же не просто пятна, это отпечаток его пальца...

Чтобы проверить свое предположение, он быстро придавил к раскрытой штемпельной подушке указательный палец и сделал несколько отпечатков на листке бумаги. Потом снова стал рассматривать пружинки.

По разнородным чертам рисунка на пятнышках следователь сортировал их. Узоры пятнышек достаточно резко различались друг от друга, но и не отличались большим разнообразием — все пружинки улеглись в три кучки, каждая с одинаковыми рисунками-узорами.

Три человека касались их влажными пальцами... Почему и при каких обстоятельствах они делали это?

На этот вопрос частично ответил мастер одной из смен цеха. Он несколько смущенно признал, что, к сожалению, некоторые работники позволяют себе нарушать строгое требование инструкции и укладывают пружинки не с помощью пинцетов, а пальцами.

— Так, конечно, проще, — объяснил мастер. — Проще и, пожалуй, сделаешь больше...

Но почему только для трех это проще? Почему остальные так не делали? Почему только трое?

— Трое? — переспросил мастер. — Совсем не трое, а в общем многие...

— Но почему только трое оставили следы?

На этот вопрос мастер ответить не мог.

Можно ли выявить трех виновниц из числа нескольких десятков работниц, монтировавших приборы? Да. И проще всего было дактилоскопировать их — взять отпечатки пальцев, как это принято во всех подобных случаях делать в США. А человеческое достоинство? А огульное подозрение всех работающих в цехе? Нет, этого хотелось избежать. Дактилоскопировать негласно? Технически можно, но требуется много времени. А дело не ждет.

Как же быть в таком случае?

Следователь обратился к ученым.

Однажды он уже пользовался советом академика Н. Н. Бурденко и сейчас решил поехать к нему.

Бурденко пришел к выводу: три неизвестных, коль скоро только они из числа многих прикасавшихся к пружинкам оставляли следы, отличались повышенной потливостью.

— Почки, видимо, не в порядке, — заключил Николай Нилевич.

Вывод академика был таким простым, что следователь смутился: как он сам до этого не додумался?

Н. Н. Бурденко посоветовал обратиться к профессору В. Л. Минору.

Профессор Минор, видный невропатолог, подробно рассказал следователю обо всем, что было связано с интересовавшей его проблемой, и, в частности, указал, что резкое увеличение пототделения может наблюдаться у женщин, которые готовятся стать матерями.

Что было дальше?

Заводская амбулатория дала справку, что в период, интересовавший следствие, трое работниц сборочного цеха — какие-то — готовились к декретному отпуску.

Отпечатки пальцев этих работниц вместе с пружинками отправили в криминалистическую лабораторию. Вскоре прислали свое заключение эксперт. Именно эти работницы были признаны, если так можно выразиться, авторами роковых отпечатков на пружинах.

Проверив все, следователь выяснил, что единственная причина нарушения инструкции — погоня за количеством.

Так ученые помогли доискаться до истины в следствии, а заодно устранить брак на заводе.

...Ивана Ивановича, бухгалтера одного сибирского совхоза, сослуживцы видели последний раз 27 апреля. Его жена — звали ее Аксиньей — на следующий день, сама опоздав на три часа на работу, весьма невразумительно объяснила отсутствие мужа:

— Ушел! Туда ему и дорога...

Допытываться о подробностях ухода ее мужа никто не стал. В совхозе все знали его как отъявленного пьяницу, знали, как доставалось от него Аксинье и ее детям. Аксинью не раз видели в синяках. И никого не удивило, что 28 апреля ее кофточка была в крови.

Исчезнувший пьянчуга не оставил в совхозе друзей, о нем скоро забыли. Но через пять лет вспомнили — и вот при каких крайне неприятных обстоятельствах.

Однажды к вечеру кто-то увидел, что Аксинья, вскрывшая подпол своего дома, выбрасывает оттуда мусор, смешанный с костями. Конечно, мало ли что найдешь в подполе старых, обжитых несколькими поколениями домов. Но на мусорной куче оказался... человеческий череп! Все сразу заподозрили: не убила ли Аксинья своего мужа?

Местный судебно-медицинский эксперт, приехавший в совхоз вместе с прокурором, удостоверил, что смерть человека, о чьих останках идет речь, произошла примерно в тот период времени, когда исчез бухгалтер совхоза...

Прокурор, видимо, отличался прямолинейностью. Вместе с сослуживцами Ивана Ивановича он нисколько не сомневался в том, что Аксинья совершила преступление. Кости и череп стали вещественным доказательством по делу «о факте обнаружения трупа неизвестного». В качестве таковых останки человека доставили из Сибири в Москву.

Зачем? Тут надо отвлечься — познакомиться с достижениями специальных разделов криминалистики и судебной медицины, которые по особенностям костей человека позволяют получать некоторые данные из его прошлого.

Палеонтологи давно уже научились по костным останкам читать далекое прошлое животного мира, восстанавливать внешний вид исчезнувших существ. В содружестве с художниками и скульпторами палеонтологи, а вслед за ними и антропологи стали создавать достоверные картины жизни прошлых тысячелетий. Известный французский естествоиспытатель Жорж Кювье в конце XIX века, исходя из разработанного им принципа корреляции органов, воссоздал внешний облик ряда вымерших животных по обнаруженным при раскопках костным остаткам.

Выдающийся советский палеонтолог академик А. А. Борисяк в свое время по отдельным косточкам реконструировал ископаемого халикотерия. Загадочная форма этого животного давно привлекала внимание ученых. А. А. Борисяк не только воссоздал его облик, но объяснил, как ходил этот предок жирафы.

Еще в прошлом столетии отдельные ученые пытались определить по сохранившимся черепам черты лица людей. С этой целью изучался, например, череп Данте, могила которого реставрировалась в 1865 году в связи с 600-летием со дня рождения поэта. Сравнение известной посмертной маски с лица Данте (она хранилась во Флорентийском музее) с измерениями черепа позволило сделать заключение, что череп и маска принадлежали одному человеку — именно Данте.

Такому же исследованию подверглись черепа философа Канта, художника Рафаэля, композитора Баха, злополучного Дарнлея, мужа королевы Шотландской Марии Стюарт, лорд-протектора

Оливера Кромвеля, голова которого много лет кряду находилась на шесте, установленном на крыше Вестминстерского аббатства.

Узнать по черепу или по отдельным костям, кем был тот человек, которому они принадлежат, — такая возможность имеет огромное значение и при расследовании некоторых преступлений.

Практика следственных органов знает случаи, когда по специфическим следам на костях удавалось выяснить болезнь, которой страдал тот, чья личность устанавливается, и т. д.

...Вот и кости, выброшенные Аксиньей, были рассмотрены комиссией специалистов, которую возглавил судебно-медицинский эксперт В. К. Дербоглав.

Члены комиссии сразу обратили внимание на одну из костей правой ноги. Они заметили на ней такие отклонения от нормы, которые позволили утверждать, что погибший хромотал, и длительное время: дефект ноги появился у него задолго до смерти! Но Иван Иванович никогда не хромотал.

Череп, оказавшийся в подполье, был направлен в лабораторию пластической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР. Руководитель лаборатории М. М. Герасимов подверг череп антропологическому исследованию. Результаты исследования дополнили вывод судебно-медицинских экспертов.

М. М. Герасимов использовал не только теоретические данные краниологии (учение о черепках), но и свой многолетний опыт. Это позволило ему мысленно дорисовать лицо, которое когда-то «лежало» на черепе.

«У покойного, — писал М. М. Герасимов, — были густые брови, близко сходящиеся над переносьем, скуластое лицо, глубоко сидящие глаза и широкий массивный подбородок».

Но... это не было лицо Ивана Ивановича.

Что же, Аксинья убила двоих — и хромого мужчину с массивным подбородком и своего мужа?

Такое предположение, коль скоро оно возникло, тоже нельзя было сбросить со счета. Надо было хотя бы доказать, что Ивана Ивановича нет в живых.

Страна велика, а Иван Ивановичей сотни тысяч, и все же нужный нашелся. Выяснилось, что он действительно «исчез» 27 апреля, накануне совершив кражу в совхозном универмаге. Часть вещей он подарил жене, в чем та и призналась.

Но кто же тогда был убит в доме Ивана Ивановича? И кто его убил?

Удалось выяснить и это. Хромающий человек с тяжелым подбородком и густыми бровями работал на железной дороге. Со-служивцы сразу подтвердили его приметы. Пять лет назад он неожиданно исчез...

Следствие установило: Иван Иванович познакомился с железнодорожником случайно, за бутылкой водки. Допивали ее по приглашению бухгалтера в его доме. Там повздорили — железнодорожнику это стоило жизни...

...Химия, физика, судебная медицина, антропология, судебная баллистика, дактилоскопия и другие науки помогают следственным органам устанавливать важнейшие обстоятельства различных преступлений, узнавать правду в интересах советского правосудия.

ВОЛК НАПРОКАТ

Английский писатель А. Томсон мало известен советскому читателю: лишь в 30-х годах издательство «Земля и фабрика» выпустило две его тоненькие книжечки. А. Томсон главным образом работал в жанре пародий.

Рассказ, который печатается ниже, заново обработан для «Искателя» переводчиком Е. Толмачевым.

Рисунки А. Гусева

В этом мире ничто не приходит сразу, самый большой шум начинается с легкого шороха, и я убежден, что громогласный барабан оперного оркестра родился двухсентовым свистком и лишь много позже сделал карьеру. Так-то-с!

Как это ни странно, но мой дядя Стив, самый хитрый мошенник от Питсбурга до родительской субботы, тоже начинал свою карьеру с маленьких делишек. Долгие годы трудился он, выбиваясь на путь праведный, занимаясь самыми разнообразными вещами: разводил кур на ферме, лечил лошадей, крал понемногу и помногу, был странствующим проповедником, укротителем диких зверей в цирке синьора Мико Мурфию, но уже твердо стоял на ногах, когда встретился с Фердинандом Фернандо.

Фердинанд был честным и несколько старомодным мошенником. У него были костюмы и манеры биржевика с Уолл-стрита, но надо отдать ему справедливость, на самом деле он никогда не опускался так низко.

Историческая встреча двух плутов состоялась в баре Самвилль-сити.

— Ну, мистер Хукабки, — сказал он, увидев Стива, — я слышал, что вы бросили укрощать львов.

— Да, сэр, — отвечал дядя Стив. — Бросил. Мне все казалось, что это нечестно по отношению к ним. С моим диким, неукротимым темпераментом, с моей кровожадностью я, право, мало гармонировал с этими бедными беззащитными зверюшками,

— Чем же вы теперь намерены заняться?

В то время Стив был как раз странствующим проповедником.

— Незнакомец, — ответил он благосклонно, — сейчас я торгую сухим товаром, стучу в пустые жестянки человеческих душ и сею добрые семена любви и всепрощения среди страждущего человечества.

— Стив, — говорит Фердинанд, и слезы подступают у него к горлу, — я готов плакать и вместе с вами швыряться семенами в страждущее человечество. Слушайте, друг, я придумал замечательнейший план, который внесет мир и радость в истомленные трудом и борьбой души наших братьев — деловых людей.

— Э, брось валять дурака, — говорит Стив. — Деловой человек устает от работы, а не от своих долларов.

— Ладно, ладно, Стив, — отвечает Фердинанд, — мы столкуемся. Начнем с малого. Я решил основать Ферму Чистого Воздуха, где усталые городские людишки могут, оставив свои конторы, встретиться лицом к лицу с матерью природой и дышать свежим воздухом.

— Это мне нравится, — замечает Стив. — Валяйте дальше.

Тот говорит дальше, и чем дальше, тем больше дело нравится дяде Стиву.

— Ладно, Ферд, — соглашается он. — Идет.

Они легко заарканили деловых людей, уставших от городских забот, потому что Самвилль-сити не такое уж захолустье, где не происходит автомобильных катастроф. В нем есть два банка, склад жевательной резины и муниципальный клозет, так что местные спекулянты недвижимостью вполне серьезно называют его будущим Коммерческим Вавилоном Запада. Город раскинулся у подножья горной цепи, и милях в двух от него, на горных склонах, растет смешанный лес, где попадают деревья толщиной с фабричную трубу в Питсбурге. На опушке этого леса Стив и Ферд деятельно принялись сколачивать шалаш-кухню и натягивать дюжину палаток для страждущего человечества.

Потом Стив, как более красноречивый из компаньонов, едет в Самвилль в своем старом фургоне, останавливается на площади, взбирается на ящик от виски и мгновенно собирает вокруг себя толпу, точно Джордж Вашингтон, читающий свои Восемнадцать заповедей блаженства.

— Друзья и братья, — ораторствует он, — сегодня я прихожу к вам как вестник радости для всех и каждого. Солнечный Стив — вот кто я такой! Все мы тяжело работаем, все мы день и ночь печемся о хлебе насущном. На кой черт трудиться и трудиться беспросветно? Друзья, не пора ли отдохнуть от дымного, шумного Самвилль-сити? Отдохнуть среди зеленых холмов, где светит солнце и крепкие, благоуханнейшие воздуха наполняют ваши грудные клетки. Позвольте нарисовать вам маленькую картинку. Усталый чиновник, до полусмерти замученный всякими отношениями, заявлениями, входящими, исходящими, предприниматель и торговец, отравленный духотой и кипением большого города, оставляет всю эту надоевшую канитель далеко позади. Он едет в горный лагерь, где над ним голубеет ясное небо, под ногами хрустит сосновая хвоя, и свежий воздух, не облагаемый ввозной пошлиной, окружает его

со всех сторон. Душа его проясняется. Солнечный свет заряжает его лучше всякого аккумулятора. На завтра, возвратившись в свою контору, он, шутя и играя, выполняет ту работу, от которой вчера сгибался в три погибели. Все потому, что он пожил лицом к лицу с природой. Где же он был, что стал таким молодцом? На Ферме Чистого Воздуха мистера Фернандо. Цены умеренные, вполне общедоступные. Через десять минут вагон отправляется первым рейсом в Горный Рай.

Через пару минут фургон был битком набит, а оставшиеся штурмовали подножку, пока дядя Стив не взял палку и не разъяснил популярно, что

больше взять не в силах. Потом Стив зацокал, и фургон покатился в Горный Рай.

Когда они приехали, Фердинанд — на лице у него сплошное благодушие и кротость — встретил их.

— Привет вам, джентльмены, поздравляю с прибытием в лагерь отдыха и здоровья!

Потом они посадили своих двенадцать клиентов за обед, подали им вареных цыплят, горячих вафель и сочных оладий с вареньем. Вот это был обед! Благодарные граждане полезли целовать Фердинанда и Стива, точно младенцы своих кормилиц.

— А теперь спать! — отчески приказал Фердинанд. — Сон — второе великое лекарство природы, и притом вставать завтра в пять утра. Спать, спать, ребята...

Меньше чем за четверть часа удалось загнать клиентов в их палатки, и понесся такой сладкий и залихватый храп, что, верьте слову, труба старого Гавриила-архангела не разбудила бы их. Но чу! Что это за отдаленный вой, который так протяжно звучит в ночном воздухе? Что это? Волки!.. Звук приближается, становится все громче и злее, он точно говорит:

— А-а-а... а-а-я... здесь... иду-у... к вам... Я-а-а... здесь...

Потом вой раздается у самого лагеря.

Фердинанд носится между палатками, лупит по полотну и кричит:

— Волки! Волки! Они нас разорвут! Скорее! Скорее просыпайтесь!.. Бейте их, ребята, бейте их!..

Отсохни рука у моей жилетки, если эти парни не выскочили голышом и не побили все олимпийские рекорды в беге! В две минуты лагерь опустел, точно вымер.

Стив нашел Фердинанда у костра. Тот сидел и считал оставленную одежду.

— Сколько всего? — коротко спросил Стив.

— Две тысячи четыреста пятнадцать долларов бумажками и одиннадцать пар штанов. Один мерзавец оказался осторожным — шотландец, наверное, — и спал не раздеваясь. Да, Стив, это замечательная мысль! К счастью, вы воспитывались среди диких зверей. Этот ваш волчий вой так натурален, что ему позавидует любой волк.

— Это пустяки, — скромно отвечает Стив. — Теперь давайте делиться, не так ли?

— Осади назад, приятель, — рычит Фердинанд. — Ваша до-

ля — десять процентов. И две пары штанов из чистой филантропии.

— Есть ли у вас совесть, Ферд? — печалится дядя Стив.

— Совесть — это деталь, — отвечает тот. — Скажите, пожалуйста, кто хозяин этого предприятия? Кто выдумал весь проект? Кто финансировал это дело? Я, собственной персоной. Хотите служить или не хотите? И без вас найдутся тысячи безработных, которые сочтут за великое счастье выть за хорошую цену.

— Ладно, ваше дело, — разочарованно говорит Стив. — Но где мы будем выть в следующий раз? Не такой это город, чтобы ограбить его дважды.

— Верно, — отвечает Ферд. — Давайте сворачивать палатки и потихоньку покатим в Лондон-гулли. Бодритесь, Стив, не вешайте носа. В конце концов десять процентов и две пары штанов — неплохо за пятиминутный вой.

Ну-с, в Лондон-гулли они повторяют программу: разбирают лагерь в сосновом лесу. Стив отправляется в город демосфестствовать и вдруг среди зевак видит Мико Мурфию, короля цирка. В ту же минуту ему приходит блестящая мысль.

— Синьор, — говорит Стив, — можете оказать услугу своему старому приятелю?

— Проклятье и карамба! — отвечает тот. — Конечно. Что вам угодно?

— С тех пор, как я отошел от цирка, я прямо исстрадался без моих чудесных зверей. Будьте другом, синьор, одолжите мне одного зверя на вечер. Старая Лиззи, волчица, возвеселит мое сердце.

— Валей, Стив, — отвечает Мико. — Всегда рад услужить джентльмену. Старуха стала что-то задумываться и потеряла последние зубы: как бы не подохла. Когда вам ее прислать?

Стив просит прислать Лиззи ночью в лагерь, прощается с синьором, набивает фургон уставшими деловыми людьми и катит в горы. Просто, как азбука. К десяти часам все лежат в постелях и храпят неимоверно, а Стив идет встречать мальчика с волчицей, которых послал синьор. Но мальчик пришел с опозданием, и Стиву некогда разводить учтивости.

— Обойди лагерь и спрячь ее в лесу, — командует Стив. — Когда она мне понадобится, я свистну и дам ей сахару.

Мальчик уходит, уводя волчицу на цепи, а Стив идет на кухню к Ферду, который ждет начала представления.

— Алло, Стив, — говорит Ферд. — Вы опаздываете, вам пора выть.

— Никакого вытья, — отвечает Стив. — Профсоюз завывателей объявил забастовку, требуя пятьдесят процентов сбора плюс все штаны.

— Глупости! Вы требуете немислимых вещей.

— Вы ошибаетесь. Я вам докажу, что выть умеет не всякий. Я думаю, Ферд, что сегодня ваша очередь получать десять процентов.

— Ну, это уж дудки!

— Как хотите. А то я разбуду этих невинных ягнят и расскажу им обо всех ваших штучках.

— Черт с вами, сам буду выть, — обижается Ферд.

Он выбежал, пылая гневом, и вскоре Стив услышал из леса такой натуральный вой, что у него мурашки по коже побежали.

— Черт поberi мои калоши, — сказал Стив. — Если мой вой после этого не любительская халтура, то я ничего не понимаю.

Добрые граждане не стали дожидаться, пока их разбудит Стив. Они вскочили, как один человек, и пустились по домам в Лондон-гулли с быстротой ветра прерий. Стив методично обошел все палатки и только что прилачился в кухне укладывать в свой ящик лучшие части туалета, как прибегает Ферд. Рот у него на боку, а в глазах такое, точно за ними гонится сам черт.

— Спасите меня, Стив! — вопит он. — Пустите меня! Сто волков гонится за мной! Настоящих волков!..

— Ладно, — отвечает Стив, — я пушу вас. Только наперед: всё пополам. Идет?

— Идет, черт вас поberi! — ревет Ферд.

Стив впускает и запирает дверь.

— Боже мой! — восклицает Ферд, падая в изнеможении. — Я уже думал, что мне конец! Там было не меньше тысячи огромных волков с теленка ростом и со страшными клыками...

Стив вот-вот лопнет от смеха.

— Ферди, — говорит он, — вы же врете, как поросенок. Был только один волк, кроткая старая Лиззи без единого зуба. Она бежала за вами, думая, что вы дадите ей молочка. Да она умрет от испуга, если вы назовете ее скверным словом.

— Ах, так? — ярится Ферд. — Тогда я сейчас пойду и загну ей такое словцо!.. Молочка ей надо?.. Да я ей...

И он летит обратно в лес, польхая от ярости. Стив так хочет, что не может его остановить.

А вскоре послышались шаги, и в шалаш ворвался Мико Мурфио.

— Проклятье и карамба! — кричит он. — Вы еще живы, Стив? Хвала святым мученикам! Я сказал этому последнему идиоту мальчишке отвести к вам Лиззи, а он взял нового волка-людоеда, который растерзает первого попавшегося, кто его разозлит. Корпо ди Бакко, чего вы ржете, Стив?

Стив перестал хохотать и начал деловито перекладывать пожитки Фердинанда в свой ящик.

Застрели меня архангел из поганого пистолета, если с тех пор кто-нибудь встречал Фердинанда Фернандо.

СОДЕРЖАНИЕ

Во всеоружии науки	2
БОРИС ХУДЕНКО. Здравствуй, сапиенс!	16
Чудеса XX века	58
А. МЕЩЕРСКИЙ, Л. БОГДАНОВ. Революционер Михаил Войнич	63
Т. ТИХОВА. Золотая лихорадка	68
ФРАНСИС КАРСАК. Робинзоны космоса	78
Всемирный калейдоскоп	114
«Искатель» принимает гостей	116
Д. А. ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ. Энергия звезд	117
В. АМПИЛОВ, В. СМIRНОВ. В маленьком городе Лиде	122
А. ЭММЕ. Лунные ритмы	144
Снимки рассказывают	148
Э. ФИНН. Следователь обратился к ученым	150
А. ТОМСОН. Волк напрокат	154

ЧИТАЙТЕ В ШЕСТОМ НОМЕРЕ

«Странное светящееся здание было совсем близко. Оно хорошо просматривалось сквозь фиолетово-красный туман. И вот тогда-то появились эти фигуры. Они выплыли из здания, построились полукругом и застыли, чуть покачиваясь из стороны в сторону.

— Жители этой планеты! — прошептал Вадим, самый молодой из астронавтов.

— Или машины типа роботов! — отозвался Ким, и ему стало душно под скафандром.

Непонятные существа приблизились...

Это короткий отрывок из рассказа «Мост», написанного молодым киевским писателем Игорем Росохватским. Вы прочтете его в шестом номере «Искателя», многие страницы которого посвящаются рассказам. — фантастическим и приключенческим.

Редакционная коллегия: Б. А. БАЛАШОВ, И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художник-оформитель В. НЕМУХИН.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Рукописи не возвращаются. Технический редактор И. Егорова.

Адрес редакции: Москва, А-55, Сущевская, 21.

Тел. Д 1-15-00, доб. 3-38.

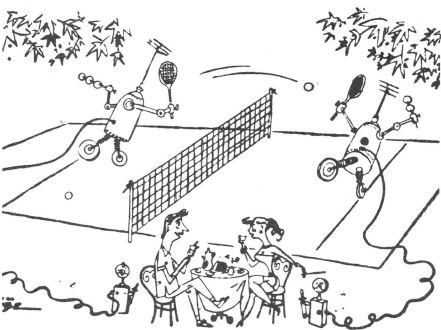

А08541 Подп. к печ. 17/IX 1961 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5(8,2). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1335.

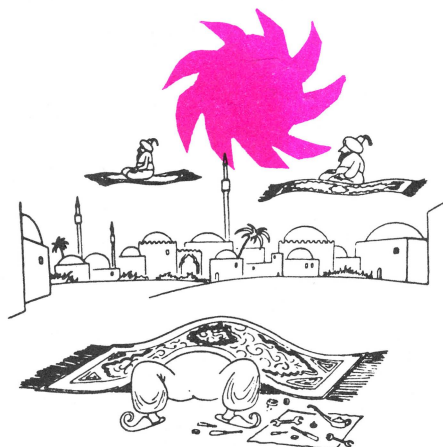

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-55, Сущевская, 21.

И В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

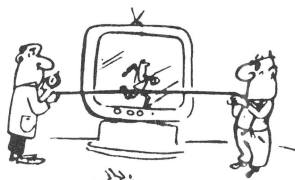
Без слов.

Без слов.

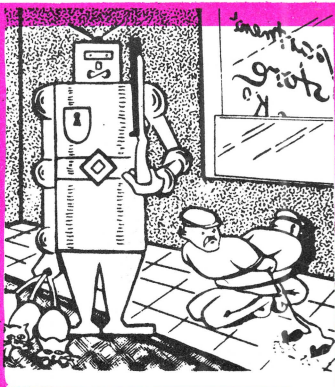

Новая симфония французского композитора Эрика Сати «Парад» напоминает... Впрочем, судите сами, что она напоминает, если в одной из ее частей исполняется соло на пишущей машинке. Кроме инструментов оркестра, «усиленных» пишущей машинкой, в этом музыкальном произведении гудят заводские сирены, доносятся свистки пароходов, раздаются выстрелы.

Без слов.

Робот получил задание: охранять один из универмагов Нью-Йорка. За одну ночь он «задержал» четырех кошек, двух мышей и... двух ночных сторожей.

ЦЕНА 20 коп.